F1 99/216
801-15/731

ЛЮДИ И НРАВЫ

Д.

ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

От Владивостока до Хабаровска.

(путевой дневник).

Г. Т. Мурова.

ТОМСК.
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 мая 1900 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ 3—4 лѣтъ, путешествуя по Дальнему Востоку, я проѣхалъ, между прочимъ, по главному пути отъ Владивостока до Хабаровска, а изъ послѣдняго до Читы. Главной цѣлью этого странствованія было—ознакомленіе съ населеніемъ края, изученіе нравовъ и дѣятельности мѣстныхъ жителей. Въ пути я велъ дневникъ, записывая всѣ результаты моихъ наблюденій. Не довольствуясь ими, я пользовался источниками печатными и устными. Къ первымъ я прибѣгалъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдаемый мною фактъ или явленіе мѣстной жизни казались мнѣ единичными, или когда мои выводы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, казались неправдоподобными. А задавшись цѣлью быть какъ можно болѣе правдивымъ наблюдателемъ, я старался относиться ко всему безпристрастно, воздерживаясь отъ разсужденій и рискованныхъ гипотезъ и теорій, затемняющихъ сущность излагаемаго. Наконецъ, выпуская въ свѣтъ мой дневникъ всего пути отъ Владивостока до Хабаровска, я исключилъ изъ него по возможности все то, что

. Муровъ.

КНИГА ИМЕ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт
10				

Зак. 7. Тир. 100 тс.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 мая 1900 г.

2007335
Е Т:
Иллюстр. | Служебн. №№ | №№ списка и порядковый | 1946 г.
1 | 13 | 138/1419

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ 3—4 лѣтъ, путешествуя по Дальнему Востоку, я проѣхалъ, между прочимъ, по главному пути отъ Владивостока до Хабаровска, а изъ послѣдняго до Читы. Главной цѣлью этого странствованія было—ознакомленіе съ населеніемъ края, изученіе нравовъ и дѣятельности мѣстныхъ жителей. Въ пути я велъ дневникъ, записывая всѣ результаты моихъ наблюденій. Не довольствуясь ими, я пользовался источниками печатными и устными. Къ первымъ я прибѣгалъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдаемый мною фактъ или явленіе мѣстной жизни казались мнѣ единичными, или когда мои выводы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, казались неправдоподобными. А задавшись цѣлью быть какъ можно болѣе правдивымъ наблюдателемъ, я старался относиться ко всему безпристрастно, воздерживаясь отъ разсужденій и рискованныхъ гипотезъ и теорій, затемняющихъ сущность излагаемаго. Наконецъ, выпуская въ свѣтъ мой дневникъ всего пути отъ Владивостока до Хабаровска, я исключилъ изъ него по возможности все то, что касается меня лично.

Г. Т. Муровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I

Какъ я задумалъ путешествіе на Дальній Востокъ.—Золотой Рогъ и его прошлое.—Исторія Владивостока.

Изъ всего нашего необъятнаго отечества, меня болѣе всего интересуетъ Сибирь, въ особенности ея восточная половина. Чтеніе Пржевальскаго, Реклю, Грумъ-Гржимайло и др., не удовлетворивъ вполнѣ моей любознательности, еще болѣе возбудило во мнѣ интересъ къ этой окраинѣ. „Надо съѣздить туда, и нынѣ-же“, рѣшилъ я. Обстоятельства пока благопріятствовали мнѣ: одинъ изъ моихъ друзей-товарищей, кандидатъ правъ П. уѣзжалъ во Владивостокъ на службу. Мое желаніе сопутствовать ему очень обрадовало его. Такъ какъ нашъ отъѣздъ былъ назначенъ на другой же день, то я долженъ былъ спѣшить приготовленіемъ къ этому путешествію. Эти приготовленія были несложны: захвативъ только самое необходимое, мы сѣли на другой день на одинъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота и черезъ два съ половиною часа покинули Одессу.

Не стану описывать нашего морского путешествія. Скажу о немъ только слѣдующее: не могу представить себѣ болѣе тяжелаго и тревожнаго существованія, какъ жизнь на морѣ. Морская болѣзнь, какъ злая фея, захватила меня въ свои жестокія объятія въ самый день отплытія и выпустила только въ день прибытія въ Золотой Рогъ.

Впрочемъ, бывали часы, хотя и рѣдкіе, когда она освобождала меня отъ своихъ непріятныхъ ласкъ. Тогда, полулежа въ креслѣ, я предавался мечтамъ.

Воображеніе то переносило меня въ мой любимый уголокъ на моемъ Хуторѣ, то въ тотъ городъ, куда я плылъ. Не имѣя понятія о современномъ положеніи Владивостока, я однако зналъ его прошлое.

Исторія этого города оригинальна. Владивостокъ расположенъ при бухтѣ „Золотой Рогъ". Китайцами она называется Хай-шэнь-вэй или бухта трепанговъ. По словамъ одного изъ моихъ владивостокскихъ хорошихъ знакомыхъ, китайскаго купца-старичка*), въ молодые годы добывавшаго здѣсь трепанговъ, въ Хай-шэнь-вэй'ѣ ловля послѣднихъ производилась каждое лѣто. Промышленники, китайцы и манчжуры, приходили сюда тремя путями: или изъ Хунь-чунчя, по тропѣ вдоль побережья Амурскаго залива, въ небольшомъ разстояніи отъ берега, или изъ Нинъ-чу, чрезъ китайскій поселокъ (гдѣ нынѣ расположенъ г. Никольскъ), или же морскимъ путемъ, на джонкахъ, вдоль береговъ Кореи. Все пространство, на которомъ раскинулся нынѣ Владивостокъ, по словамъ того же китайца, было покрыто дремучимъ лѣсомъ. Только небольшая береговая полоска по берегу залива, гдѣ нынѣ базаръ и морскія сооруженія, была безлѣсная. Тутъ были шалаши и фанзы промышленниковъ. Изъ Хай-шэнь-вэй'я тропа шла къ сѣверу по берегу Амурскаго залива. Около того мѣста, гдѣ нынѣ Угловая, тропа развѣтвлялась. Одна шла вдоль Суйфуна. Въ однихъ мѣстахъ она шла по самому берегу этой рѣки, въ другихъ поднималась въ горы для обхода бе-

*) Одновременно со мной плылъ во Владивостокъ изъ Шанхая.

реговыхъ утесовъ. Непрерывной линіей, чрезъ упомянутый выше китайскій поселокъ, шла она далѣе, до Нин-чу. Другая тропа, отъ Угловаго, шла на востокъ, сначала по берегу Амурскаго залива, потомъ, по пересѣченіи хребта, по Уссурійскому, гдѣ тоже съиздавна производилась ловля трепанговъ и морской капусты; далѣе она выходила къ устью Сучана и, превратившись въ колесную дорогу, шла по долинѣ этой рѣки, гдѣ уже тогда было множество китайскихъ поселеній. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сучанъ течетъ по ущелью небольшой рѣчушкой, дорога, превращаясь снова въ узкую тропу, подымалась въ горы, въ дремучіе лѣса по Сихота-Алиню. Замѣтная только опытному и „острому" глазу китайскаго бродяги, хозяину этихъ лѣсовъ, тропа, развѣтвляясь, доходила до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Сихота-Алиня. По всему протяженію ея, на разстояніи дневнаго перехода другъ отъ друга, расположены были фанзы*). Нѣкоторыя были обитаемы, другія же стояли пустыя, служа ночлегомъ путникамъ-звѣроловамъ. По словамъ старичка-китайца, онъ самъ въ молодости хаживалъ по этимъ лѣснымъ тропамъ, скупая у промышленниковъ золото (будто-бы добываемое на Сихота-Алинѣ), дорогіе мѣха и панты. Самъ старикъ доходилъ только до хребта Хехцыра, прикащики же его доходили до Софійска. Здѣсь они садились съ собраннымъ товаромъ въ лодки и по берегу Амура поднимались до устья Уссури**); свернувъ въ послѣднюю, а изъ послѣдней въ Мурень, они благополучно

*) Фанзы эти существуютъ и нынѣ. Почти всѣ онѣ обитаемы.

**) Мимо береговыхъ утесовъ они шли на веслахъ; тамъ же, гдѣ берега представляли ровную береговую полосу, гребцы, идя по берегу, тащили лодку на лямкѣ, какъ наши бурлаки.

выходили на дорогу въ Нин-чу. Въ Хай-шэнь-вэй привозили въ небольшомъ количествѣ и товары. Ими снабжалось населеніе по Сучану, по Суйфуну, по побережью Амурскаго и Уссурійскаго заливовъ и одиночки-звѣропромышленники (большею частью—бродяги), обитатели многочисленныхъ фанзъ по Сихота-Алиню и его дебрямъ. Изъ европейцевъ первые открыли эту бухту англичане, прибывшіе сюда на суднѣ „Винчестеръ" въ 1856 году. Окрестивъ Хай-шэнь-вэй „Портомъ Мей", предпріимчивый Джонъ Буль собирался уже водрузить надъ этимъ портомъ свой флагъ, но не успѣлъ: нашъ не менѣе энергичный и проницательный амурскій завоеватель предупредилъ его. Въ 1859 году графъ Муравьевъ-Амурскій, объѣзжая на пароходѣ „Америка" южную часть Японскаго моря, посѣтилъ между прочимъ и Хай-шэнь-вэй. Восхищенный прекраснымъ мѣстоположеніемъ бухты, богатой растительностью ея окрестностей и глубиною залива, онъ водрузилъ на сопкѣ противъ залива русскій флагъ и, наименовавъ заливъ „Золотымъ Рогомъ", приказалъ основать тутъ пока военный постъ. Но исполнить это возможно было только чрезъ годъ. Нижніе чины, высаженные сюда для постовой службы, въ числѣ 40 человѣкъ, съ провіантомъ и другими припасами на цѣлый годъ, въ первый же мѣсяцъ построили здѣсь нѣсколько избушекъ, заготовили дрова на зиму и строевой лѣсъ. Послѣдній какъ нельзя быть лучше пригодился имъ въ томъ же году.

Экипажъ прибывшаго сюду на зиму нашего корвета „Гридень" энергично принялся за постройку обширной казармы и церкви. Этотъ первый въ Уссурійскомъ краѣ православный храмъ былъ оконченъ въ 1861 г. Въ теченіе 1861 и 1862 гг. сюда заходили почти всѣ наши суда, плававшія по морямъ Великаго океана, доставляя и съѣстные припасы, и товары, и пассажировъ. Изъ числа послѣднихъ были доставлены нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами. Кромѣ русскихъ судовъ, стали заходить и иностранныя: китайскія джонки, японскія суда и т. д. Въ виду этого въ 1864 г. здѣсь была учреждена должность начальника всѣхъ бухтъ, расположенныхъ въ заливѣ Петра Великаго. Такъ какъ населеніе Владивостока увеличилось до 300 человѣкъ, то въ томъ же году здѣсь было учреждено городское общественное управленіе съ городскимъ старостой во главѣ. Съ 1865 г. здѣсь была введена уже транспортная служба судовъ сибирской флотиліи и вскорѣ послѣ этого открыты морскія учрежденія. Въ томъ же году сюда явились и переселенцы. Въ началѣ 70-хъ годовъ Владивостокъ уже состоялъ изъ жилыхъ построекъ съ населеніемъ (безъ войскъ) до 240 душъ обоего пола. Изъ нихъ 3 купца (иностранцы), 90 отпускныхъ солдатъ и матросовъ, 20 семействъ финляндскихъ уроженцевъ, 10 разночинцевъ, 30 ссыльно-каторжныхъ семействъ и около 200 каторжанокъ. Послѣднія исполняли здѣсь обязанности служанокъ и т. д.

Благодаря преимуществамъ бухты Золотой Рогъ и быстрому развитію Владивостока, въ 1871 г. сюда былъ перенесенъ изъ г. Николаевска военный портъ, а въ 1880 г. было открыто и управленіе главнаго командира портовъ Восточнаго океана. Въ томъ-же году было введено періодическое сообщеніе съ Одессою на судахъ Добровольнаго флота. Въ началѣ 80-хъ гг. здѣсь было уже 570 жилыхъ построекъ съ населеніемъ около 10.000 человѣкъ (8400 м. и 1700 ж.). Изъ этого числа было русскихъ подданныхъ 6200 человѣкъ, европейцевъ и американцевъ 87, китайцевъ, корейцевъ и японцевъ около 3800. Съ 1889 года Вла-

дивостокъ уже называется крѣпостью. Въ началѣ 90-хъ гг. постояннаго населенія, безъ войскъ, было: русскихъ 3167 человѣкъ, китайцевъ 3607, корейцевъ 840 и японцевъ 278. Изъ числа русскихъ—девять десятыхъ отставные офицеры и чиновники, запасные и уволенные въ отставку нижніе чины арміи и флота. Изъ этого можно усмотрѣть, что населеніе города быстро увеличивается, при чемъ преобладающій элементъ—иностранцы, подданные Китая, Японіи, Кореи. Развивается Владивостокъ и въ культурномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ 1891 г. здѣсь былъ заложенъ сухой докъ; въ 1896 г. возникъ проэктъ—открытую здѣсь въ 1880 г. 6-ти классную мужскую прогимназію преобразовать въ институтъ восточныхъ языковъ, съ преподаваніемъ языковъ: китайскаго, японскаго, монгольскаго, корейскаго и англійскаго. Наконецъ, въ 1897 г. заложенъ коммерческій портъ.

Несомнѣнно, этотъ городъ ожидаетъ блестящая будущность.

Все это прекрасно. Но когда-же мы прибудемъ туда? Ежедневно справляясь о днѣ окончанія нашего плаванія, я считалъ часы и дни... Всему бываетъ конецъ. Пришелъ онъ и нашему плаванію. Этотъ радостный день былъ 24 мая 1897 г.

Глава II.

Нѣсколько словъ о моихъ дѣлишкахъ. — Владивостокъ и его окрестности

29 мая. Дней семь не заглядывалъ я въ свой дневникъ. Признаюсь, во все это время не имѣлъ ни минуты свободнаго времени. По прибытіи во Владивостокъ, я остановился въ одной изъ гостинницъ. Комната моя была хотя и не особенно чистая, но зато уютная, съ окномъ на бухту. А главное, въ моемъ

распоряженіи былъ манзенокъ, субъектъ для меня совершенно новый. Типъ его физіи, его китайско-русскій выговоръ, манеры, привычки, его постоянно веселое настроеніе духа и, наконецъ, преданность своему дѣлу—все это привлекало къ нему любопытные взоры обитателей гостинницы. Каждый прибывшій интересовался имъ. И я былъ также заинтересованъ и сталъ даже всесторонне изучать этотъ типъ, но, къ сожалѣнію, скоро долженъ былъ оставить это. Дѣло въ томъ, что состояніе моего путевого денежнаго фонда оказалось весьма неудовлетворительно. Поэтому, для уменьшенія своихъ расходовъ, я рѣшился какъ можно скорѣе найти самую скромную квартирку съ такимъ-же скромнымъ, обѣдомъ... Къ сожалѣнію, не смотря на то, что я исходилъ почти весь городъ, вдоль и поперекъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ его, мнѣ суждено было найти желаемое только на третій день. Чтобы перейти изъ гостинницы на квартирку и устроиться на послѣдней—потребовался цѣлый день. Устроившись, я пошелъ обозрѣвать окрестности и городъ. Для этого потребовалось два дня... Наконецъ все осмотрѣно. Остается только записать свои впечатлѣнія въ дневникъ, что я и дѣлаю. Начну съ окрестностей.

Изъ всего, что мнѣ бросилось въ глаза при осмотрѣ Владивостока,—это его мѣстоположеніе. Представьте себѣ довольно высокій и широкій, грядообразный, холмъ. Онъ тянется съ сѣвера на югъ. Развѣтвляясь у залива Золотой Рогъ на двѣ части, онъ круто спускается въ воду бухты. Вершина его противъ бухты увѣнчана сопкой. Одна вѣтвь этого холма отъ сѣверо-западной оконечности его тянется къ юго-западу. Протяженіе этого отрога версты 1½—2. Постепенно съуживаясь, понижаясь и омываемый съ

одной стороны Амурскимъ заливомъ, съ другой Золотымъ Рогомъ, онъ оканчивается небольшимъ мысомъ, называемымъ Егершельдъ. Съ высокаго берега бухты довольно широкій проливъ, омывающій этотъ мысъ, и сѣверный берегъ „Русскаго острова“ не замѣтенъ и означенный выше узкій и длинный полуостровъ кажется перешейкомъ.

Другая вѣтвь холма отъ юго-восточной оконечности его тянется къ юго-востоку, дугообразно поворачиваясь къ югу. Эту вѣтвь пересѣкаетъ другой массивный холмъ. Направляясь какъ-бы съ юго-востока на сѣверо-западъ, онъ врѣзывается въ „Золотой Рогъ“ широкимъ мысомъ и, не доходя до полуострова (съ мысомъ Егершельдъ) саженъ 400, довольно круто обрывается въ заливъ. На этомъ мысу расположена крѣпостная артиллерія, а по южнымъ склонамъ перваго холма и двухъ боковыхъ его вѣтвей-отроговъ—Владивостокъ. Основаніе центральнаго холма немного срыто. Это дало возможность городу имѣть почти единственную ровную и прямую улицу—Свѣтланскую. Она тянется версты 4—5 вдоль бухты. Что касается до прочихъ улицъ, то онѣ весьма оригинальны: то представляютъ мѣстами крутые, мѣстами пологіе спуски съ торчащими кое-гдѣ остроконечными каменными глыбами и пнями, то извилистыя террасы. Одна сторона послѣднихъ выше другой. Выровнена, для проѣзда, только средина ихъ. Во многихъ мѣстахъ города улицы пересѣкаются оврагами. Чрезъ послѣдніе устроены или мосты, или дамбы. Весьма своеобразны эти улицы во время и послѣ дождей: мѣстами шумятъ водопады, мѣстами настоящіе горные потоки мчатся съ высоты со ступени на ступень, съ шумомъ и трескомъ отъ мчащихся вмѣстѣ съ по-

токами небольшихъ камней. Всѣ эти потоки дождевой воды то стремятся вдоль улицъ, то поперекъ ихъ, то наискось. Неглубокія водосточныя канавы, обложенныя галькою, обыкновенно послѣ дождей, весьма частыхъ во Владивостокѣ, размываются, галька уносится въ бухту и канавы превращаются въ небольшіе овраги. Во время прогулокъ по Владивостоку, я нерѣдко встрѣчалъ на своемъ пути или только что образовавшійся оврагъ, поперекъ или вдоль улицъ, или груды мусора и камней, снесенныхъ съ горныхъ улицъ и застрявшихъ около заплотовъ, или около торчащихъ изъ земли каменныхъ глыбъ и пней.

Обращая вниманіе на городскія постройки, встрѣчаю нерѣдко большой контрастъ. Рядомъ съ такими роскошными дворцами, какъ Кунста и Альберса, Чурина, Лангелитье (купленъ управою) и др., стоятъ убогія хижины обывателей-поселенцевъ, запасныхъ и отставныхъ солдатъ и матросовъ, со всей нищетой обитателей ихъ.

Въ трехдневномъ поискѣ квартиры мнѣ приходилось побывать въ такихъ помѣщеніяхъ, которыя не годятся даже для домашнихъ животныхъ. Это низкія, темныя, сырыя и чрезвычайно тѣсныя конуры съ кривымъ поломъ, съ покосившимися, почернѣвшими отъ сажи, пыли и грязи и покрытыми плѣсенью, стѣнами и такимъ-же потолкомъ. Послѣдній грозитъ каждую минуту обрушиться на головы обитателей. Въ бурную и дождливую погоду со стѣнъ и съ пола дуетъ, съ потолковъ и съ оконъ течетъ... Затопятъ-ли печь,—дымъ валитъ и въ трубу, и въ комнату. Строителями всѣхъ подобныхъ трущобныхъ построекъ, изъ которыхъ состоитъ $^{3}/_{4}$ города, были или тѣ-же запасные солдаты и поселенцы, не имѣвшіе понятія о домостроительствѣ и печномъ искусствѣ, или манзы, только

еще обучавшіеся постройкѣ „руска изба“. Владѣльцы этихъ хороминъ желали только экономіи и скораго окончанія построекъ.

Нанимая такихъ строителей, хозяинъ не спрашиваетъ обыкновенно, умѣютъ-ли они строить домъ или класть печь; да они и не скажутъ, что не умѣютъ. „Моя все умѣй“, говоритъ манза. Есть конечно и порядочные домики, но постройка ихъ происходила въ недавнее время, когда манзы уже вполнѣ изучили искусство постройки „руска изба“. Постройки послѣдняго времени обладаютъ только двумя хорошими качествами: онѣ свѣтлыя и просторныя. Въ остальномъ-же—вполнѣ сходны съ вышеупомянутыми трущобными постройками прежняго времени. Въ особенности непріятны дождевые потоки, которые льются сквозь щелявый потолокъ. Только цинковыя или желѣзныя крыши предохраняютъ внутреннее помѣщеніе отъ этихъ потоковъ. Но такія крыши только на казенныхъ зданіяхъ да у богатыхъ людей.

Замѣтилъ я и еще одну особенность въ постройкахъ нѣкоторыхъ жилыхъ зданій—досчатыя стѣны. Онѣ дѣлаются или двойными, съ пустымъ пространствомъ въ срединѣ, или одинарными, какъ балаганы для мелочного торга въ нашихъ городахъ. Неудивительно, что такія стѣны нисколько не защищаютъ обитателей отъ непогоды. Впрочемъ, такія жилыя зданія весьма рѣдки и во Владивостокѣ. Въ поискахъ квартиры я встрѣчалъ ихъ только пять—шесть во всемъ городѣ.

При осмотрѣ комнатъ въ подобнаго рода домикахъ, домовладѣльцы обыкновенно указывали на одно главное преимущество этихъ помѣщеній: „постоянно чистый воздухъ“ и „не глухо“; въ холодное время ставится „желѣзная печь“... Однако, послѣдняя—неизбѣжная принадлежность всѣхъ владивостокскихъ зданій.

Глава III.

Два антигигіеническихъ условія владивостокской жизни: водоснабженіе населенія города и климатъ края.

31 мая. Продолжаю излагать добытые много матеріалы про Владивостокъ, благо, что остается сказать сегодня о немногомъ.

Недостатки жилыхъ помѣщеній не такъ чувствительны. Ихъ сравнительно легко устранить. Не говоря уже о ремонтѣ домовъ, въ недалекомъ будущемъ навѣрно они будутъ устранены другимъ путемъ, постройкою, вмѣсто вышеупомянутыхъ мною трущобныхъ лачугъ, жилыхъ зданій по всѣмъ правиламъ строительнаго искусства и съ соблюденіемъ требованій гигіены.

Но есть во Владивостокѣ другія условія, для устраненія которыхъ или нужны крупные расходы, или ихъ совсѣмъ невозможно устранить. Я говорю о снабженіи города прѣсной водой и о климатѣ.

Жители города употребляютъ колодезную воду, меньшинство же, 1/100 всего населенія, преимущественно богачи, прекрасную прѣсную воду изъ „*Первой рѣчки*“ (въ 3-хъ верстахъ отъ города). Городскіе колодцы, въ числѣ 40, расположенные въ нижней части города, устроены и содержатся весьма небрежно. Срубы ихъ большею частью щелявы и весьма низки надъ поверхностью земли. Благодаря этому, потоки дождевой воды, стремясь съ горныхъ улицъ и дворовъ, и унося съ собой, вмѣстѣ съ соромъ, отбросы и разнаго рода выдѣленія животныхъ, вливаются и въ колодцы. Кромѣ того, манзы-водоносы, зачерпывая въ колодезныхъ ведрахъ воду, довольно часто моются въ нихъ, выливая эти ополоски обратно въ колодцы. Эти сцены я нерѣдко самъ наблюдалъ, въ особенности по утрамъ. Мало этого, часто находятъ въ колодцахъ дохлыхъ

кошекъ, собакъ и щенятъ. Затѣмъ, почвенная вода, наполняющая колодцы, просачивается по верхнимъ слоямъ почвы—преимущественно изъ выгребныхъ и сортирныхъ ямъ. Въ холодное время года, когда верхніе слои почвы замерзаютъ, вода въ колодцахъ изсякаетъ. Все это дѣлаетъ колодезную воду весьма непріятной на вкусъ и нездоровой. Въ сыромъ видѣ, по опредѣленію врачей, она весьма вредна. Дѣйствіе ея на организмъ мнѣ пришлось испытать самому. По прибытіи въ Владивостокъ, я выпилъ стаканъ сырой воды. Чрезъ нѣсколько минутъ у меня начались нестерпимыя спазмы въ животѣ, а чрезъ два—три часа всѣ симптомы холерины, слабой формы. По словамъ здѣшнихъ врачей, болѣзни желудочно-кишечнаго канала, порождаемыя главнымъ образомъ этой водой, во Владивостокѣ обычное и никогда не исчезающее явленіе. Бороться противъ нихъ тѣми средствами, которыми располагаютъ мѣстные врачи—немыслимо и уже давнымъ давно слѣдовало бы городу позаботиться устройствомъ водопроводовъ. Прекрасную прѣсную воду можно провести изъ „*Первой рѣчки*“, изъ которой возятъ себѣ воду всѣ здѣшніе богачи.

Другое не особенно пріятное условіе владивостокской жизни и вообще нашего побережья Японсаго моря,—это климатъ. Чтобы вполнѣ уяснить его, надо познакомиться съ теченіями этого моря, неотразимо вліяющими на климатъ всего нашего Дальняго Востока.

Японское море лежитъ между 33—53° сѣверной широты. Съ сѣверной и съ сѣверо-восточной стороны къ нему примыкаетъ Охотское море. Температура его чрезвычайно низка. Благодаря сосѣдству полярнаго круга и Берингова моря, этого преддверія Ледовитаго океана, оно почти круглый годъ наполнено льдами. Лѣто, въ особенности въ сѣверной части Японскаго моря, настолько коротко, что громадныя глыбы льда только сверху оттаиваютъ немного. Вѣтвь Куро-Сиво (теплое теченіе), вливающагося въ Охотское море чрезъ Лаперузовъ проливъ, нисколько не вліяетъ на общую среднюю температуру его. Какъ я уже замѣтилъ, сосѣдство съ Беринговымъ моремъ еще болѣе способствуетъ его охлажденію: полярные льды, гонимые холоднымъ теченіемъ, проходятъ по Берингову проливу въ Берингово море, а изъ послѣдняго часть ихъ заходитъ и въ Охотское, вмѣстѣ съ полярнымъ теченіемъ. Получая полярныя воды, Охотское отдѣляетъ часть ихъ и своему сосѣду—Японскому морю. Температура ихъ, какъ при впаденіи изъ Берингова моря въ Охотское, такъ и изъ послѣдняго въ Японское, нисколько не теряетъ своего полярнаго характера. Въ Японское море полярное теченіе вливаетъ свои воды двумя проливами: по Невельскому и по проливу Сангарскому. Господствующее теченіе, конечно, по первому, Невельскому. Вливаясь въ Японское море, полярныя воды заполняютъ все сравнительно не широкое пространство его сѣверной части. Противъ острова Іессо полярное теченіе встрѣчаетъ идущее ему на встрѣчу теплое теченіе, вѣтвь Куро-Сиво. Оттѣсняя послѣднее къ востоку, къ острову Іессо, полярное теченіе идетъ далѣе къ югу по дну моря. Такъ какъ глубина западной части этого моря сравнительно незначительна, то полярныя воды заполняютъ собою все западное пространство Японскаго моря со дна до верхняго слоя воды, омывая все наше побережье. Вѣтвь полярнаго теченія заходитъ и въ заливъ Петра Великаго. Вліяніе этого охладителя громадное. Съ одной стороны оно охлаждаетъ материкъ, а съ другой воздухъ, насыщенный парами. Послѣдніе относятся на югъ на-

шего побережья юго-западными вѣтрами, господствующими здѣсь въ лѣтніе мѣсяца. Охлаждаясь подъ вліяніемъ низкой температуры водъ, невидимые разряженные пары сгущаются, становятся видимыми и въ видѣ густыхъ тумановъ, лежатъ на нашемъ побережьи съ мая по августъ и даже сентябрь. Въ теченіе этого времени владивостокскій обыватель весьма рѣдко видитъ красное солнышко и темно-голубое небо. Мало этого, въ этотъ періодъ времени онъ лишенъ возможности любоваться живописными окрестностями, которыми такъ богатъ нашъ Южно-Уссурійскій край, такъ какъ почти ежедневные ливни принуждаютъ его сидѣть во все это время исключительно въ четырехъ стѣнахъ. Это окончательно портитъ расположеніе духа терпѣливаго россіянина-владивостоцца. Кромѣ того, эта же погода портитъ и всѣ вещи его: начиная съ табака и кончая его запонками и часами—все подвергается дѣйствію чрезмѣрной влаги. Съ средины сентября начинаютъ дуть сѣверо-западные вѣтры. Отличительный характеръ ихъ сухость и низкая температура. Господствуя съ октября по мартъ, они и въ этотъ, по географическому положенію теплый, край (Южно-Уссурійскій) приносятъ полярную зиму. Но, случаются дни, когда эти вѣтра стихаютъ. Тогда солнечные лучи сгоняютъ снѣгъ, наполняютъ воздухъ весенней теплотой и обыватель, перемѣнивъ свою енотку, на легкое весеннее пальто, спѣшитъ насладиться „благорастворенiемъ воздусей“. Но, увы! коварный „сибирякъ“ снова усиливается и на нѣсколько дней наступаетъ опять зима. Зима эта не тихая, а бурная, съ непрерывающимися вѣтрами, переходящими нерѣдко въ бурю со снѣгомъ. Въ этотъ продолжительный сезонъ среди населенія господствуютъ болѣзни желудочно-кишечнаго канала, плюсъ простудныя: тифы, скарлатины, и чахотки—скоротечная и хроническая. Всѣ эти болѣзни не мало уносятъ въ могилу человѣческихъ существъ. Переживаютъ всѣ эти напасти только исключительно крѣпкія натуры, которыхъ изъ десяти одна. Въ большинствѣ же, если россіянинъ, прожившій во Владивостокѣ нѣсколько лѣтъ, преждевременно и не умретъ, то онъ все-таки въ конецъ растраиваетъ свое здоровье и до конца дней своихъ страдаетъ отъ ревматизма и другихъ хроническихъ болѣзней.

Можно ли измѣнить климатъ этого края? Этотъ вопросъ не разъ обсуждался въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ и въ ученыхъ академическихъ учрежденіяхъ. Напримѣръ, географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, при обсужденіи вопроса о торговомъ портѣ амурскаго бассейна, коснулось и этого вопроса. Между прочимъ, было сообщено о проектѣ заградить Татарскій (Невельскій) проливъ. Для этого, по мнѣнію составителя проекта, слѣдуетъ устроить гать съ двумя проходами для судовъ и рыбы. Расходъ на эту гать приблизительно былъ исчисленъ въ 3.500.000 р. По мнѣнію другихъ, слѣдуетъ заградить оба пролива—Татарскій (Невельскій) и Лаперузовъ, безъ проходовъ. Для этого, по мнѣнію составителей другого проэкта, слѣдуетъ потопить въ этихъ проливахъ, въ узкихъ и неглубокихъ его частяхъ, нѣсколько сотъ баржъ съ камнемъ, а промежутки набить галькой... Расходъ на это загражденіе былъ приблизительно исчисленъ въ 7.000.000 р. Заградивъ эти проливы, мы направимъ, говорилось на засѣданіи, теплое теченіе къ амурскому лиману. Омывая южные берега остр. Сахалина, оно повернуло бы назадъ къ югу, и, протекая около всего нашего побережья Японскаго моря, это благодѣтельное теченіе измѣнило бы весь климатъ нашего Дальняго Востока.

Глава IV.

Способъ познакомиться съ жизнью людей и ихъ нравами.—Уличныя сцены. Кому достается больше на улицахъ Владивостока—китайцамъ или нашимъ женщинамъ.

Іюня 11 д. Въ теченіе этихъ десяти дней, со дня послѣдней главы моего дневника, со мною произошло слѣдующее: однимъ выстрѣломъ я убилъ двухъ зайцевъ. Случилось это такъ. Размышляя надъ рѣшеніемъ вопросовъ—какимъ способомъ увеличить мнѣ свой путевой капиталецъ, чтобъ имѣть возможность продолжать впослѣдствіи свое путешествіе по Сибири, и какъ познакомиться съ жизнью на Дальнемъ Востокѣ, начавъ это знакомство хоть сверху, съ офицерства и чиновничества, я пришелъ къ заключенію, что самое лучшее для этого позаняться въ средѣ тѣхъ и другихъ хоть полгода. Случай благопріятствовалъ мнѣ: на другой же день я нашелъ требуемыя занятія,—одно въ военномъ управленіи, другое въ гражданскомъ. Въ первомъ заниматься отъ 9 до 2-хъ часовъ пополудни, за 25 рублей въ мѣсяцъ, а въ послѣднемъ отъ 6 до 10 часовъ вечера, за 10 руб. Все таки этихъ 35 руб. немного, думалъ я. Вѣдь мои мѣсячные расходы—на квартиру, на столъ и проч.—не менѣе 40 руб. Хорошо-бы найти уроковъ. По словамъ одного изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, моряка-владивостокца, уроками здѣсь многіе зарабатываютъ хорошія деньги. Развѣ попробовать и мнѣ?—думалъ я. И попробовалъ. Съ этой цѣлью я помѣстилъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ слѣдующее объявленіе: „Молодой человѣкъ, солидно образованный, ищетъ уроковъ“. Фортуна и на этотъ разъ улыбнулась мнѣ. Дней чрезъ пять приходитъ ко мнѣ изъ гостинницы знакомый манзенокъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ обрадовалъ

меня слѣдующимъ предложеніемъ: „Моя шанго*) знакома китай—купца учи урускъ грамотъ. Капитана учи нѣтъ. Капитана, возми твоя учи“. Сначала я не понялъ его: шанго, учи, урусъ, капитана учи, возми твоя учи!!!...

— Не понимаю, сказалъ я. Скажи мнѣ, умѣетъ твой купецъ говорить по русски?

— Шанго говори!

— Ну, такъ вотъ и пусть онъ придетъ ко мнѣ и мы потолкуемъ съ нимъ.

Послѣ обѣда дѣйствительно пришелъ ко мнѣ китаецъ. Платье на немъ было бѣлое, шелковое, изъ фанзы; чулки бѣлоснѣжны; длинная коса волочилась по полу. Его лицо, еще молодое, было интеллигентно. Отрекомендовавшись на чистомъ русскомъ языкѣ китайскимъ купцомъ Чифусаемъ и выразивъ желаніе научиться русской грамотѣ, чтобъ самому вести переписку съ русскими купеческими фирмами, онъ предложилъ мнѣ, не пожелаю-ли я заниматься съ нимъ. Я конечно изъявилъ на это согласіе. О вознагражденіи мы условились—10 руб. ежемѣсячно за 15 уроковъ. Уходя, онъ сказалъ, что завтра ожидаетъ меня. При моихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ заработокъ въ 45 руб. въ мѣсяцъ, въ сущности небольшой, былъ для меня очень кстати. Но главное не въ заработкѣ,—думалъ я,—а въ томъ, что я буду имѣть полную возможность познакомиться съ китайцами, съ ихъ жизнью и съ дѣятельностью въ нашемъ краѣ. Съ другой стороны, будетъ ли Чифусаю польза отъ моего преподаванія?... Во всякомъ случаѣ, постараюсь не брать даромъ денегъ съ моего ученика. Говорятъ, китайцы весьма понятливый народъ и скоро усвои-

*) По китайски—хорошо.

ваютъ русскую грамоту. Обыкновенно они (китайцы-купцы, прикащики и ремесленники) нанимаютъ для обученія ихъ русской грамотѣ писарей и фельдшеровъ, платя имъ отъ 5 до 15 р. въ мѣсяцъ.

И такъ, съ 3 іюня я сталъ ходить ежедневно на свои письменныя занятія въ вышеназванныя управленія, а чрезъ день на уроки къ китайцу. Это путешествіе по городу днемъ и ночью нѣсколько утомительно, но благодаря ему, мнѣ удалось познакомиться съ уличной жизнью Владивостока. А она не лишена своей оригинальности.

Вонъ, напримѣръ, у забора, лицомъ къ стѣнѣ, сидитъ манза; а вотъ и другой въ той же позѣ. Они совершаютъ свои физіологическія отправленія. Въ этомъ случаѣ сыны Срединнаго царства не разбираютъ: гдѣ явится потребность выбросить свои выдѣленія, жидкія или твердыя, тутъ они и садятся, будь это мѣсто подлѣ храма, или какого-либо учрежденія....

А вонъ, среди улицы, расположился китаецъ-брадобрѣй. Усадивъ своего соотечественника на круглый табуретъ*), онъ старательно очищаетъ его голову отъ густой и черной щетины, меньше чѣмъ на дюймъ вышины покрывающей его черепъ. Вонъ группа сидящихъ на травѣ китайцевъ. Расположившись около тротуара на травкѣ и потягивая свои мѣдныя ганзы съ длинными мѣдными же чубуками, они съ жаромъ о чемъ-то спорятъ. Къ ихъ спору прислушиваются другіе китайцы, стоящіе поодаль. А вотъ и несчастный кауль (кореецъ). Согнувшись подъ тяжестью громаднаго тюка въ букву Г, онъ медленно и съ величайшимъ трудомъ передвигаетъ ноги. Повстрѣчавшись съ своими соотечественниками, онъ перекидывается съ ними нѣсколькими словами, не поднимая головы и не останавливаясь.

*) Ящикъ, куда онъ кладетъ инструменты своего ремесла

Вотъ идутъ два солдата. Повстрѣчавшись съ китаенкомъ, весьма опрятнымъ и чисто одѣтымъ, съ горшечкомъ въ рукахъ, одинъ изъ нихъ бьетъ мальчика по затылку. Тотъ со стономъ падаетъ въ канаву; горшечекъ, падая, разбивается въ дребезги. Солдаты хохочутъ, продолжая свой путь. А вотъ и другая подобная же сцена. Идетъ по тротуару молодой парень въ суконной чуйкѣ. На встрѣчу ему степенно шагаетъ китаецъ изъ торгующихъ. Не смотря на то, что тротуаръ довольно широкъ, парень толкаетъ китайца. Послѣдній, падая, стремглавъ летитъ на стѣну дома... Парень закатился отъ смѣха. Ему вторятъ другіе россіяне, невольные зрители этой сцены. Что касается до меня, то, признаюсь, я былъ подавленъ этой возмутительной картиной. Что это — антагонизмъ двухъ сосѣднихъ „дружественныхъ“ народовъ, или шутка ради забавы?*) Исключительные и рѣдкіе инциденты, или постоянное, обычное явленіе?—задавалъ я себѣ вопросы, шагая по тротуару. Мои размышленія были неожиданно прерваны пронзительнымъ женскимъ крикомъ. Смотрю по направленію этихъ криковъ и глазамъ своимъ не вѣрю: два пьяные матроса тащутъ прекрасно одѣтую молодую даму. Послѣдняя, съ сумкой и покупками въ рукахъ, напрасно старается вырваться. Я бросаюсь къ ней на помощь. Вслѣдъ за мной подоспѣлъ полицейскій и довольно прилично одѣтый господинъ.... Да гдѣ же я? Въ странѣ просвѣщенной, или...

*) У нашей деревенской крестьянской молодежи подобныя „шутки“—обычныя привѣтствія своихъ друзей-пріятелей, пріятельницъ и зазнобушекъ: „дрызнуть“, „ухнуть“, „треснуть“, „звѣздануть“, „ущипнуть“ до крови, до опухоли — все это ласки!

— Здравствуйте! неожиданно слышу голосъ своего новаго знакомаго, моряка, старожила во Владивостокѣ. Зайдемте къ намъ, въ читальню, сказалъ онъ.

Заходимъ и усаживаемся за столъ, заваленный газетами. Послѣ обычныхъ привѣтствій, я сообщилъ ему только-что видѣнныя мною сцены русской расправы съ китайцами и съ женщиной.

— То ли еще случается у насъ, говоритъ морякъ. По деревнямъ китайцы еще хуже страдаютъ отъ крестьянъ.

— Что же начальство не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противъ подобныхъ „шутокъ?"

— Не знаю, что-оно думаетъ объ этихъ обычныхъ во Владивостокѣ (и даже по всему краю) сценахъ. Но мы, представители интеллигенціи, каждый фактъ такого рода публикуемъ въ своей газеткѣ. Нечего и говорить, что публикуется только сотая доля. Къ сожалѣнію, нашъ голосъ—голосъ вопіющихъ въ пустынѣ...

— Быть можетъ, вы недавно стали публиковать, а потому пока и не замѣчаютъ этого безобразія, говорю я.

— Какъ разъ наоборотъ. Чтобы доказать вамъ, что объ этомъ хроническомъ нашемъ недугѣ мы пишемъ не со вчерашняго дня, покажу вамъ хоть это, говоритъ морякъ, доставая изъ книжнаго шкафа кипу газеты „Владивостокъ". — Вотъ вамъ одна изъ многочисленныхъ нашихъ замѣтокъ почти одного и того же содержанія, прибавилъ онъ, указывая мнѣ на нижеслѣдующія строки въ 27 № „Владивостока" за 1893 годъ: „Кулачная расправа съ манзами вошла у насъ въ обычай и только лѣнивый не бьетъ ихъ" и т. д. и т. д., а затѣмъ разсказывается одинъ изъ тысячи случаевъ расправы россіянъ съ китайцами.

— Что касается до расправы съ нашими дамами, то вотъ небольшая статейка въ 27-мъ же № „Владивостока" за 1894 годъ. Прочтите, пожалуйста, всю!

И я прочелъ ее. Вотъ она вся, изъ слово въ слово.

„Пищущему эти строки, въ продолженіи 20 лѣтъ жизни здѣсь, въ городѣ, десятки разъ приходилось знакомиться со случаями, часто отъ невольныхъ очевидцевъ, о дикихъ насиліяхъ большею частью служилыхъ людей надъ женщинами, и не смотря на то, что, казалось бы, живя въ болѣе просвѣщенное время, мы до сихъ поръ не можетъ ручаться за то, что надъ нашими близкими не случится того-же, что дѣлается съ другими. По крайней мѣрѣ такіе дикіе факты повторяются по настоящее время..."

— Повторяются они и до нынѣ, какъ и удостовѣрились вы сейчасъ сами, прибавилъ морякъ.

Читаю дальше: „Иногда женщина насильно бываетъ оттащена отъ мужа.. Бывали случаи, когда она стаскивалась съ извощика или вытаскивалась изъ дома, даже беременность не спасала отъ поруганья. Слишкомъ грустные факты, чтобы ихъ замалчивать и слишкомъ ужасные, чтобы выставлять ихъ во всей наготѣ... Строгія наказанія, налагаемыя на виновныхъ, другихъ нисколько не останавливаютъ. Повидимому, тутъ главная причина не въ недостаткѣ наказаній, а въ той безпросвѣтной темнотѣ, которая царитъ надъ нашимъ народомъ. Нужно добавить, что ни одна жещина въ настоящее время... (т. е. въ 1894 г.)

— И нынѣ тоже, прервалъ мое чтеніе морякъ.

— ...Не пройдетъ по Матросской слободѣ, не рискуя быть, по меньшей мѣрѣ, осмѣянной, не говоря уже о болѣе существенныхъ оскорбленіяхъ...

Почти до полночи бесѣдовали мы на эту тему. При этомъ пришли къ слѣдующему выводу: если не всѣхъ,

то по крайней мѣрѣ половину нижнихъ чиновъ слѣдовало бы посылать сюда на службу только съ семействами... Между тѣмъ военный совѣтъ, по представленію окружнаго управленія приамурскаго военнаго округа, постановилъ, въ видахъ экономіи, совершенно обратное. О томъ-же, какъ вліяетъ скученность войскъ на сравнительно малочисленное крестьянское населеніе края, полагаю, читателю небезъизвѣстно.

Глава V.

Владивостокскіе головорѣзы и ихъ шалости.—Странствованіе однихъ золотыхъ часовъ.—Заведенія—питейныя и для куренія опія.—Игорные дома.

12 іюня. Съ вечера, проведеннаго въ бесѣдѣ со старожиломъ Владивостока—морякомъ въ читальнѣ морского клуба, я возвратился на свою квартиру въ 12-мъ часу ночи. Меня встрѣтилъ хозяинъ квартиры

— Я ужъ собирался служить по васъ панихиду сказалъ онъ, провожая меня до моей комнаты.

— Какъ такъ?

— Думалъ, что васъ гдѣ-нибудь укокошили наши головорѣзы.

— Развѣ здѣсь небезопасно?

— А то какъ-же. Для чего же и послали солдатика проводить васъ. Вечерами ходить до 10 часовъ можно, но поздно ночью опасно.

Дѣйствительно, мой новый знакомый приказалъ своему вѣстовому проводить меня, на что, по разсѣянности, я не обратилъ вниманія. На другой день, когда я пошелъ на свое вечернее занятіе, мнѣ посовѣтывали не возвращаться поздно, въ противномъ же случаѣ брать револьверъ, что дѣлаетъ здѣсь обыкновенно весь служащій людъ. Я не разъ слышалъ отъ

своихъ знакомыхъ, что они нерѣдко были предметомъ нападенія злоумышленниковъ, и только видъ револьвера съ поднятымъ куркомъ заставлялъ грабителей отказаться отъ преступнаго намѣренія. Владивостокскіе головорѣзы состоятъ, говорятъ, исключительно изъ запасныхъ солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по отбытіи воинской повинности вышедшіе въ запасъ, остаютвъ краѣ; меньшинство—съ цѣлью обзавестись домикомъ и хозяйствомъ; большинство же—прельстившись сто рублевымъ пособіемъ. Дѣло въ томъ, что нижніе чины, изъявившіе желаніе остаться въ Приамурскомъ краѣ на жительство, получаютъ безвозвратно пособіе въ размѣрѣ 100 руб. Получивъ эту, крупную для него сумму, запасный обыкновенно непрерывно пьянствуетъ и развратничаетъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Только пустота въ карманѣ вытрезвляетъ его и то на весьма непродолжительное время. Сначала онъ ищетъ работы. Но найдя работу, онъ не долго предается труду и при первой же свободной минутѣ бѣжитъ въ знакомый кабакъ и напивается до зеленаго змія. Работодатели, познакомившись съ такими работниками, стали предпочитать китайцевъ, этихъ трезвыхъ, степенныхъ и пунктуальныхъ тружениковъ, работающихъ и во всѣ наши многочисленные праздники. Такимъ образомъ запаснымъ не остается ничего другого, какъ выходить въ потемочкахъ на грабежъ, что они и дѣлаютъ. Бодрствуя ночью, владивостокскій головорѣзъ предъ утромъ возвращается въ свой излюбленный кабакъ, а оттуда въ фанзу, или въ какой-нибудь подвалъ, который онъ снимаетъ съ нѣсколькими такими-же головорѣзами. Все вышеприведенное мною относительно владивостокскихъ громилъ записано мной со словъ мѣстныхъ жителей, но самъ лично я не раздѣляю взгляда, что всѣ головорѣзы во

Владивостокѣ состоятъ исключительно изъ запасныхъ. По моимъ наблюденіямъ, большая часть ихъ—сахалинцы, сосланные сюда на поселеніе *). Этихъ каторжныхъ здѣсь множество. Въ подтвержденіе моего мнѣнія, могу сослаться на то, что почти всѣ крупные грабежи здѣсь (напримѣръ, ограбленіе казначейства) были произведены поселенцами. Если же нѣкоторые изъ запасныхъ, дѣйствительно, доходятъ до воровства и грабежей, то лишь благодаря вліянію такой деморализирующей среды, какъ сахалинцы. 100 рублевое пособіе такъ-же играетъ не послѣднюю роль въ нравственномъ паденіи запасныхъ. Однако, возвращаюсь къ головорѣзамъ. Наворованное или награбленное головорѣзами попадаетъ обыкновенно за безцѣнокъ сидѣльцамъ кабаковъ, которые, въ свою очередь, стараются поскорѣе сбыть куда-нибудь краденное. Иногда съ пріобрѣтенными отъ сидѣльцевъ вещами происходятъ весьма странные курьезы. Вотъ одинъ изъ такихъ курьезовъ, слышанный мною за табльдотомъ гостинницы. Однажды былъ ограбленъ нѣкто Н**, проѣзжій. Между прочимъ, съ него были сняты золотые часы. Такъ какъ г. Н** имѣть часы было необходимо, то онъ на другой же день отправился въ магазинъ иностранной фирмы покупать новые. Представьте же удивленіе г. Н**, когда въ числѣ предложенныхъ ему часовъ оказались и тѣ самые, которые наканунѣ были украдены у него. Заподозрить въ соучастіи въ грабежѣ богатую и солидную фирму, конечно, было не мыслимо, почему г. Н**, не сказавъ ни слова по поводу своего недоумѣнія, купилъ собственные же часы и ушелъ. Однако, какъ же часы попали въ магазинъ, размышлялъ Н**. Ничего не было-бы страннаго, если бы они попали къ кабачному сидѣльцу. Появленіе же часовъ въ первоклассномъ европейскомъ магазинѣ казалось очень страннымъ. Недоумѣніе г. Н** было разрѣшено однимъ полицейскимъ чиновникомъ... Дѣло въ томъ, что большая часть владивостокскихъ кабаковъ принадлежатъ этой фирмѣ... Патенты на кабаки выдаются на имена нѣкоторыхъ изъ владивостокскихъ мѣщанъ, которые, однако, не вмѣшиваются въ эту торговлю и имѣютъ свои собственные заработки, ничего общаго съ кабачнымъ дѣломъ не имѣющіе. Этотъ фактъ удостовѣряетъ, между прочимъ, и мѣстная газета „Владивостокъ“ (№ 32 за 1894 г.).

*) Кромѣ этихъ ссыльныхъ, во Владивостокѣ есть немало уроженцевъ каторги. Большинство ихъ тоже сомнительной нравственности.

Отъ кабаковъ, насчитывающихся въ Владивостокѣ до 30, перейдемъ къ игорнымъ домамъ и заведеніямъ для куренія опіума. Всѣмъ извѣстно вліяніе кабаковъ на русскій людъ вообще; но еще хуже кабаковъ вліяютъ на инородческое населеніе игорные дома и заведенія для куренія опіума. Тѣхъ и другихъ въ городѣ около 40; часть ихъ содержится тайно...

Подходя къ такимъ заведеніямъ, вы уже чувствуете ихъ специфическую атмосферу. Кругомъ фанзы, или обыкновеннаго нашего домика, гдѣ помѣщаются эти притоны, въ особенности у входа ихъ, въ большомъ количествѣ гніютъ кухонные отбросы и человѣческія выдѣленія. Войдемъ сначала въ игорный домъ. При входѣ же васъ охватываетъ такое зловоніе, что вы принуждены зажимать и носъ, и ротъ. Въ комнаткѣ, весьма низкой, грязной и наполненной китайцами,—полумракъ. Маленькія тусклыя стекла оконъ очень мало пропускаютъ свѣтъ. Играющихъ нѣсколько паръ. Одни сидятъ за столиками, другіе на лавкахъ. Кругомъ тѣхъ и другихъ зрители, тоже китайцы. Играющихъ время отъ времени обносятъ сули въ малень-

кихъ чашечкахъ (немного больше наперстка). Пробыть въ этомъ вертепѣ возможно только минутъ 10—15 и то съ нѣкоторымъ насиліемъ надъ собой.

Въ заведеніяхъ для куренія опіума—еще хуже. Здѣсь не бываетъ такъ многолюдно, какъ въ игорныхъ домахъ, но васъ поражаетъ здѣсь та-же чрезвычайно-специфическая атмосфера. Не говоря уже о зловоніи гніющихъ отбросовъ и человѣческихъ выдѣленій, васъ охватываетъ и одуряющій дымъ опіума, и запахъ испареній отъ потѣющихъ грязныхъ китайцевъ и спертый, удушливо-жаркій воздухъ притона. Заведеніе помѣщается въ двухъ комнатахъ. Въ первой—двѣ простыя лавки, а во второй, смежной,—три дивана. На полу циновки, по стѣнамъ нѣсколько китайскихъ картинъ. Окна завѣшены грязными тряпицами. На диванахъ и по лавкамъ неподвижно дремлютъ курильщики-китайцы. На угловомъ столикѣ чикаютъ часы-будильникъ...

По словамъ знакомаго мнѣ китайца-коммерсанта, содержать игорные дома и заведенія для куренія опіума весьма выгодно. По его словамъ, большая часть тѣхъ и другихъ принадлежатъ иностранной фирмѣ, торгующей во Владивостокѣ.

Глава VI.

(Интеллигенція Владивостока и ея дѣятельность).

Іюня 14 д. Вчерашній, праздничный день я провелъ весьма разнообразно и весело. Днемъ мнѣ удалось побывать на засѣданіяхъ двухъ обществъ: „Изученія Амурскаго края“ и „благотворительнаго“. Вечеръ же, до поздней ночи, я провелъ въ морскомъ клубѣ. На засѣданіяхъ обществъ, благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ членовъ, мнѣ удалось немного познакомиться съ ихъ дѣятельностью. Въ морскомъ же клубѣ все время я просидѣлъ въ читальной комнатѣ и знакомился съ мѣстными владивостокскими газетами... При этомъ мнѣ оказалъ нѣкоторую помощь мой хорошій знакомый-морякъ. Затѣмъ, какъ на засѣданіяхъ обществъ, такъ и въ клубѣ, я познакомился съ нѣсколькими обывателями, трудамъ которыхъ не мало обязаны и вышеупоминаемыя общества, и мѣстная пресса. Это высшая интеллигенція не одного Владивостока, но цѣлаго края. Существованіе ея, существованіе такихъ дѣятелей въ такой глуши, какъ нашъ Дальній Востокъ, оживляетъ и освѣщаетъ эти трущобы. Мало этого, своей плодотворной дѣятельностью, не замѣтной и не кричащей о себѣ, они, медленно и вѣрно, способствуютъ движенію населенія края по пути къ свѣту и благосостоянію. Дѣятельность этой небольшой кучки интеллигентовъ есть единственное хорошее во Владивостокѣ. Первое и самое главное проявленіе этой дѣятельности выражается въ мѣстной еженедѣльной газетѣ „*Владивостокъ*“. Она выходитъ съ 1883 г. Подписчиковъ въ теченіи 15 лѣтъ было самое большее число 267 (въ 1886 г.); въ иные годы понижалось до 119 (въ 1892 г.). Бюджетъ редакціи: съ подписчиковъ, по 10 рублей за весь подписной періодъ, въ хорошій годъ около 2670 р., въ плохой около 1190 р.; субсидіи отъ морскаго вѣдомства 2000 р. и за объявленія 1300 р.; итого въ хорошій годъ 5000 р., въ плохой 4490 рублей. Несмотря на такія чрезвычайно бѣдныя средства, газета высоко держитъ свое знамя. Просматривая всѣ томы „*Владивостока*“ съ перваго года изданія до послѣдняго (1896 г.), я не мало былъ удивленъ, съ какимъ безпристрастіемъ и настойчивостію ратовала и ратуетъ газета за истину, съ какой смѣлостью и энергіей заноситъ она на свои

страницы каждый фактъ о злоупотребленіи, о дѣятельности плутократіи, о безпримѣрномъ жестокомъ обращеніи русскаго населенія съ китайцами въ Южно-Уссурійскомъ краѣ вообще и во Владивостокѣ въ частности...

Въ 1890 году стала выходить другая газета, *„Дальній Востокъ“*. Хотя руководители ея еще бѣднѣе средствами, чѣмъ первой (безъ субсидіи), тѣмъ не менѣе характеръ дѣятельности *„Дальняго Востока“* не менѣе импонирующій. Прискорбно только читать постоянную полемику, которую ведутъ эти газетки другъ съ другомъ. Къ сожалѣнію, это не простая, спокойная полемика. Нѣтъ, это грызня, съ остервенѣніемъ и съ пѣною у рта...

Отъ газетъ перейдемъ къ *«Владивостокскому Обществу изученія Амурскаго края“*. Оно было основано въ 1884 году А. М. Устиновымъ. Первыми членами его были: Гриневецкій, князь Крапоткинъ, Манцевичъ, Маргаритовъ, Устиновъ и Шевелевъ. Предсѣдателемъ былъ Буссе. Прошло съ основанія общества 13 лѣтъ и дѣятельность его выразилась въ слѣдующемъ: предо мною нѣсколько десятковъ солидныхъ, хотя и скромныхъ по размѣрамъ, книжекъ по изслѣдованію края. Напримѣръ: „Промыселъ Морской капусты въ Японскомъ морѣ“, Семенова Я. Л.; „Ханшинъ и его производство“, „Инородческое населеніе“, Назарова; „О трепанговомъ промыслѣ въ водахъ Уссурійскаго залива“, „О мѣсторожденіяхъ нефти на островѣ Сахалинѣ“, Масленникова С.; „Краткій очеркъ климата поста святой Ольги“ д-ра Прика; „Матеріалы къ описанію Хинганской экспедиціи полковника Путяты“, Бородовскаго; „Кухонные остатки, найденные на берегу Амурскаго залива близъ рѣчки Седеми“, Маргаритова; „Владивостокъ и Южно-Уссурійскій край Приморской области“,

д-ровъ Прикъ А. Е. и Бѣляева А. Д., и т. д., и т. д. Въ настоящее время общество имѣетъ солидный музей и библіотеку. Въ 1893 г. членовъ состояло около 140; нынѣ состоитъ около 200. Средства общества по 1894 г. простирались до 47,000 р., изъ коихъ 28,800 р. были пожертвованы населеніемъ края. Не менѣе заслуживаетъ вниманія общество врачей г. Владивостока. Оно было основано въ 1892 году. Вотъ нѣсколько пунктовъ изъ программы этого общества: 1) изученіе Южно-Уссурійскаго края въ санитарномъ отношеніи; 2) изученіе условій, подъ вліяніемъ которыхъ развиваются и поддерживаются въ краѣ болѣзни и изысканіе средствъ и условій къ предупрежденію или ограниченію ихъ появленія и распространенія; 3) изученіе и ученая разработка статистическихъ матеріаловъ о болѣзненности и смертности; 4) содѣйствіе администраціи въ устройствѣ врачебной части; 5) содѣйствіе въ распространеніи оспопрививанія; 6) открытіе публичныхъ чтеній и изданіе популярныхъ книгъ; 7) устройство амбулаторіи для подачи бѣдному населенію безплатной врачебной помощи, и т. д.

Въ заключеніе этой главы, упомяну о владивостокскомъ благотворительномъ обществѣ. Всѣхъ членовъ около 250, большинство изъ нихъ—дамы, супруги офицеровъ, чиновниковъ и коммерсантовъ. Основанное въ 1885 г., оно въ настоящее время содержитъ на свои средства богадѣльню съ 12 человѣк., помѣщающуюся въ собственномъ зданіи, три начальныя школы, ночлежный пріютъ и дешевую столовую для бѣдныхъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, что какъ не малочисленна и не бѣдна высшая интеллигенція во Владивостокѣ, тѣмъ не менѣе она проявляетъ весьма солидную и плодотворную дѣятельность.

Глава VII.

Чиновничество.

Октября 2 д. Владивостокское чиновничество можно раздѣлить на двѣ группы: на высшихъ и низшихъ. Занимающихъ солидныя должности, съ крупными окладами, можно сосчитать по пальцамъ только одной руки. Другое дѣло относительно низшаго чиновническаго персонала: мелкихъ чиновниковъ во Владивостокѣ 150—200. Во всемъ-же Приамурскомъ округѣ крупныхъ чиновниковъ около сотни, мелкихъ же—тысячи три, четыре. Послѣдніе—народъ большею частью многосемейный, получаютъ-же они сравнительно небольшое содержаніе—отъ 700 до 1000 руб. При этомъ никакихъ вспомогательныхъ источниковъ у гражданскихъ чиновниковъ нѣтъ: онъ не получаетъ нынѣ ни провіанта, ни казенной прислуги, ни квартиръ, хотя взамѣнъ послѣднихъ ему выдаются квартирныя деньги. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ нѣтъ ни ссудо-сберегательныхъ кассъ, ни потребительныхъ общественныхъ товарныхъ складовъ, какъ въ военномъ вѣдомствѣ, имъ не дѣлается такъ-же скидка 50% съ провозной тарифной платы при переѣздахъ на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ, какъ дѣлается это военно-служащимъ. Въ трудную минуту гражданскій чиновникъ достаетъ деньги обыкновенно у ростовщиковъ за большіе проценты. У ростовщика же, большею частью торговца (китайца или русскаго), онъ беретъ въ кредитъ и предметы первой необходимости (масло, муку, чай, сахаръ и даже говядину), и мануфактурные товары для платья семьѣ и себѣ. Нечего говорить, что торговецъ беретъ со своего покупателя большіе проценты. Получивъ мѣсячное содержаніе, чиновникъ разсчитывается съ торговцемъ, съ хозяиномъ своей квартиры, съ водоносомъ (китайцемъ), съ мясникомъ и съ пріятелями, которымъ онъ проигралъ въ карты въ теченіе мѣсяца,—и его бумажникъ пустъ, и до 21-го числа онъ снова начинаетъ брать у торговца-мясника и др. въ кредитъ до 20-го слѣдующаго мѣсяца.... Семья увеличивается, увеличиваются ея потребности и расходы, а содержаніе не прибавляется, и волей-неволей чиновникъ влазитъ въ долги, какъ говорится, по уши, и ждетъ—не дождется полученія, крупной для него, первой прибавки за прослуженіе перваго пятилѣтія, въ размѣрѣ 1/4 или 1/2 годового оклада и полуторныхъ прогоновъ до мѣста, откуда онъ выѣхалъ...

Получивъ ожидаемое, семья воспрянула: заводится для членовъ семьи бѣлье и верхнее платье (до этого же времени не имѣли даже самаго необходимаго); улучшается на нѣсколько дней питаніе, погашаются всѣ долги и —только.

Чрезъ недѣлю или двѣ послѣ полученія денегъ,—карманъ пустъ и чиновникъ снова беретъ все въ кредитъ.. Прибавка же къ мѣсячному окладу 8—10 р. не составляетъ особеннаго увеличенія бюджета и не увеличиваетъ благосостоянія семьи: увеличивается только потребленіе сахара на нѣсколько фунтовъ, да говядины на полпуда—и только.

Не удивительно, что жизнь чиновника--полна всевозможныхъ лишеній. Мать семьи, большею частію образованная женщина, одновременно и стряпуха, и прачка, и поломойка, и портниха, и швейка. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ ея старанія, концы съ концами никакъ не удается свести: то одного нѣтъ, то другого, то третьяго. При такой жизни, чиновница, мать многочисленнаго потомства, въ тридцать лѣтъ смотритъ уже пожилой, а въ сорокъ лѣтъ и стару-

хой. Что касается самого чиновника, отца большаго семейства, то втянувшись въ обычное чиновническое времяпрепровожденіе—въ рюмочку и въ дѣятельность за зеленымъ столомъ, онъ въ концѣ концовъ становится хроническимъ алкоголикомъ и картежникомъ. Онъ—постоянный посѣтитель карточныхъ вечеровъ и другихъ подобныхъ собраній, гдѣ карты и сивуха играютъ главную роль. Если же онъ не алкоголикъ, то его ожидаетъ чахотка или обычный у чиновниковъ геморой. Прослуживъ 10 лѣтъ, чиновникъ получаетъ пожизненную амурскую пенсію въ размѣрѣ половины годоваго оклада, обыкновенно рублей 300 или 250 въ годъ. Такимъ образомъ, получая содержаніе, плюсъ прибавки за пятилѣтія и амурскую пенсію, онъ, казалось-бы, могъ жить хорошо. Но, увы, въ теченіе 10—15-ти лѣтней борьбы съ нуждой и съ трущобной скукой, имъ пріобрѣтены нѣкоторыя болѣзни и привычки, поглощающія всѣ излишки отъ содержанія... Кромѣ того, долголѣтніе хроническіе долги въ концѣ-концовъ доходятъ до весьма крупной суммы. Все это лишаетъ его возможности жить сколько нибудь сносно.

А дѣти? Казна ни гроша не даетъ гражданскому чиновнику на воспитаніе его дѣтей, какъ даетъ она служащему военнаго вѣдомства. Не даютъ ему средствъ на воспитаніе дѣтей и общественныя, городскія управленія и благотворительныя общества (напримѣръ, стипендіи, находящіяся въ распоряженіи тѣхъ и другихъ учрежденій). Давать же образованіе дѣтямъ на свои средства чиновнику немыслимо. Впослѣдствіи же, послѣ выслуги 10—15 лѣтъ, хотя чиновникъ и имѣетъ на это средства, но заниматься воспитаніемъ дѣтей уже поздно, такъ какъ мальчики къ этому времени превращаются уже въ молодыхъ

людей, а дѣвочки—въ молодыхъ дѣвицъ-невѣстъ и чиновникъ волей-неволей ограничивается для своихъ дѣтей приходскимъ или 2-хъ классным городскимъ училищемъ, и затѣмъ сынъ его поступаетъ, какъ и отецъ писцомъ, или почтово-телеграфнымъ чиновникомъ 6 разр., или почталіономъ. Въ 20—25 лѣтъ онъ уже завзятый алкоголикъ и картежникъ.... Дѣвочекъ же папа научитъ пополамъ съ грѣхомъ грамотѣ, а мама стряпать, шить, вязать чулки, мыть полы, стирать бѣлье—вотъ и все ихъ образованіе...

Въ домашней жизни чиновникъ мало чѣмъ отличается отъ своихъ собратовъ въ другихъ частяхъ нашего отечества. Его квартира состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ и кухни. Въ одной комнатѣ помѣщается мать семейства съ дѣтьми, въ другой самъ хозяинъ-чиновникъ. Послѣдняя служитъ и пріемной для гостей. Обстановка комнатъ самая бѣдная. Гардеробъ пустъ. Ни столоваго, ни постельнаго бѣлья, ни матрасовъ у дѣтей не имѣется. Спятъ на полу, на войлокѣ, закрываются на ночь чѣмъ попало, только не одѣялами, которыхъ не существуетъ. Изъ газетъ встрѣчаемъ у чиновниковъ только „Ниву“ или „Родину“, или „Свѣтъ“. Семья поднимается обыкновенно часовъ въ 6—7. Послѣ утренняго чая съ хлѣбомъ и завтрака изъ рыбы съ картофелемъ, глава семьи идетъ на службу, а жена готовитъ скудный обѣдъ, стираетъ бѣлье своей семьи, или моетъ полы, предъ праздниками; въ 3 или 4 часа отецъ семейства возвращается со службы и, пообѣдавъ щами съ малюсенькимъ кусочкомъ говядины, или ухою съ соленой рыбою, ложится отдохнуть часъ или два, а послѣ сна и обычнаго чаепитія, идетъ въ гости или самъ принимаетъ ихъ. Знакомство ведется только со своимъ братомъ, гражданскимъ чиновникомъ. Въ гостяхъ—картишки и рюмочки до зеленаго змія... Вотъ въ общихъ чертахъ жизнь большинства гражданскихъ чиновниковъ на Дальнемъ Востокѣ.

Глава VIII.

Голодный кауль-воришка. Его наказаніе. Переселенія корейцевъ въ нашъ край.

Января 26 д. 189* г. Опять нѣсколько мѣсяцевъ не заглядывалъ я въ свой дневникъ. Признаюсь, въ эти протекшіе 100 дней со дня написанія послѣдней главы, я не имѣлъ ни одного свободнаго дня. Въ будни весь день на занятіяхъ, а въ праздники въ экскурсіяхъ по деревнямъ. А такъ какъ праздничныхъ дней въ эти три мѣсяца было много (Рождество, святки и т. д.), то я побывалъ во всѣхъ интересующихъ меня, деревняхъ. А наиболѣе интересовали меня—корейскіе поселки.

Въ нѣкоторыхъ деревенькахъ я провелъ дня по два, по три. Цѣль всѣхъ этихъ поѣздокъ—ближе познакомиться съ бытомъ корейцевъ въ нашемъ краѣ. А натолкнула меня на мысль познакомиться съ ними слѣдующая сцена.

Однажды, рано утромъ, я шелъ на свои обычныя занятія. На рынкѣ мое вниманіе было привлечено кучкою галдѣвшаго у одной изъ лавочекъ съ булками народа. Когда я подошелъ къ группѣ и пробрался въ средину ея, то увидѣлъ самое отвратительное зрѣлище. Русскіе торговцы били корейца. Я попробовалъ было защищать бѣднягу, но напрасно: меня оттѣснили въ сторону.

Оставалось только прибѣгнуть къ помощи городоваго, что я и сдѣлалъ. Бѣднаго кауля не безъ труда отняли у толпы.

— Это воръ, ведите его въ полицію, кричали буяны.

Избитаго кауля повели, но не въ полицію, а въ корейское общественное управленіе. Заинтересованный этимъ инцидентомъ и тѣмъ, что представляетъ изъ себя корейское общественное управленіе, я послѣдовалъ за ними.

Корейское управленіе состоитъ изъ старшины, двухъ помощниковъ его, писаря, переводчика и трехъ судей. Кромѣ писаря—русскаго, остальные члены управленія корейцы. Они избираются корейскимъ обществомъ во Владивостокѣ ежегодно. Старшина и писарь получаютъ жалованье по 75 р., переводчикъ 30 р.; а помощники по 16 р. 6½ к. въ мѣсяцъ. Деньги, расходуемыя на это управленіе, собираются со всѣхъ корейцевъ, проживающихъ во Владивостокѣ (около 3000 душъ). Богатые корейцы-домовладѣльцы платятъ: подушныя по 1 р. 50 к. и съ имущества по 1 р.; состоятельные по 75 к. и бѣдные по 30 к. въ мѣсяцъ. Кромѣ этого взимается попудный сборъ съ привозимаго корейцами во Владивостокъ груза. Всего ежегоднаго сбора около 10.000 р. Кромѣ упоминаемаго выше расхода на содержаніе членовъ управленія, послѣднее изъ этихъ же денегъ платитъ за леченіе бѣдныхъ корейцевъ, раздаетъ послѣднимъ пособія предъ Новымъ годомъ и проч.

Когда корейца привели въ управленіе, члены послѣдняго были уже на своихъ мѣстахъ. Начался судъ. Одновременно съ опросами подсудимаго, переводчикъ переводилъ отвѣты его на русскій языкъ, а писарь записывалъ ихъ. Оказалось слѣдующее: наканунѣ кауль цѣлый день не ѣлъ, не находя заработка по случаю ненастной погоды. Наконецъ, одинъ русскій нанялъ его нести куль муки, обѣщая хорошо заплатить ему за это. Когда мука была доставлена по назначенію, несчастный кореецъ вмѣсто обѣщаннаго вознагражденія получилъ нѣсколько ударовъ въ загорбокъ и былъ вытолкнутъ на улицу. Такіе случаи во Владивостокѣ весьма часты. Мучимый голодомъ и усталостью, кауль кое-какъ добрелъ до рынка и, наткнувшись на прилавокъ съ булками, схватилъ одну изъ

нихъ. Виновника приговорили къ 20 ударамъ розогъ. Предварительно же старшина сказалъ ему наставленіе, въ концѣ котораго прибавилъ: «Чѣмъ воровать, тебѣ слѣдовало бы обратиться въ управленіе, гдѣ ты получилъ бы и пособіе на пропитаніе, и работу—чистить улицу въ корейскомъ кварталѣ".

Изъ всѣхъ народностей на Дальнемъ Востокѣ, мнѣ кажется, больше всѣхъ заслуживаютъ вниманія и участія корейцы, самые несчастные изъ инородцевъ.

Мы, русскіе, относимся къ нимъ съ какимъ то предубѣжденіемъ и пользуемся каждымъ малѣйшимъ поводомъ, чтобы помучить ихъ. Я не разъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ во Владивостокѣ, какъ владивостокцы науськивали собакъ на корейцевъ, или натравляли на нихъ уличныхъ мальчишекъ. Мало того: въ обществѣ часто слышны голоса, настаивающіе на изгнаніи корейцевъ изъ предѣловъ Россіи. А въ 1893 г. на Хабаровскомъ съѣздѣ, между прочимъ, было рѣшено не давать имъ земли для хлѣбопашества и огородничества. Презрительно относятся къ корейцамъ и китайцы, считая ихъ за самую низшую расу. Между тѣмъ, корейцы—самый безобидный народецъ. Тихіе и скромные, трезвые и трудолюбивые, они, мнѣ кажется, далеко не заслуживаютъ такого недружелюбнаго и презрительнаго отношенія къ себѣ.

Въ первый разъ корейцы переселились къ намъ, въ Южно-Уссурійскій край, въ 1813 г. въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ семействъ. Съ того времени число ихъ въ краѣ ежегодно стало увеличиваться, такъ что въ 1870 г. ихъ было здѣсь 9000 душъ, а чрезъ 15 лѣтъ (въ 1896 г.) было уже около 19000 душъ. Какъ земледѣльцы, они въ первый же годъ переселенія стараются обзавестись земельными участками. Въ прежнее время начальство отводило

имъ земли и даже ссужало небольшими суммами на первое обзаведеніе, земледѣльческими орудіями и проч. Благодаря этому, въ 1885 г. корейцевъ-земледѣльцевъ и огородниковъ было уже 7029 человѣкъ, а въ 1896 г. около 17000. Ихъ поселки преимущественно въ Суйфунскомъ и Посьетскомъ участкахъ, съ населеніемъ приблизительно въ 15000 душъ. Остальныя 2000 душъ въ Амурской области. Но не всѣ корейцы надѣлены земельными участками. Нѣсколько сотъ ихъ, не имѣя возможности обзавестись земелькою, берутъ въ аренду небольшіе участки (для огородничества и хлѣбопашества) у крестьянъ, уплачивая имъ половину собираемыхъ продуктовъ. Благодаря постоянному сношенію съ нашимъ народомъ, корейцы-земледѣльцы быстро усвоили и русскій языкъ, и нравы. и обычаи русскаго населенія. Благодаря этому тяготѣнію ко всему русскому, въ настоящее время—около 14000 корейцевъ уже приняли православіе и русское подданство; они прекрасно знаютъ русскій языкъ, а нѣсколько сотъ ихъ и грамотны. И только около 3000 корейцевъ, живущихъ во Владивостокѣ, числятся иностранцами и имѣютъ заграничные паспорты. Но и послѣдніе хлопочутъ уже о принятіи ихъ въ подданство Россіи, съ надѣленіемъ участками земли для хлѣбопашества и огородничества. Но, къ сожалѣнію, на основаніи упомянутаго выше рѣшенія Хабаровскаго съѣзда, имъ отказываютъ въ обоихъ ходатайствахъ.

Глава IX.

Корэйская деревня. Постройка корейцами своей фанзы. Внутренняя обстановка фанзы. Корейцы въ своей домашней жизни. Какъ они проводятъ время весною.

Января 28 д. День пасмурный. То моросить дождикъ, то идетъ снѣгъ. Съ Амурскаго залива дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ.

Нѣтъ ни малѣйшаго желанія покидать сегодня, въ такую погоду, свой комфортабельный, теплый уголокъ!

Этотъ уголокъ—мягкій диванчикъ, на которомъ я сижу, погруженный въ свои думы.

Вчерашняя сцена рельефно рисуется предъ глазами, а въ ушахъ и до сей минуты раздаются крики корейца, когда его били на рынкѣ и стегали розгами въ управленіи. Возмутительная сцена!

Несомнѣнно, корейцамъ живется весьма худо какъ въ своемъ отечествѣ, въ Кореѣ, такъ и у насъ, во Владивостокѣ. За то въ своей деревенькѣ, въ нашемъ южно-уссурійскомъ краѣ, по словамъ многихъ изъ нихъ, кореецъ—„чиста бара" (настоящій баринъ). Дѣйствительно, корейцы устроились здѣсь недурно.

Корейская деревенька весьма оригинальна. Она непохожа на нашу. Первое, что бросается въ глаза при въѣздѣ, это растянутость ея и не огороженныя поля подлѣ самыхъ фанзъ. Оригинальны и послѣднія. Онѣ безъ трубъ и безъ оконъ, и представляютъ изъ себя ни что иное, какъ плетушки. Построить фанзу не особенно мудрено. Вбиваютъ угловые и промежуточные столбы на сажень другъ отъ друга; кладутъ на нихъ поперечныя слеги и, закрѣпивъ ихъ на столбахъ, сооружаютъ крышу изъ травы и прутьевъ. Когда крыша готова, то сверху обвязываютъ ее по всѣмъ направленіямъ веревками, сплетенными изъ травы. Затѣмъ между столбами вбиваютъ колья, переплетаютъ ихъ прутьями и обмазываютъ съ обѣихъ сторонъ глиною. Самое трудное для корейца соорудить дверь, которая всегда на югъ. По корейской архитектурѣ, дверь должна быть рѣшетчатая, отверстія ея должны быть залѣплены китайской тонкой бумагой, пропитанной масломъ. Закрѣпивъ дверь веревками вмѣсто шарниръ, приступаютъ въ внутренней отдѣлкѣ помѣщенія. Сначала перегораживаютъ фанзу такими же стѣнами, какъ и наружныя, на три части, но такъ, чтобы перегородки не доходили вплоть до крыши; первую треть помѣщенія, къ западу, перегораживаютъ еще пополамъ, для хозяина и хозяйки; средняя часть для кухни и работниковъ, а третья, къ востоку, перегораживается на двѣ или на три клѣтушки для домашнихъ животныхъ. Въ первой и средней настилаютъ полъ изъ камня, а сверху обмазываютъ глиной. Кромѣ этого, въ первой части, гдѣ помѣщаются хозяинъ и хозяйка, стѣны и потолокъ (который замѣняетъ крыша) покрываютъ циновками. Очагъ устраивается въ ямѣ, у задней стѣны. Изъ него продѣлывается отверстіе подъ поломъ въ трубы, стѣнки которыхъ составляютъ тѣ же камни, служащіе поломъ. Трубы эти идутъ подъ поломъ по всѣмъ направленіямъ фанзы. Одна изъ нихъ, сливаясь съ другими, выходитъ наружу, въ закрытую сверху канаву, которая оканчивается противъ трубы. Вышина послѣдней аршина два—три. Чтобы предостеречь фанзу отъ пожара, эту трубу дѣлаютъ въ сторонѣ отъ стѣнъ фанзы—сажени на 2—3. Въ выстроенной, но еще необитаемой фанзѣ довольно сносно. Свѣтъ, проникая чрезъ небольшое верхнее полое пространство поверхъ двери, все-таки освѣщаетъ внутренность ея, хотя довольно слабо, въ особенности тѣ клѣтушки, которыя предназначены для хозяина и хозяйки. Спертый воздухъ нѣсколько сыроватъ. Но, войдемъ въ обитаемую фанзу. Тутъ вѣчный полумракъ и нестерпимое зловоніе. Стѣны и полъ совершенно черны отъ сажи, пыли и грязи. Не менѣе грязны и циновки, которыми покрыты стѣны и крыша въ хозяйскихъ апартаментахъ. Милліоны насѣкомыхъ, всевозможныхъ видовъ и родовъ, вездѣ и всюду. Воздухъ нестерпимо душенъ и отъ выдѣ-

леній домашнихъ животныхъ, и отъ тухлой рыбы, и отъ невообразимо грязныхъ обитателей фанзы—корейцевъ. Во время дождя потоками его заливается вся фанза. Ручьи текутъ и сверху, и съ боковъ, и снизу...

Обыкновенно корейцы не имѣютъ привычки мыться, или мѣнять бѣлье и верхнее платье. Только иногда, развѣ въ торжественные дни, кореецъ плеснетъ на лицо водою, утретъ его грязными руками или полою своего халата—и только. Платье, состоящее изъ бѣлыхъ (ватныхъ въ холодное время) широкихъ шароваръ и такой же длинной и широкой кофты или халата, носится до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочья. Мѣняютъ его только богатые корейцы. Въ особенности грязны корейки. На ихъ короткія (ватныя въ холодное время) юбки и кофты нельзя смотрѣть безъ отвращенія. Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русскихъ, а главное, благодаря настойчивымъ наставленіямъ нашихъ священниковъ, корейцы начинаютъ носить и верхнее платье европейскаго покроя, и бѣлье.

Корейцы весьма трудолюбивы. Рабочій день начинается весьма рано. Первая встаетъ хозяйка и, затопивъ очагъ, готовитъ завтракъ. Кулинарное искусство несложно: накладетъ въ котелокъ свою чумизу (крупа въ видѣ проса), бобовъ, нальетъ немного воды и ставитъ въ очагъ. Когда варево вскипитъ, ставитъ предъ сидящими на полу мужемъ и работникомъ (если держатъ его) небольшіе столики въ 2 четверти вышины и около 3-хъ длины и ширины; на эти столики кладетъ овощи, редисъ, огурцы и др. плоды, и наложивъ въ мѣдныя чашки чумизу, ставитъ ихъ на столъ предъ каждымъ. Для вкуса кладетъ въ кашу стручковый перецъ и льетъ сою. Позавтракавъ, мужчины чистятъ клетушки, гдѣ помѣщаются домашнія

животныя, заготовляютъ дрова и т. д. И такъ цѣлый день. Ѣдятъ раза четыре, пять. Ложатся спать рано.

Нечистоты домашнихъ животныхъ и свои тщательно собираются и кладутся въ одно мѣсто. Въ теченіе осени, зимы и весны накапливаются ихъ большія кучи. Едва наступаетъ весна и на поляхъ еще не началось таяніе снѣга, какъ корейцы уже готовятся къ хлѣбопашеству. Первымъ дѣломъ, кореецъ стаскиваетъ удобренія на поле, благо, что оно около фанзы. Удобреніе тщательно размельчивается и равномѣрно распредѣляется по всему полю. Вся эта работа весьма кропотливая и грязная, требуетъ для исполненія не малое время. Но не въ характерѣ корейца спѣшить. Постепенно и не торопясь онъ сдѣлаетъ недѣли въ 3—4. Тѣмъ временемъ, снѣгъ стаялъ. Надо позаботиться о сѣмянахъ. Располагаетъ ими весьма рѣдкій кореецъ-земледѣлецъ. Большинство, чтобы достать ихъ, обращаются къ китайцамъ, или къ нашимъ мужичкамъ-кулакамъ, живущимъ по сосѣдству. Сѣмена, конечно, даются, но за большіе проценты. Наступили праздники--пасха, празднуемая корейцами-христіанами, и китайскій новый годъ, празднуемый корейцами-язычниками въ теченіе двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени старшіе изъ корейцевъ ходятъ по гостямъ. Если къ одному хозяину собирается много гостей, и если погода стоитъ теплая, то пиршество устраивается во дворѣ. Для этого земля во дворѣ устилается соломою, на солому усаживаются гости, а предъ каждымъ гостемъ ставятся столики съ угощеніемъ. Что касается до молодежи, то она веселится по своему: устраиваются качели, игры и т. д.

Послѣ праздниковъ приступаютъ къ пахотѣ. Въ плугъ съ однимъ сошникомъ запрягаютъ или воловъ, или коровъ. Пашутъ глубоко. Пока одинъ, преимуще-

ственно самъ хозяинъ, ходитъ за плугомъ, работникъ разбиваетъ тяпкой комья, хозяйка вслѣдъ за нимъ кладетъ въ борозду, въ одну линію, зерна, а сынишко или дочка тщательно зарываютъ ихъ, выравнивая лопаткою землю. Если у корейца нѣтъ дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ, пригодныхъ для этой работы, то на время полевыхъ работъ нанимается работникъ-кореецъ. Вмѣсто жалованья ему платятъ извѣстную часть собранной жатвы. Благодаря этому, работникъ такъ-же внимательно и старательно ходитъ за полемъ, какъ и самъ хозяинъ.

Глава X.

Какъ корейцы проводятъ время въ теченіе лѣта и осени. Подати и повинности, платимыя ими. Ихъ школы, дѣятельность грамотныхъ корейцевъ. Зимніе заработки корейцевъ. Ихъ временныя квартиры во Владивостокѣ.

Января 29 д. Окончивъ посѣвъ, корейцы приступаютъ къ огороду. Овощей садятъ много, обработываютъ землю хорошо, поливать не лѣнятся. Пока возились съ огородомъ, взошелъ хлѣбъ. Благодаря глубокой пахотѣ и одновременному съ пахотою посѣву (въ сырую почву), зерно не подвергается дѣйствію засухи, нерѣдко случающейся вскорѣ послѣ всхода... Между рядами—прогалинки четверти въ двѣ ширины По этимъ тропинкамъ кореецъ ходитъ по полю, вырывая сорныя травы и разрыхляя землю. И по моимъ наблюденіямъ, и по словамъ священниковъ и крестьянъ, хлѣба у корейцевъ родятся всегда хорошо, если только чрезвычайныя неблагопріятныя обстоятельства не повредятъ ихъ, какъ, напримѣръ, въ 1896 г. въ лѣто этого года сильнымъ наводненіемъ потопило большую часть ихъ полей.

Когда хлѣбъ смолоченъ и овощи собраны, тогда наступаетъ время расплаты. Кореецъ, во 1-хъ, отвозитъ зерно кулаку въ уплату взятаго на сѣмена, въ 2—3 раза больше, чѣмъ было позаимствовано имъ. Остальные продукты, хлѣбъ и овощи дѣлитъ на двѣ половины. Одну часть оставляетъ для себя, другую везетъ на продажу; изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ, если только не проиграетъ ихъ въ карты въ китайскихъ игорныхъ домахъ, или не истратитъ на китайскую лотерею (что случается весьма часто), кореецъ уплачиваетъ подати, земскія повинности и дорожную повинность. Послѣдняя лежитъ на корейцахъ тяжелымъ гнетомъ съ апрѣля по октябрь. Въ теченіе этого времени каждый домохозяинъ кореецъ долженъ держать на свой счетъ особаго рабочаго при исправленіи старыхъ проселочныхъ дорогъ и при сооруженіи новыхъ *). (Крестьяне избавлены отъ податей и дорожныхъ повинностей). Кромѣ того, онъ платитъ около 3—5 руб. на содержаніе обывательскихъ станцій, наконецъ, кореецъ долженъ уплатить солидную сумму священнику и на школу. Благодаря священникамъ, школы имѣются почти въ каждой корейской деревнѣ, въ нѣкоторыхъ даже 2-хъ классныя (миссіонерскія): напримѣръ въ Корсаковкѣ, гдѣ, между прочимъ, преподаютъ садоводство и огородничество. Всѣ священники, живущіе среди корейцевъ, съ большими похвалами отзываются о нихъ. Въ особенности, говорятъ они, заслуживаетъ поощренія ихъ стремленіе обучать своихъ дѣтей въ нашихъ школахъ. Въ сущности желаніе это обусловливается ихъ честолюбіемъ. Кореецъ страстно желаетъ, чтобы его сынишка былъ „капитана“ (господинъ). Тогда онъ повезетъ своего „капитана“ въ Корею, на свою родину, и съ гордостью покажетъ его

*) Въ настоящее время трудами корейцевъ и китайцевъ прокладывается почтовый трактъ отъ Владивостока до св. Ольги.

своимъ землякамъ, нѣкогда обижавшимъ его. Благодаря этому, и въ Хабаровскѣ, и во Владивостокѣ, и въ Благовѣщенскѣ, и въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ Уссурійскаго края я довольно часто встрѣчалъ корейцевъ-прикащиковъ, почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, сельскихъ учителей, почталіоновъ, псаломщиковъ. Въ особенности много ихъ въ Хабаровскѣ въ качествѣ мелкихъ торговцевъ и прикащиковъ. Всѣ они воспитывались, большею частію, въ церковно-приходскихъ сельскихъ школахъ Южно-Уссурійскаго края.

Однако возвращаюсь къ корейцу-хлѣбопашцу. Покончивъ свои дѣла дома, онъ, какъ уже сказалъ я, старается уплатить свои долги казенные и частные, Но, счастливцы, которымъ удается погасить всѣ долги. встрѣчаются рѣдко. Въ началѣ зимы нѣкоторые изъ корейцевъ уходятъ во Владивостокъ. Здѣсь они занимаются переноскою тяжестей, чистятъ сортиры, улицы, дворы. За всѣ эти труды корейцамъ даютъ крайне немного: напримѣръ, за носку вещей, тесу и даже бревенъ (послѣднія носятся вдвоемъ или въ 4-мъ), хотя бы ихъ требовалось перенести изъ одного конца города въ другой—корейцамъ платятъ копѣекъ 5, много-много 10. Переноскою тяжестей они занимаются во всякое время года и во всякую погоду: и въ морозъ, и въ бурю, и въ страшный жаръ, и въ дождь, и въ пургу. За чистку дворовъ и проч. корейцы получаютъ копѣекъ 15—20. Какъ не скромно содержаніе корейца, но его заработка едва едва хватаетъ даже на содержаніе. Рѣдкій изъ нихъ приноситъ деньги домой. Благо еще, что за квартиру землякъ его, кореецъ, беретъ недорого: по 50 к. въ мѣсяцъ. За то и квартира эта чисто корейская: такая же темная, узкая, сырая, грязная и холодная, какъ и его деревенская фанза. Познакомился я съ ихъ городскими

квартирами весьма неожиданно. Однажды, въ праздничный зимній день, я отправился на берегъ залива. Заливъ былъ уже скованъ льдомъ. По берегу, около льда, лежали опрокинутыя большія шаланды. Подходя къ одной, я замѣтилъ струйку дыма, выходящаго изъ дна ея. Что за исторія? Не горитъ ли она внутри, подумалъ я,—и подойдя вплоть къ шаландѣ, стараюсь приподнять ее. Но, увы! Силъ моихъ не хватило даже пошевелить ее. Но, что я слышу: внутри ея ведется бесѣда на корейскомъ языкѣ! Еще больше былъ я удивленъ, когда неожиданно отворилось боковое окошечко на уровнѣ земли, заткнутое войлокомъ, и показалась лохматая и грязная голова знакомаго мнѣ корейца;

— Капитана, капитана! Друга! Иди къ намъ... кричалъ онъ мнѣ. Но осмотрѣвъ эту импровизированную дверь и заглянувъ во внутрь логовища, я отказался. Бока лодки изнутри были околочены кошмой. Послѣдняя была и на землѣ, поверхъ камышевыхъ циновокъ. На кошмѣ лежало нѣсколько корейцевъ, свободно растянувшись кругомъ огонька, на которомъ кипѣлъ котелокъ. Все это логовище съ его обитателями освѣщало только пламя огонька....

— Неужели твоя живи тутъ? спросилъ я.

— Моя живи и товарища живи, тамъ тоже много товарища живи, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая на другія опрокинутыя около берега шаланды, изъ которыхъ тоже струился дымокъ.—Вотъ наша хозайнъ, прибавилъ тотъ же кореецъ, указывая на другого, лучше одѣтаго, корейца. Въ послѣднемъ я узналъ тоже знакомаго мнѣ лодочника, катавшаго меня нѣсколько разъ по заливу на этой большой лодкѣ. Обыкновенно онъ и ему подобные занимаются перевозкою съ берега до берега, или съ парохода до берега и обратно, всѣхъ

и все, за небольшое вознагражденіе. Этимъ каботажнымъ промысломъ занимаются многіе корейцы, живущіе во Владивостокѣ. Нѣкоторые завели въ городѣ свои фанзы и лавченки съ товаромъ для своихъ земляковъ. Пока они промышляютъ каботажемъ, семьи ихъ въ городскихъ фанзахъ воздѣлываютъ огородъ и торгуютъ. Часть собранныхъ овощей продается. Другіе изъ лодочниковъ, не имѣющіе фанзъ, живутъ зимою подъ своими шаландами и держатъ квартирантовъ, своихъ земляковъ-каулей, промышляющихъ здѣсь переноской грузовъ и проч. Часть послѣднихъ живетъ во Владивостокѣ по заграничнымъ паспортамъ, имѣя семейства въ Кореѣ, часть изъ нихъ прибываетъ сюда, какъ я уже говорилъ, изъ деревень Южно-Уссурійскаго края для зимняго заработка.

Глава XI.

Краткая біографія Чи-фу-сая и его брата. Торговая, промышленная, ремесленная и каботажная дѣятельность китайцевъ въ нашемъ краѣ.

Февраля 25 д. Вчера распрощался я и съ чиновниками, и съ офицерами: не стану больше ходить на занятія. Такимъ образомъ, я опять свободный гражданинъ!

Сегодня же разсчитываюсь и съ хозяиномъ моей квартиры, чтобы переѣхать къ моему пріятелю и ученику Чи-фу-саю. У него буду встрѣчать китайскій новый годъ. Попраздновавъ недѣльку, мы отправимся на побережье Уссурійскаго залива. Чи-фу-са'евъ ѣдетъ туда по своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, я же — чтобы познакомиться съ морскими промыслами, съ китайцами-звѣроловами и проч. людомъ. Но, прежде чѣмъ переѣхать къ нему, я запишу въ этотъ дневникъ все, что мнѣ удалось узнать про моего пріятеля-китайца и его брата.

Оба брата Чи-фу-са'евы лѣтъ 7—8 тому назадъ, жили въ одномъ изъ небольшихъ городковъ сѣвернаго Китая. Дѣти бѣдныхъ, простыхъ родителей, они были чернорабочіе. Старшій, нынѣ купецъ, былъ работникомъ одной изъ китайскихъ, торговыхъ фирмъ. Младшій же, нынѣ подрядчикъ, былъ поденщикомъ, нанимаясь на мелкія работы то къ одному, то къ другому на короткое время. Такъ они жили до встрѣчи со своимъ родственникомъ-китайцемъ Ху-ны. Послѣдній, возвращаясь на родину изъ нашего края съ небольшимъ капитальцемъ, не преминулъ похвастаться своими успѣхами предъ родственниками. Слушая разсказы Ху-ны о богатствѣ нашего края и о легкости заработковъ, оба брата дождались теплаго времени года, добрели до ближайшаго портоваго города и, нанявшись матросами на одну изъ джонокъ, отправляющихся во Владивостокъ съ товарами, пустились въ путь — искать счастіе. Прибыли они во Владивостокъ безъ гроша въ карманѣ. Благодаря своимъ землякамъ, проживавшимъ въ то время во Владивостокѣ, прибывшіе тотчасъ же нашли заработокъ. Одновременно съ джонкою прибылъ во Владивостокъ пароходъ съ хлѣбомъ. По протекціи подрядчика-китайца, взявшагося за выгрузку парохода, братья были наняты на разгрузку послѣдняго. Здѣсь они заработали по полтора рубля. Чрезъ два—три дня, по протекціи опять таки земляковъ-китайцевъ, оба брата нанялись: будущій купецъ—работникомъ къ одному торговцу-китайцу, а будущій подрядчикъ—на каменную работу, хотя до той минуты онъ не имѣлъ о ней ни малѣйшаго понятія. И въ этомъ случаѣ его выручилъ тоже соотечественникъ, одинъ изъ главныхъ мастеровъ-каменьщиковъ: онъ поставилъ его на работѣ около себя и въ теченіе

нѣсколькихъ дней училъ работать. Все это дѣлалось мастеромъ-китайцемъ безвозмездно. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Чи-фу-са-каменьщикъ, изучивъ свою новую профессію, имѣлъ уже солидные заработки. Года чрезъ два съ небольшимъ, накопивъ деньженки, онъ сталъ подрядчикомъ и мастеромъ, по каменнымъ постройкамъ. Подрядившись строить какое-нибудь зданіе, каменное или деревянное, напримѣръ за 1000 р., подрядчикъ, нанимая рабочихъ манзъ обыкновенно за весьма дешевую поденную плату, кладетъ въ карманъ почти половину суммы, предназначенной на наемъ рабочихъ. Такимъ образомъ, занимаясь и подрядами, и каменной работою, Чи-фу-са младшій въ сравнительно короткое время нажилъ тоже небольшой капиталъ.

Что касается будущаго купца, то онъ разбогатѣлъ не такъ скоро, какъ его младшій братъ. Но за то положеніе его теперь гораздо прочнѣе и получаемыя имъ прибыли надежнѣе и больше. Я уже говорилъ, что онъ нанялся работникомъ къ одному китайцу-торговцу. Обязанность его состояла въ разноскѣ по утрамъ говядины, зелени и др. съѣдобныхъ товаровъ по городу тѣмъ изъ покупателей, которые брали у его хозяина-торговца въ кредитъ съ 20 по 20-е. Года два занимался онъ разноской товара кліентамъ хозяина. Въ теченіе этого времени онъ изучилъ довольно хорошо русскій языкъ и, благодаря воздержности, съэкономничалъ небольшую сумму. На третій годъ онъ завелъ и свою торговлю въ маленькой лавчонкѣ на базарѣ. Года полтора былъ онъ мелкимъ торговцемъ. На второй годъ, благодаря большому кредиту одного изъ шанхайскихъ купцовъ, Чи-фу-сай открылъ большой магазинъ. Обширное знакомство и съ русскими, и со своими соотечественниками-китайцами, въ особенности живущими внѣ Владивостока, предпріимчивость и энергія — все это способствовало ему значительно развить свои дѣла и увеличить основной капиталъ. Его главными торговыми операціями были—поставка въ Шанхай трепанговъ, морской капусты, дубовыхъ грибковъ, дженьшеня и пантовъ. Все это, добываемое въ нашихъ предѣлахъ, онъ частью скупалъ, объѣзжая побережье Японскаго моря Южно-Уссурійскаго края, частью добывалъ самъ, посылая своихъ рабочихъ, которые занимались промысломъ, проживая цѣлые годы въ одинокихъ фанзахъ или по Суйфуну, или гдѣ нибудь среди тайги по Сихота-Алиню, или по берегу моря. Собравъ достаточное количество этого товара, онъ очищаетъ его, сортируетъ и упаковываетъ. Въ началѣ навигаціи Чи-фу сай нагружаетъ этимъ товаромъ одну или двѣ изъ своихъ джонокъ и плыветъ самъ въ Шанхай. Оттуда онъ возвращается съ товарами колоніальными, мануфактурными и проч. Закупая ихъ самъ и доставляя, такъ сказать, по споутности *), онъ имѣетъ въ своихъ Владивостокскихъ магазинахъ всегда свѣжій и сравнительно дешевый товаръ. Благодаря этой дешевизнѣ, высокопоставленному или богатому покупателю, пріобрѣтающимъ у Чи фу-сая товаръ на крупную сумму, онъ продаетъ его съ значительной скидкой, что чрезвычайно привлекаетъ публику къ нему въ магазины. Но эта добросовѣстная продажа не исключаетъ мошенническихъ уловокъ. Напримѣръ, въ его магазинахъ, въ числѣ нѣсколькихъ вѣсовъ прекрасной и новѣйшей конструкціи, есть вѣсы и сомнительной вѣрности, напримѣръ съ дробью въ нѣкоторомъ, скрытомъ отъ не-

*) Или через границу.

посвѣщенныхъ, мѣстѣ; есть и гири, имѣющія внутри другой металлъ. Впрочемъ къ этимъ гирямъ и вѣсамъ онъ прибѣгаетъ теперь рѣдко, за то прежде онъ исключительно употреблялъ ихъ.

Или обратите вниманіе на руки прикащика-китайца, когда онъ вымѣряетъ покупателю матерію. На концѣ аршина, край матеріи, подъ ладонью, незримо переходитъ съ перваго вершка на второй и т. д. Есть и товары сомнительнаго достоинства. Напримѣръ байховый чай. Если приходитъ въ магазинъ случайный покупатель-бѣднякъ, то ему продается особый чай, изъ дешевыхъ... Чай этотъ уже побывалъ въ чайникѣ, былъ высушенъ и, перемѣшанный съ 1/4 ф. свѣжаго, всыпанъ въ новую фунтовую коробку... Есть и обувь съ маркою „Варшавскаго мастера". Но посмотрите внимательно на буквы марки—не покажутся ли онѣ вамъ аляповатыми? Или попробуйте зубами или ногтемъ, въ удобный моментъ, подошву этой „Варшавской обуви". Не покажется ли эта подошва толстымъ картономъ, поверхъ котораго наклеена тонкая кожица? Впрочемъ, всѣ эти коммерческія мошенничества свойственны не однимъ китайскимъ торговцамъ.

По этимъ двумъ біографіямъ можно нѣсколько судить о предпріимчивости сыновъ срединной имперіи, о ихъ солидарности между собой, понятливости, ловкости и о ихъ искусствѣ составлять капитальцы, имѣя небольшіе заработки.

Но являющіеся въ нашъ край съ цѣлью заработать деньги китайцы съ успѣхомъ пробуютъ свои силы и по другимъ отраслямъ труда. Ремесла: портняжное, сапожное, часовое, столярное, плотничное, ювелирное, булочное и т. д., одинаково легко даются имъ, и въ настоящее время всѣ ремесленники во Владивостокѣ—китайцы. Какъ ремесленники, они точны,

исполнительны, добросовѣстны и весьма искусны. У каждаго манзы ремесленника—ученики манзенки. Послѣдніе—будущіе ремесленники. Если-же молодому китайцу не доступно ремесло и научиться ему невозможно, онъ чернорабочій: водоносъ, разнощикъ, дроворубъ; или же онъ поступаетъ въ прислуги, стираетъ бѣлье на дому и т. д. Скопивъ немного денегъ, онъ, если ему не удается (или кажется невыгоднымъ) открыть торговлишку въ городѣ, селится гдѣ нибудь въ деревнѣ, обзаводится земелькой и, построивъ свое немудрое жилище-фанзу, занимается хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Если обзавестись земелькой ему нельзя, то онъ идетъ къ нашимъ крестьянамъ и арендуетъ у нихъ небольшой участокъ земли. Въ такихъ случаяхъ они (китайцы и крестьяне) уговариваются такъ: китаецъ долженъ обработывать поле, сѣять свои сѣмена и проч. Весь сборъ долженъ дѣлиться пополамъ. Нѣкоторые уговариваются иначе: арендаторъ долженъ платить владѣльцу земли извѣстную сумму—отъ 6 до 12 руб. съ десятины—и только. Кромѣ ремеслъ и хлѣбопашества, манзы съ успѣхомъ занимаются и каботажемъ: для этого манза покупаетъ шлюпку, или, если хватаетъ средствъ, цѣлую джонку, нанимаетъ гребцовъ—и занимается перевозкою и доставкою разнаго рода грузовъ и пассажировъ. Среди каботажниковъ я встрѣчалъ и хлѣбопашцевъ. Окончивъ посѣвъ хлѣба и овощей, и собравъ тѣ и другіе плоды, онъ сплавляетъ ихъ въ городъ на продажу. Сбывъ свой товаръ, онъ занимается въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, до замерзанія заливовъ, каботажемъ. На водѣ, въ своемъ суденушкѣ,—манза вполнѣ на своемъ мѣстѣ: онъ и распорядительный капитанъ, и опытный шлюпочникъ, и неусыпно-внимательный и прилежный хозяинъ-матросъ

своего ковчега. Шлюпка, или джонка, въ теплое время года нерѣдко служитъ и квартирой какъ для него, такъ и для его работниковъ. При наступленіи ночи, втащивъ шлюпку на берегъ и прикрѣпивъ ее къ столбику, манза—шлюпочникъ располагается на ночлегъ подъ брезентами, на войлокахъ. Утромъ встаетъ на зарѣ, раскладываетъ огонь на днѣ шлюпки, или джонки, на сложенныхъ и покрытыхъ желѣзнымъ листомъ кирпичахъ, и варитъ завтракъ. Послѣдній состоитъ изъ рисовой кашицы и двухъ-трехъ маленькихъ чашечекъ чаю... Послѣ завтрака начинается его рабочій день.

Глава XII.

Какъ проводятъ китайцы свой праздникъ „Новый годъ".

Февраля 27 д. Переѣхалъ я въ домъ Чи-фу-са'я въ полдень наканунѣ китайскаго „Новаго года". Изъ единственнаго окна моей комнаты я могу обозрѣвать весь дворъ, гдѣ будетъ происходить главное торжество встрѣчи китайцами своего „Новаго года". Поэтому я усаживаюсь у окна и приступаю къ своимъ наблюденіямъ.

Во дворѣ поразительная чистота. Всѣ углы и закоулки его усыпаны желтымъ пескомъ. Посрединѣ двора молельня. На остроконечной крышѣ ея развѣвается китайскій флагъ. Молельня— небольшая постройка въ 2 саж. вышины и въ $1^1/_2$ саж. ширины и длины. Стѣны и крыша на четыре ската изъ тщательно выстроганныхъ и пригнанныхъ досокъ, выкрашены. Кромѣ того, первыя оклеены цвѣтными бумажками съ китайскими іероглифами. Послѣдніе—мудрыя изреченія китайскихъ богослововъ. Входъ въ молельню увѣшанъ большими разноцвѣтными китайскими фонарями.

Высокая, широкая, и тоже окрашеная, дверь открыта и я вижу все внутреннее убранство молельни. Полъ устланъ ковромъ, стѣны завѣшены матеріей. Въ глубинѣ молельни, около стѣны, прямо противъ двери столъ, покрытый скатертью. На немъ небольшой металлическій идолъ—изображеніе Лао тьень-ѣ, бога-неба. Предъ нимъ серебряная съ ручками чаша. По обѣимъ сторонамъ ея, на металлическихъ подставкахъ, курильницы. Изъ ихъ круглыхъ отверстій выходятъ струйки дыма.

Надъ столомъ и по стѣнамъ висятъ нѣсколько китайскихъ фонарей. Отъ дверей молельни до передняго крыльца дома—алея изъ елокъ. На каждой по нѣсколько тѣхъ же цвѣтныхъ фонарей. Между елками американская шерстяная дорожка. Около заплотовъ и построекъ тѣ же елки съ фонарями.

Въ жилыхъ комнатахъ Чи-фу-са'я, убранныхъ по праздничному, толпятся китайцы. По случаю наступающаго новаго года они производятъ уплату долговъ своему патрону, чтобы съ новаго года опять забрать въ его магазинахъ нужный имъ товаръ въ кредитъ. Таковъ, освященный вѣками, обычай китайцевъ. Среди толпившихся сыновъ срединной имперіи у Чи фу-са'я я видѣлъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, прислугу и прикащиковъ Чи-фу-са'я и мелкихъ торговцевъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ. Къ вечеру всѣ расчеты были окончены и китайцы разбрелись по домамъ и квартирамъ... Между тѣмъ, въ кухнѣ, соединенной съ жилыми камнатами сѣнями, два китайца-повара усиленно варили и жарили китайскіе деликатесы...

Предъ утромъ меня разбудила трескотня китайскихъ ракетъ. Открываю глаза и не узнаю своей комнаты: и стѣны, и потолокъ, и мой письменный сто-

ликъ и даже я, на диванѣ, освѣщены лучами свѣта, льющагося изъ окна. Подбѣгаю къ окну и не узнаю вчерашняго двора! Онъ превратился въ садъ, роскошно и чудно освѣщенный фонарями. Молельня превратилась въ чудный алтарь, въ глубинѣ котораго рельефно выдѣлялся освѣщенный со всѣхъ сторонъ бюстъ идола. По дорожкѣ, между рядами елокъ, сновали фигуры разодѣтыхъ китайцевъ, ихъ женъ-манчжурокъ и дѣтей. Одни двигались изъ молельни, другіе въ молельню. Каждый молящійся входилъ въ алтарь, поднималъ надъ своей головой приношеніе и клалъ его предъ чашей; затѣмъ съ зажженнымъ пучкомъ свѣчъ становился на колѣни и непрерывно кланяясь идолу, бормоталъ молитву, въ заключеніе, клалъ нѣсколько монетъ въ чашу и уходилъ. Послѣ него тотчасъ же подходилъ другой, продѣлывалъ предъ божествомъ то же самое и уходилъ, давая мѣсто слѣдующему. Молящіеся подходятъ къ идолу только послѣ молитвословія, которое обыкновенно читаетъ священнослужитель въ желтой мантіи, подъ звуки китайской музыки.

Такія молельни почти у каждаго богатаго китайца; у небогатыхъ—скромнѣе, просто будочка безъ всякихъ украшеній и ковровъ; вмѣсто бюста идола—изображеніе его на бумагѣ, чаша - мѣдная или просто блюдечко; приношенія—чашечка риса. Такимъ образомъ на чужбинѣ каждая китайская семья съ прислугою, родственники ея и служащіе молятся въ собственныхъ молельняхъ.

Пока китайцы молились, появилась утренняя заря.

Дворъ и молельня опустѣли. Всѣ чады и домочадцы Чи-фу-са'я собрались въ одной изъ большихъ комнатъ. Послѣ обычныхъ поклоновъ младшихъ старшимъ, и тѣхъ и другихъ главѣ семьи и фирмы—Чи-

фу-са'ю (какъ у насъ въ прощеное воскресенье, наканунѣ перваго дня великаго поста) всѣ присутствующіе садятся за роскошный китайскій завтракъ со всѣми деликатесами китайской кухни. Пировали они долго и основательно...

Послѣ завтрака всѣ разошлись, чтобы отдохнуть часокъ другой послѣ ночи, проведенной безъ сна. Съ 9—10 часовъ всѣ были уже на ногахъ и гости, одинъ за другимъ, входили въ небольшую гостинную Чи-фу-са'я. Большая часть ихъ—кліенты его. Китайцы одна изъ тѣхъ націй, которыя неуклонно и неизмѣнно держатся обычаевъ и кодекса приличій своей страны даже и на чужбинѣ. Въ особенности устойчивъ обычай высказывать почтеніе младшими къ старшимъ, бѣдными къ богатымъ и низшими по общественному положенію къ высшимъ. Вотъ, напримѣръ, входитъ мелкій, деревенскій торговецъ, которому Чи-фу-са'й благосклонно открываетъ кредитъ на нѣсколько сотъ рублей. Остановившись у дверей, онъ кланяется хозяину, опустивъ и голову, и руки. Тотъ, не поднимаясь съ мѣста, важно киваетъ головой гостю и указываетъ на стулъ... Входитъ богатый китаецъ. Чи-фу-са'й вскакиваетъ и бѣжитъ ему на встрѣчу, улыбаясь жметъ ему руку, усаживаетъ въ передній уголъ или на диванъ, и начинается угощеніе... Такъ принимались гостьи Чи-фу-са'емъ почти весь день. Вечеромъ снова зажгли фонари и дворъ опять превратился въ волшебный садъ. Затрещали ракеты, захлопали хлопушки, загремѣла китайская музыка.. Китайцы, бѣдные и богатые, одѣтые по праздничному, высыпали на улицу. Одни ходятъ по двору и около дома, другіе--по улицамъ. Нерѣдко встрѣчаются маскированные (они же и актеры), предлагая гуляющимъ соотечественникамъ позабавиться. Нѣкоторые, въ осо-

бенности богатые и состоятельные китайцы, приглашаютъ ихъ къ себѣ въ домъ. Представленіе дается преимущественно во дворѣ, безъ всякихъ кулисъ и переодѣваній. Въ подобныхъ случаяхъ манзы сбѣгаются со всѣхъ сторонъ на даровой спектакль. Больше всего они любятъ процессіи ряженыхъ. Послѣдніе въ маскахъ страшныхъ чудовищъ, съ громадными фонарями, съ барабанами и др. китайскими музыкальными инструментами, ходятъ въ потемкахъ толпой или одинъ за другимъ по городскимъ улицамъ, гдѣ преимущественно живутъ манзы. При этомъ гремитъ музыка, трещатъ ракеты, хлопаютъ хлопушки... Такія процессіи устраиваются преимущественно въ последніе дни праздника. Тогда обыкновенно принимаетъ участіе въ нихъ все китайское населеніе.

И эта громадная толпа китайцевъ во главѣ съ ряжеными, при волшебномъ освѣщеніи фонарей среди ночной тьмы, при трескотнѣ и хлопаньи, производитъ необыкновенное впечатлѣніе...

Глава XIII.

Моя поѣздка съ Чи-фу-са'емъ. Мѣстность вдоль Амурскаго залива. Чрезъ хребетъ къ Уссурійскому заливу. Чау-фу. Тревожная ночь.

Марта 6 д. Праздникъ Саганъ-царъ не кончился, тѣмъ не менѣе, я и Чи-фу-са'й выѣзжаемъ сегодня на побережье Уссурійскаго залива. Къ 2-мъ часамъ по полудни мы были уже готовы къ путешествію. Оставивъ всѣ свои вещи здѣсь, я взялъ только необходимое: три пары бѣлья, дождевой зонтикъ, пледъ, письменныя принадлежности, консервы, сухари, чай и сахаръ. Все это я уложилъ въ сумы. Они весьма удобны въ дорогѣ при верховой ѣздѣ. Представьте себѣ два небольшіе кожаные чемоданчика въ квадратный ар-

шинъ, соединенные кожаной полостью. Послѣдняя полтора аршина длины; отъ концовъ, прочно пришитыхъ къ чемоданчикамъ, или сдѣланныхъ изъ одной кожи, съ нижней стороной ихъ, эта полость съуживается къ срединѣ, гдѣ она около четверти ширины. Сумы эти перекидываются черезъ сѣдло, такъ что два чемоданчика висятъ по обоимъ бокамъ лошади. Точно такую же суму взялъ и мой спутникъ.

Въ половинѣ третьяго часа мы были уже на владивостокскомъ вокзалѣ и заняли свои мѣста среди разнородной публики: тутъ были солдаты, матросы, наши крестьяне, два-три торговца, около полдюжины женщинъ, китайцы и корейцы. Весь этотъ людъ двигался въ довольно тѣсномъ вагонѣ 3-го класса, разговаривалъ между собою, хохоталъ и шумѣлъ, укладывая свои узелки и мѣшки... Наконецъ всѣ угомонились, заняли свои мѣста и пріумолкли, ожидая отхода поѣзда.

Наконецъ онъ двинулся и мы простились съ Владивостокомъ, впрочемъ, не надолго.

Я не отрываю глазъ отъ окна вагона, по обѣимъ сторонамъ котораго потянулись картины, не лишенныя своеобразной прелести. Мы мчимся по берегу Амурскаго залива... Противоположный берегъ его окаймляютъ высокія горы, покрытыя сплошными лѣсами и подернутыя синевой. По другую сторону желѣзной дороги—тоже горы. Мѣстами они почти вплоть подходятъ къ берегу Амурскаго залива и мы мчимся по выемкѣ, на нѣсколько саженъ выше надъ уровнемъ залива. Мѣстами эти горы отступаютъ на полверсты и болѣе, и мы пересѣкаемъ ложбину по насыпи, или оврагъ по мосту... И вершины этихъ горъ, и склоны ихъ покрыты лѣсомъ. Послѣдній—мѣшанный. Тутъ и дубъ, и кедръ, и бархатное дерево, и орѣхъ, и ильма, и кленъ, и черная береза, и акація. Всѣ эти высокоствольныя,

малоствольныя и малорослыя деревья обвиваетъ виноградъ и другія вьющіяся растенія; переходя съ одного дерева на другое, съ другого на третье и т. д. они играютъ роль связывающаго звена... И этотъ лѣсъ мнѣ кажется органической живой тканью и однимъ цѣлымъ. Но внимательно вглядываясь въ эту живую ткань, не безъ сожалѣнія вижу во многихъ мѣстахъ ея бреши. Это прогалины и небольшія площадки, заваленныя и почернѣвшими, и еще свѣжими вѣтвями и верхушками деревьевъ. Пройдетъ еще десятилѣтіе, и отъ этого лѣса, отъ этого богатства нашего края, останутся одни только пни.

Поселенія попадаются весьма рѣдко По всему восточному побережью Амурскаго залива я замѣтилъ двѣ бѣдныя деревеньки... Жители ихъ занимаются частью скотоводствомъ, частью огородничествомъ и рыболовствомъ ..

Въ 5 часовъ вечера мы прибыли на Угловую, гдѣ и высадились. Тутъ уже поджидалъ насъ манза съ двумя осѣдланными лошадьми. Уложивъ свои сумы поверхъ сѣделъ, мы усѣлись на лошадей и, въ сопровожденіи манзы, тоже на лошади, отправились далѣе. Сначала мы ѣхали около желѣзнодорожнаго полотна. Потомъ поднялись на гору и очутились въ лѣсу. Лѣсъ былъ довольно рѣдокъ. Отчасти желѣзнодорожные подрядчики, отчасти жители ближайшихъ поселеній изрядно поуничтожили его. Повсюду валялись гніющіе громадные стволы, вѣтви и вершины деревьевъ. Кое гдѣ еще свѣжія груды ихъ лежали поперекъ тропинки, преграждая намъ путь. Объѣзжать этотъ валежникъ было весьма затруднительно и мы подвигались впередъ медленно. Между тѣмъ солнце закатилось и наступили сумерки. Мы пріударили лошадей, чтобы доѣхать до ночлега ранѣе наступленія ночи и, наконецъ, когда

уже начала потухать вечерняя заря, мы наткнулись на частоколъ, за которымъ виднѣлась фанза и блестѣлъ огонекъ. У отворенныхъ воротъ ограды насъ поджидалъ хозяинъ фанзы Чау-фу и его работникъ. Не смотря на кратковременную поѣздку верхомъ, я всетаки утомился, а потому, поужинавъ взятыми мною консервами, я поспѣшилъ улечься спать, накрывшись пледомъ и положивъ въ изголовье свои сумы. Но заснуть мнѣ не удалось, не спалось и Чи-фу-са'ю.

Въ подобныхъ случаяхъ китайцы разсказываютъ другъ другу сказки или бывальщины. Мой спутникъ не забылъ этого обычая своей страны и разсказалъ мнѣ про одного хунхуза. Года полтора тому назадъ послѣдній свирѣпствовалъ въ западной части Китая. Преслѣдуемый властями, онъ бѣжалъ на востокъ и скрылся отъ преслѣдованія своихъ враговъ во Владивостокъ. Здѣсь онъ былъ укрытъ однимъ японцемъ (исторія эта происходила въ концѣ китайско-японской войны). Однако ему не долго пришлось прятаться. Прибывшіе изъ Японіи японцы-„охотники“ наняли его проводникомъ, какъ знатока всѣхъ тропинокъ и укромныхъ мѣстечекъ уссурійской тайги. Долго онъ водилъ ихъ по нашимъ дебрямъ. Дошли даже до низовья Амура. Отсюда они повернули на побережье Татарскаго пролива. Здѣсь, въ одной крошечной, но удобной гавани, ихъ поджидала японская рыболовная яхта. Прежде чѣмъ покинуть материкъ, японцы разсчитали своего проводника и, взявъ съ него слово никому не говорить о ихъ странствованіяхъ по нашимъ дебрямъ, уплыли... Хунхузъ, заработавъ полсотни долларовъ, построилъ здѣсь фанзу и изъ разбойника превратился въ мирнаго звѣролова.

Но онъ не сдержалъ своего слова о сохраненіи въ тайнѣ странствованій по Сихота-Алиню японцевъ и раз-

болталъ объ этомъ своимъ друзьямъ, а послѣдніе разсказали это своимъ... Но какъ узналъ объ этомъ мой спутникъ? задалъ себѣ я вопросъ, когда Чи-фу-са'й окончилъ свой разсказъ о приключеніяхъ хунхуза. Неужели онъ... Да не хунхузъ-ли хозяинъ этой фанзы? Не онъ-ли былъ проводникомъ?

При этой мысли невольный страхъ закрался въ мое сердце и, чтобы какъ-нибудь разсѣять свое тревожное настроеніе, я попросилъ Чи-фу-са'я разъяснить мнѣ значеніе слова „хун-хузъ".

— Слово „хунхузъ" по русски — „красная борода", отвѣчалъ мнѣ Чи-фу-са'й.

Я невольно задумался надъ этимъ объясненіемъ. Что это за люди съ „красными бородами"?...

У китайцевъ не могло быть этого внѣшняго признака. У сосѣднихъ съ Китаемъ народовъ монгольской расы—тоже. Исключеніе составляютъ только наши русскіе, разные искатели приключеній и легкой наживы, да англійскіе авантюристы (тѣ и другіе съ свѣтлорусыми и рыжими бородами), въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ свирѣпствовавшіе на обширной границѣ Китая, отнимая у него область за областью и уничтожая сотни сыновъ его. Въ теченіе этихъ лѣтъ выраженіе „красная борода" въ приложеніи къ „лихому" иноземцу становится общеупотребительнымъ, а затѣмъ начинаетъ примѣняться китайцами не къ однимъ иноземнымъ, но и къ своимъ, китайскимъ разбойникамъ.

Такъ старался я объяснить себѣ происхожденіе слова „хунхузъ", но какъ я не предавался этимъ размышленіямъ, а отдѣлаться отъ страха никакъ не могъ. Поминутно чудилось мнѣ, что Чау-фу ползетъ ко мнѣ. Въ подобныя мгновенія я съ ужасомъ вскакивалъ, дрожащими руками хваталъ спички и зажигалъ огонь. Пламя спички на минуту освѣщало фанзу. Убѣдившись, что Чау-фу мирно храпитъ въ другой половинѣ фанзы, я снова ложился, стараясь заснуть. Но сонъ не смыкалъ моихъ очей... Снова слышу шорохъ... Опять вскакиваю и хватаю спички... Такъ прошла ночь. Впродолженіи этихъ длинныхъ мучительныхъ часовъ я ни минуты не сомкнулъ глазъ. Не спалось и Чи-фу-саю...

Глава XIV.

Дворъ и огородъ Чау-фу. Разведеніе джень-шеня. Мнѣніе китайскихъ мудрецовъ и врачевателей о вліяніи джень-шеня на человѣка. Китайская фанза и ея внутренняя обстановка. Коммерческія отношенія китайскаго купца къ его кліентамъ.

7 марта. Мои пустые страхи и чрезвычайно удушливый и зловонный воздухъ фанзы вынудили меня вскочить съ постели въ 3—4 часа. Поспѣшно одѣвшись, я выбѣжалъ изъ фанзы на вольный воздухъ. Утренняя заря только появилась, тѣмъ не менѣе было уже довольно свѣтло. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это чистота: весь обширный дворъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Въ углу двора—молельня въ видѣ крошечной будочки; около фанзы маленькій дворикъ для домашнихъ животныхъ. Дворикъ этотъ перегороженъ на нѣсколько клѣтушекъ и тщательно закрытъ съ верху и съ боковъ. Въ одной клѣтушкѣ пара откормленныхъ свиней, въ другой пара быковъ, а въ третьей собака. Обойдя фанзу, я направился было въ глубь двора, но мнѣ пришлось остановиться: дворъ былъ перегороженъ на двѣ половины. Первая, съ фанзою, составляла не болѣе трети второй. Послѣдняя представляетъ двѣ почти равныя покатости, обращенныя другъ отъ друга одна къ югу, другая къ сѣверу. На первой садятъ овощи, а на послѣд-

ней джень-шень. Городьбу огорода окаймляетъ высокая 4-хъ—6-ти саженная стѣна дремучаго лѣса, защищающаго отъ солнечныхъ лучей растущій въ огородѣ джень-шень. Это растеніе не любитъ лучей дневного свѣтила. Оно и въ дикомъ состояніи растетъ въ глухихъ и тѣнистыхъ мѣстахъ лѣсовъ Уссурійскаго края, въ подобныхъ же мѣстахъ разводится китайцами и въ огородахъ. Разведеніе его въ послѣднее время увеличилось, такъ какъ дикорастущаго джень-шеня значительно поубавилось. Благодаря большому спросу на него, всѣ инородцы края энергично добывали и продолжаютъ добывать это цѣнное для китайцевъ растеніе. Въ 70-ые годы за фунтъ дикорастущаго джень-шеня китайцы давали отъ 85 до 150 руб. Нынѣ же за фунтъ его даютъ нѣсколько сотъ руб. Что касается до разводимаго, то въ 70-ые годы давали за фунтъ его отъ 6 до 12 руб. Нынѣ же, благодаря большому наплыву его на рынкѣ, цѣна его значительно понизилась. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Чи-фу-са'я и др. китайскихъ торговцевъ, разводить его все-таки выгодно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторымъ китайцамъ удается продавать домашній джень-шень за дикорастущій. Разведеніе его требуетъ первоначально большихъ хлопотъ. Первое и самое главное, это - чтобы мѣсто разсадки его было въ тѣни. Если нельзя воспользоваться естественной защитой, лѣсомъ, напримѣръ, какъ Чау-фу, то дѣлаютъ навѣсъ; кромѣ того, мѣсто это должно быть защищено и отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Второе не менѣе важное условіе, — это почва. Она должна быть исключительно черноземная, мелкая и рыхлая. Чтобы приготовить такую почву, китаецъ-фермеръ обыкновенно натаскиваетъ черноземъ осенью изъ лѣса. При наступленіи весны онъ тщательно просѣиваетъ его и сыплетъ на гряды

толстымъ слоемъ, затѣмъ, тщательно сравнявъ поверхность грядъ, садитъ джень-шень. Предпочитаютъ садить его корнями, а за неимѣніемъ послѣднихъ сѣютъ сѣмена. Снѣгу это растеніе не боится, напротивъ, онъ предохраняетъ его отъ морозовъ, нерѣдкихъ въ этомъ краѣ. Если снѣгу нанесло мало, то китаецъ набрасываетъ его, стараясь, чтобы на гряду падали одни мелкія снѣжинки. Года чрезъ три-четыре корни достигаютъ желаемой величины и качества. Тогда ихъ выкапываютъ, очищаютъ и варятъ въ водѣ, а затѣмъ сушатъ, послѣ чего джень-шень уже поступаетъ въ продажу. По мнѣнію китайскихъ мудрецовъ и медиковъ, корень джень-шеня единственное радикальное средство отъ многихъ болѣзней. Такъ, напримѣръ, разслабленному и изнуренному— джень-шень дастъ—крѣпость и мощь; малокровному, или одержимому блѣдной немочью—обиліе крови; одержимому половымъ безсиліемъ придаетъ желаемую энергію и мощь и т. д.

Осмотрѣвъ огородъ, я возвратился къ фанзѣ. Вышедшій оттуда Чи-фу-сай познакомилъ меня съ устройствомъ ея. Строится китайская фанза также, какъ и корейская, о которой я уже говорилъ: сначала ставятся столбы, дѣлается плетень, который обмазываютъ глиною съ обѣихъ сторонъ. Крыша у китайской фанзы высокая, на два ската. Кромѣ устройства крыши, китайская фанза отличается отъ корейской слѣдующимъ. У первой, на солнечную сторону, два три окна заклеенныя бумагою, пропитанной масломъ; внутри фанзы—лавки изъ плетня, обмазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною; на лавкахъ соломенные коврики, а у состоятельныхъ—кошмы. Очагъ устраивается не въ ямѣ, какъ у корейцевъ, а на глиняномъ или кирпичномъ фундаментѣ. Когда очагъ не топится, то

его закрываютъ желѣзнымъ котломъ. Для прохожденія дыма устроены трубы подъ лавками. Внѣ фанзы устроенъ такой же дымопроводъ, какъ и у корейцевъ. У состоятельныхъ въ фанзѣ полъ, но потолка нѣтъ даже и у нихъ. Подъ крышей проведены веревки, на которыхъ развѣшиваютъ обувь и платье для просушки и овощи. Въ послѣднее время у состоятельныхъ китайцевъ введены въ фанзахъ нѣкоторыя измѣненія. Такъ, напримѣръ, вмѣсто бумаги вмазываются въ оконныя рамы стекла, а въ зимнее время ставятся наши чугунныя или желѣзныя печи.

Ознакомившись съ постройкою китайскаго жилища, я вошелъ въ фанзу. Мой спутникъ и хозяинъ фанзы, Чау-фу, завтракали, выпивъ предварительно по небольшой чашечкѣ ханшина. Завтракъ ихъ состоялъ изъ свинины и вареннаго риса съ какими-то плодами. Послѣ завтрака былъ поданъ чай. Напившись чаю, они оба усѣлись у жаровни съ горящими угольями. Затягиваясь дымомъ изъ своихъ мѣдныхъ трубокъ съ мѣдными же длинными чубуками, они безумолчно болтали. Изрѣдка одинъ изъ нихъ бралъ маленькіе счеты и производилъ на нихъ какія-то вычисленія. Повидимому, они разсчитывались за джень-шень, который ежегодно скупался у Чау-фу и другихъ Чи-фуса'емъ. За поставку этого корня платится обыкновенно товаромъ. А звѣроловъ и фермеръ, получивъ отъ купца товаръ, отпускаютъ въ свою очередь его своимъ кліентамъ: ороченамъ, гольдамъ и другимъ инородцамъ, которые обязуются за это доставить къ назначенному сроку условленное количество своей добычи (мѣха, панты, дикорастущій джень-шень, дубовые грибки).

Такимъ образомъ мелкіе поставщики (орочены, гольды и др.) находятся въ пожизненной кабалѣ у таkихъ китайцевъ, какъ звѣроловъ и фермеръ; послѣдніе—въ кабалѣ у купцовъ; купцы же у богатыхъ китайскихъ торговыхъ фирмъ Шанхая и другихъ большихъ городовъ Китая.

Весь день мы пробыли у Чау-фу, а когда наступилъ вечеръ, мы не рѣшились ночью продолжать свое путешествіе и, по просьбѣ Чау-фу, остались у него ночевать.

Глава XV.

Наше дальнѣйшее путешествіе. Фанза звѣролова Ган-тфу. Его промыселъ. Прибытіе къ Уссурійскому заливу.

8 марта. Проснулся я съ сильной головной болью. Ночь провелъ я отвратительно, такъ какъ задыхался отъ зловонія и спертаго удушливаго воздуха фанзы. Рано утромъ, когда былъ затопленъ очагъ, къ зловонію прибавился еще дымъ. Неудивительно поэтому, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣта. Едва появилась на востокѣ тонкая полоска утренней зари, какъ я былъ уже на ногахъ и ходилъ по двору... Спустя часа два-три мы выѣхали далѣе. Ѣхали тропинкой по горамъ, между двумя высокими стѣнами дремучаго лѣса. Деревья были еще голы, за исключеніемъ, конечно, хвойныхъ породъ.

Къ 3-мъ часамъ дня мы прибыли въ одинокую фанзу среди дремучаго лѣса. Кругомъ ея точно такая же городьба, какъ и у Чау-фу, только изъ высокихъ и довольно толстыхъ полубревенъ.

Фанза небольшая, безъ пола, довольно бѣдная. Хозяинъ ея Ган-тфу, звѣроловъ и собиратель дубовыхъ грибковъ, встрѣтилъ моего спутника съ глубокимъ поклономъ. Когда мы вошли въ его жилище, то встрѣтили здѣсь около десятка китайцевъ. Одни изъ нихъ играли въ карты, другіе слѣдили за игрой. Это про-

мысловые рабочіе и бродяги. Весной и лѣтомъ они добываютъ морскую капусту и трепанговъ. При наступленіи холоднаго времени года, одни изъ нихъ уходятъ въ Китай, другіе же зимуютъ у своихъ земляковъ, живущихъ по Сучану и въ лѣсныхъ фанзахъ, проигрывая и пропивая свой лѣтній заработокъ. Оглядѣвъ эту компанію, Чи-фу-сай задумался. Повидимому, онъ боялся своихъ соотечественниковъ-авантюристовъ. Дѣйствительно, люди эти могутъ и ограбить, и убить. Я вполнѣ раздѣлялъ опасенія Чи-фу-сая, по этому, наскоро выпивъ по чашкѣ чаю, мы сѣли на лошадей и отправились далѣе. Нѣсколько верстъ сопровождалъ насъ и Ган-тфу. Отъѣхавъ отъ фанзы полверсты, оба китайца слѣзли съ лошадей и, закуривъ свои трубки, принялись разсчитываться.

Зная значеніе нѣсколькихъ китайскихъ словъ (наименованіе дичи, имена числительныя, деньги, много, мало, хорошо, товаръ и т. д.), я немного понималъ ихъ бесѣду. Чи-фу-сай высчитывалъ, сколько получилъ онъ отъ Ган-тфу дорогихъ мѣховъ, пантовъ и грибковъ и на какую сумму. Исключивъ послѣднюю изъ суммы долга Ган-тфу, Чи-фу-сай сказалъ своему собесѣднику, что за нимъ остается стараго долга всетаки на большую сумму. „Почему ты не уплатилъ весь долгъ, по уговору“? закончилъ Чи-фу-сай. Гантфу повѣсилъ носъ.

„Мои должники мало доставили мнѣ товара. И мой ловъ былъ нынѣ плохой“—оправдывался бѣдняга-звѣроловъ.

Долго они разговаривали на эту тему. Повидимому, Ган-тфу жутко приходилось... Наконецъ, Чи-фу-сай смилостивился надъ нимъ: онъ обѣщалъ отпустить товаръ Ган-тфу по возвращеніи изъ этой поѣздки, а пока далъ ему нѣсколько монетъ. Тотъ обрадовался

и сталъ кланяться ему въ ноги... Успокоившись, Гантфу спряталъ деньги и пригласилъ насъ посмотрѣть съ нимъ его звѣроловныя ямы. Заинтересовавшись этими ямами, мы согласились слѣдовать за нимъ и углубились въ лѣсъ, благо, что онъ былъ не особенно густъ.

Китаецъ-звѣроловъ охотится не съ ружьемъ, а предпочитаетъ ловить дичь ямами. Его звѣроловная яма имѣетъ 4-хъ угольную форму. Сверху она немного узка. Чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ она шире. Глубина ея не превышаетъ 2 саж., а ширина на днѣ—одной квадр. сажени. Сверху она закрывается хворостомъ и забрасывается листьями деревьевъ и травой. Чтобы труднѣе было отличить ее отъ окружающей лѣсной почвы, нѣкоторые звѣроловы кладутъ на хворостъ дернъ.

Прежде чѣмъ рыть яму, звѣроловъ выслѣживаетъ путь звѣря на водопой, на солонцы и т. д. Если мѣсто выбрано удачно, то и ловъ будетъ хорошій. Изъ всѣхъ звѣрей, звѣролову особенно пріятно, если въ яму его попадаетъ изюбрь или олень. Въ такихъ случаяхъ онъ бѣжитъ въ свою молельню и, поблагодаривъ свего идола за посланную добычу, созываетъ своихъ домашнихъ (работника, если онъ есть у него, или временныхъ жильцовъ) и вмѣстѣ съ ними бережно *) вытаскиваютъ звѣря изъ ямы и ведутъ его къ себѣ. Около фанзы тотчасъ же устраиваютъ дворикъ, куда и помѣщаютъ добычу. Съ этого времени главная забота звѣролова и его домашнихъ обращена на живого звѣря. Для послѣдняго ежедневно собирается трава, которую любитъ ѣсть изюбрь или олень. Для питья дается ему чистая вода. Подстилка въ его

*) Чтобъ не сломать ему рога, въ которыхъ вся суть для звѣролова-китайца.

дворикѣ ежедневно мѣняется. Какъ только старые рога отпадутъ и покажутся новые, звѣря убиваютъ, мясо и молодые рога (панты) везутъ въ городъ къ къ купцу благодѣтелю, въ уплату долга. Если звѣря въ послѣднее время содержали хорошо, то и его молодые рога будутъ лучше и стоятъ дорого, нѣсколько сотъ рублей. Такіе звѣроловы встрѣчаются во всѣхъ лѣсахъ Уссурійскаго края. Чѣмъ неприступнѣе лѣсъ, тѣмъ больше доставляетъ онъ добычи звѣролову.

Другой промыселъ звѣролова—это собираніе дубовыхъ грибовъ. Зная запрещеніе нашего начальства истреблять дубы, китайцы идутъ въ такія лѣсныя дебри, куда русскіе еще и не заглядывали. А такихъ мѣстъ въ краѣ еще множество, такъ какъ сельскимъ и городскимъ населеніемъ и охотниками обыкновенно посѣщаются только ближайшіе къ населенному пункту лѣса. „Углубляться дальше мы боимся", говорятъ они: „Тамъ и тигры, и хунхузы". Китаецъ, подмѣтивъ трусость нашего населенія, пользуется каждымъ случаемъ, чтобы поддержать въ немъ страхъ къ этимъ лѣсамъ. Для этого онъ не прочь разсказать и о тиграхъ, будто бы обитающихъ въ большомъ количествѣ въ уссурійскихъ лѣсахъ, и о хунхузахъ, бродящихъ по тропинкамъ лѣсовъ. Настращавъ своихъ соперниковъ и выбравъ отдаленный пунктъ лѣса, китаецъ рубитъ тамъ нѣсколько дубовъ, ставитъ на нихъ свои мѣтки и уходитъ. Черезъ нѣкоторое время онъ посѣщаетъ павшихъ великановъ и собираетъ наросшіе на стволѣ дуба грибки. Такіе сборы происходятъ нѣсколько разъ. Послѣ этого онъ испилитъ дерево на дрова и свезетъ ихъ къ себѣ, такъ что отъ дуба не остается и слѣда.

Осмотрѣвъ нѣсколько ямъ, мы распрощались съ Ган-тфу, пожелавъ ему поймать изюбря или оленя.

Путь нашъ шелъ внизъ, въ долину. По мѣрѣ того, какъ мы спускались съ горы, лѣсъ болѣе и болѣе рѣдѣлъ, такъ что къ 5 часамъ вечера мы уже совсѣмъ выѣхали изъ него, спустившись въ долину. Проѣхавъ верстъ 7 по долинѣ, мы свернули въ ущелье, среди котораго извивалась быстрая рѣчушка, окаймленная густымъ лѣсомъ. Выѣхавъ изъ ущелья и изъ лѣса, я былъ изумленъ видомъ представившейся моему взору картины: предъ нами были воды уссурійскаго залива. Противоположный берегъ его не былъ видѣнъ и горизонтъ какъ бы сливался съ водами залива. Къ сожалѣнію, любоваться картиною было некогда: солнце закатывалось Обогнувъ утесъ, мы увидѣли двѣ—три фанзы около самаго берега залива. Противъ фанзъ множество лодокъ. Около нихъ копошились китайцы и манчжуры-рабочіе. У одной фанзы, которая была побольше и получше остальныхъ, насъ встрѣтилъ жирный китаецъ, временный хозяинъ фанзы и подрядчикъ по ловлѣ морской добычи.

Черезъ часъ я уже спалъ въ его фанзѣ на лавкѣ, на разостланной кошмѣ и ни зловоніе, ни удушливый спертый воздухъ этого жилища не мѣшали моему сну.

Глава XVI.

Какъ проводилъ я время на берегу Уссурійскаго залива. Китайцы и манчжуры—рабочіе. Эксплоатація ихъ подрядчикомъ. Мой пріятель—рабочій маньчжуръ. Значеніе паспорта для китайцевъ. Съ паспортомъ горе, а безъ паспорта вдвое.

14 марта. Прошло шесть дней, какъ я не заглядывалъ въ свой дневникъ. Всѣ эти дни я велъ и теперь веду жизнь номада. Благодаря теплымъ, солнечнымъ днямъ, я все время провожу или на берегу залива, или на горѣ противъ деревеньки.

Встаю обыкновенно на зарѣ, умываюсь холодной водой шумной рѣчки, зачерпываю воду въ свой котелокъ и поднимаюсь на гору, гдѣ раскладываю огонекъ, чтобы сварить себѣ чаю. Пока мой костеръ разгорается и варится чай въ котелкѣ, я любуюсь утренней зарей и восходомъ солнца. Но, вотъ, чай сварился и я наслаждаюсь чаепитіемъ, любуясь прекраснымъ видомъ разстилающагося предо мною какъ бы безбрежнаго моря. Черезъ полчаса котелокъ пустъ, порція сухарей препровождена въ надлежащее мѣсто, я спускаюсь съ горы, сажусь среди рабочихъ манчжуръ и, или вступаю съ ними въ бесѣду черезъ посредство мимики и односложныхъ звуковъ, или слушаю ихъ. Хотя весь этотъ людъ бесѣдуетъ на своемъ языкѣ, но, по нѣкоторымъ уже извѣстнымъ мнѣ словамъ, я понимаю ихъ немного. Главная тема ихъ бесѣдъ—заработокъ. Они недовольны платою, за которую подрядились добывать трепанговъ и морскую капусту. Нанявъ ихъ исключительно для ловли этой добычи, подрядчикъ заставилъ ихъ починять и конопатить лодки и исправлять шесты. Починка и исправленіе потребуетъ не мало времени и трудовъ. Подрядчикъ говорилъ имъ: „эта починка и исправленіе входитъ въ рабочее платное время“. Но, вѣдь они были наняты исключительно для ловли морской добычи. За что же они поправляютъ лодки? Но просить добавочной платы они не рѣшаются, такъ какъ подрядчикъ все равно не дастъ да еще пожалуется китайскому ноену, а тотъ не любитъ шутить. За сколько они подряжались, —узнать мнѣ сначала не удалось. Далѣе пріятель мой манчжуръ не понимаетъ моего вопроса объ этомъ предметѣ. Мало того: ни подрядчикъ, ни мой спутникъ не отвѣтили мнѣ на мои вопросы объ этомъ. Долго не могъ я понять причину этой таинственности. Наконецъ, мнѣ объяснилъ ее мой ученикъ Чи-фу-сай. Дѣло въ томъ, что въ Китаѣ каждая сдѣлка въ торгово-промышленной сферѣ требуетъ мзды ноенамъ и крупнымъ, и мелкимъ. Неудивительно, что и въ нашемъ краѣ китайцы подозрѣваютъ поползновеніе со стороны чиновниковъ поживиться на ихъ счетъ (хотя этихъ поползновеній, быть можетъ, и нѣтъ), и потому держатъ въ тайнѣ все то, что касается ихъ торговой сдѣлки.

Пока я слушалъ и бесѣдовалъ съ рабочими, подошло время обѣда. Рабочіе ушли готовить обѣдъ для себя. Иду и я на свою гору для этого же. Живущіе вблизи звѣроловы и рыболовы ежедневно приносятъ сюда свою добычу на продажу. Благодаря имъ, я имѣю къ обѣду ежедневно свѣжинку. Послѣ обѣда прогуливаюсь по берегу залива, а иногда катаюсь по морю. Въ 6 часовъ возвращаюсь на свою гору, раскладываю тамъ огонекъ и варю себѣ чай. Послѣ чая захожу къ подрядчику и своему спутнику.

Оба они обыкновенно проводятъ время исключительно вмѣстѣ въ фанзѣ. Они безумолчно бесѣдуютъ, не выпуская изо рта трубокъ и попивая свою водку крошечными чашечками (немного больше наперстка) и съ продолжительными промежутками.

Благодаря этому, до зеленаго змія не напиваются, а поддерживаютъ лишь жизнерадостное настроеніе. Повидимому, они жизнерадостны и не отъ одной водки. Заключенная ими сдѣлка о заготовленіи для торговыхъ фирмъ трепанговъ и морской капусты для обоихъ весьма выгодна: и тотъ, и другой получатъ крупные барыши. Въ накладѣ останутся только одни рабочіе.

При наступленіи вечера я беру кошму, пледъ, сумы и укладываюсь спать въ лодкѣ. Недалеко отъ меня и пріятель мой манчжуръ. Онъ еще молодой человѣкъ,

лѣтъ 25. Онъ дикарь въ полномъ смыслѣ этого слова: дикарь по наружности, по степени своего умственнаго развитія и по вѣрованіямъ. За то сердце у него не дикаря. Онъ беззавѣтно преданъ своей семьѣ, состоящей изъ стариковъ-родителей, его жены и двухъ малютокъ. Послѣднихъ, т. е. свою жену и дѣтей, онъ любитъ до безумія. Однажды я бросилъ коробку изъ подъ папиросъ. Мой пріятель поднялъ ее, бережно стеръ пыль, подобралъ съ земли бумагу, тоже брошенную мною, и, завернувъ въ нее коробку, положилъ послѣднюю въ карманъ своей куртки. На мой вопросъ, для чего ему она, онъ отвѣтилъ, ухмыляясь: „Моя мала людя есть". Другой разъ, къ мѣсту, гдѣ онъ работалъ, подошла женщина съ ребенкомъ, жена одного изъ живущихъ здѣсь китайцевъ (ороченка). Мой манчжуръ бросилъ работу и, ухмыляясь, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на малютку. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ, поднимая къ верху два пальца: „моя така есть". Родина его—въ одной изъ деревень въ верховьяхъ Сунгари, гдѣ и нынѣ живетъ его семья. На мой вопросъ, чѣмъ занимаются и на что живутъ его домашніе, онъ поднялъ свои мускулистыя руки и сказалъ: „Вотъ... мало-мало моя работай". „Твоя работай у насъ много, деньги приноси домой много", говорю я, желая вызвать его на откровенность. Но, въ отвѣтъ получаю только пять словъ: „Работай много, деньги шибко мало"... Другой разъ, лежа въ лодкѣ, я бесѣдовалъ съ нимъ по поводу слуховъ о появившихся въ Южно-Уссурійскомъ краѣ хунхузахъ. „Бумага нѣтъ—хунхуза есть, голова сѣки; получи бумага—деньги давай: твоя ноенъ, китайска ноенъ,— сказалъ манчжуръ.

Въ переводѣ на общепонятную рѣчь это значитъ слѣдующее. У кого не оказывается паспорта, того забираютъ, подозрѣвая что онъ хунхузъ; всѣхъ безпаспортныхъ русское начальство выдаетъ китайскимъ ноенамъ, послѣдніе же не церемонятся съ ними и, безъ всякаго разслѣдованія, казнятъ. Получить же паспортъ для бѣдняковъ—разореніе: не дешево стоитъ подданному китайской имперіи взять на родинѣ заграничный паспортъ, такъ какъ кромѣ весьма крупныхъ, для бѣдняковъ, платежей, поступающихъ въ казну, надо сдѣлать еще подарки ноенамъ... Придетъ китаецъ во Владивостокъ,—опять расходъ: нужно заплатить и казенные сборы, и подарки своимъ старшинамъ поднести нужно. Поэтому, неудивительно, что бѣдняки избѣгаютъ брать паспорты, стараясь попасть на работы на побережье Японскаго моря или въ лѣса нашего края окольными путями. Другіе же стараются пріобрѣсти паспортъ у своихъ земляковъ, возвращающихся на родину. Это обстоятельство порождаетъ слѣдующіе курьезы: предъявляетъ паспортъ какой-нибудь Ну-хи; между тѣмъ въ документѣ значится Са-ту. На вопросъ: „Гдѣ ты взялъ этотъ паспортъ?" Китаецъ отвѣчаетъ: „Ноенъ далъ".—„Только не тебѣ?—„Моя далъ, моя", и т. д.

Глава XVII.

Наша поѣздка къ китайцу-земледѣльцу. Дорожная повинность Хлѣбопашество китайца и его уходъ за полемъ.

20 марта. Ловля трепанговъ и капусты начнется съ 24 марта. Она интересуетъ и меня, и рабочихъ, и подрядчика. Рабочіе станутъ получать плату по количеству добычи, а подрядчикъ по ловлѣ первыхъ дней уже можетъ составить представленіе о томъ, сколько будетъ приблизительно добыто того и другого въ теченіе перваго періода (по 15 іюня). Только

одинъ Чи-фу-сай кажется индифферентно относится къ этому. И въ самомъ дѣлѣ, ему совершенно безразлично: хорошій будетъ ловъ въ первые дни или плохой, такъ какъ подрядчикъ обязательно поставитъ, по уговору, извѣстное количество этой добычи. Если работающей у него партіи будетъ не достаточно, онъ пошлетъ другую куда-нибудь на побережье. Покончивъ съ подрядчикомъ относительно этихъ условій, Чи-фу-сай, мнѣ кажется, сталъ избѣгать его общества. Теперь онъ проводитъ время вмѣстѣ со мной. Гуляя по берегу залива, мы обыкновенно бесѣдуемъ. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, мы задумали съѣздить въ ближайшую китайскую деревеньку, населенную исключительно китайцами-земледѣльцами. Планъ этотъ былъ такъ пріятенъ мнѣ, что я настоялъ привести его въ исполненіе на слѣдующій день. Поднявшись на другой день по обыкновенію рано утромъ, мы выбрали лодку, наняли искусныхъ и сильныхъ гребцовъ и, плотно позавтракавъ, отправились въ путь. Плыли къ сѣверу, вблизи самаго берега. Погода была тихая. Солнце съ безоблачнаго неба, не смотря на первый весенній мѣсяцъ, изрядно жгло. Море казалось неподвижнымъ. Оно какъ бы застыло. Только разсѣкаемое лодкой, оно чуть-чуть зыблется. Плыли мы часа четыре—пять. Наконецъ въ половинѣ 1-го лодка, обогнувъ мысъ, покрытый лѣсомъ, направилась къ берегу, на которомъ на первомъ планѣ видны были двѣ фанзы да за ближайшимъ уваломъ нѣсколько. Вдали видна еще фанза... Всѣ онѣ окружены пашнями. Отъ берега моря до ближайшей фанзы не широкая тропа между полями. На поляхъ кое-гдѣ копошились китайцы. Причаливъ къ берегу, мы вышли изъ лодки и направились къ фанзѣ. Завидѣвъ насъ, одинъ изъ китайцевъ покинулъ пашню и подошелъ

къ Чи-фу-саю. Ихъ встрѣча была весьма дружелюбна. Въ обращеніи китайца-земледѣльца не замѣчалось и тѣни подобострастія или угодливости къ Чи-фу-саю, какое проявлялъ къ нему китаецъ-звѣроловъ. Что касается отношеній китайца-земледѣльца ко мнѣ, то онъ держалъ себя какъ то странно. Разговаривая съ Чи-фу-саемъ, онъ одновременно косился на меня. Взглядъ его былъ враждебный и злой; при моемъ приближеніи къ нему, онъ ежился, быстро отбѣгая въ сторону. Мнѣ казалось это весьма страннымъ, такъ какъ я совершенно не помню, чтобы гдѣ-нибудь встрѣчался съ нимъ.—„Какое нибудь недоразумѣніе, принимаетъ меня за другого!"—рѣшилъ я. Когда мы подошли къ его жилищу, то я отсталъ отъ нихъ, чтобы осмотрѣть дворики и фанзу, на что мнѣ потребовалось нѣсколько минутъ. Послѣ осмотра построекъ, я вошелъ въ фанзу. Хозяинъ ея встрѣтилъ меня по прежнему косымъ взглядомъ, но не ежился и не отбѣгалъ при моемъ приближеніи къ нему. Напротивъ, когда я вошелъ, онъ нагло толкнулъ меня. „Руска худа есть человѣкъ! крикнулъ онъ раздражительно." Какъ такъ? съ недоумѣніемъ спросилъ я. „Шибко худа есть руска ноенъ! Твое руска шибко обижай Китай—вотъ что!"—еще громче крикнулъ онъ, съ презрѣніемъ отвертываясь отъ меня. „Да въ чемъ дѣло!? крикнулъ я въ свою очередь, схвативъ его за плечо и повернувъ лицомъ къ себѣ. „Руска ноенъ много денга моя проси, говори дорога ладь. А пошто моя посылай дорога ладь? Моя работай надо, шибко работай, хлѣбъ сѣй; денга сѣмена купи моя нѣтъ. Твоя ноенъ говори, продай быка—дорога плати, самъ иди дорога ладь. Хлѣбъ моя не сѣй, огорода не сади—пропадай есть. А пошто руска хрестанъ не проси денга дорогу ладь? Пошто не посылай ихъ до-

рога ладь? Хе! Твоя ноенъ шибко худа есть людя. Пошто обижай? Моя въ городѣ былъ, жалобился. Твоя ноенъ билъ меня, сильно билъ. Зачѣмъ обижай? Теперь боли есть!" выкрикивалъ китаецъ со слезами на глазахъ, закрывая ладонями рукъ свои опухшія, красныя щеки. Въ переводѣ на общепонятную рѣчь это слѣдующее: „русскій чиновникъ проситъ съ меня много денегъ на дорогу, кромѣ того велитъ и самому идти исправлять дорогу. А мнѣ работать надо дома, самое горячее время теперь—пахать и сѣять хлѣбъ и овощи садить. На сѣмена денегъ нѣтъ. Русскій чиновникъ велитъ продать быка, а вырученными деньгами уплатить дорожную повинность да самому идти на исправленіе. Въ такомъ случаѣ ни хлѣба сѣять, ни овощи садить мнѣ ужъ нельзя. Чѣмъ я жить стану? Прямо голодная смерть. Почему съ русскихъ крестьянъ не требуютъ деньги на дорогу? Почему не посылаютъ ихъ на исправленіе дорогъ? Я былъ въ городѣ и жаловался чиновнику, но онъ избилъ меня. Въ главѣ одиннадцатой, отъ 29 января, я уже писалъ о распоряженіи областнаго начальства, чтобы китайцы и корейцы ежегодно платили за исправленіе старыхъ дорогъ и на проведеніе новыхъ, да кромѣ того наряжали отъ себя на это рабочихъ со своимъ содержаніемъ, инструментами, и платили бы имъ жалованье за время работъ; если не хотятъ наряжать рабочихъ, то должны сами ходить на дорожныя работы съ мая по октябрь. По моимъ распросамъ, оказалось, что этотъ китаецъ поселился здѣсь два года тому назадъ и, не смотря на требованіе, дорожную повинность еще не платилъ и рабочаго не посылалъ, ссылаясь на недостатки... Чтобы успокоить его, я далъ ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, чему китаецъ очень обрадовался и моментально перемѣнилъ свое отношеніе ко мнѣ на болѣе дружелюбное.

Часа черезъ два—три мы отправились осматривать поле. Чи-чанъ (такъ звали земледѣльца-китайца) былъ необыкновенно любезенъ со мной. Онъ водилъ меня по всѣмъ своимъ полямъ, толковалъ, какъ онъ обрабатываетъ ихъ, удобряетъ, поливаетъ и чиститъ отъ сорной травы.

Китайское поле имѣетъ оригинальный видъ. Оно кажется приготовленнымъ для посадки овощей, такъ какъ состоитъ изъ низкихъ грядъ, отдѣленныхъ одна отъ другой неглубокими канавами. Послѣднія преимущественно тянутся вдоль покатости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти канавки заграждаются плотинками, для скопленія влаги. Имѣть постоянно воду подъ руками для поливки—наиглавнѣйшая забота китайца въ теченіе всего лѣта. И дѣйствительно, съ средины мая по іюль дожди здѣсь—рѣдкіе гости. Поэтому, надо во что-бы то ни стало задерживать влагу для орошенія полей. И китайцу-земледѣльцу удается это какъ нельзя лучше, во 1-хъ—упомянутыми выше плотинками (если мѣстность покатая), а во 2-хъ—особыми водохранилищами. Хотя плотинка задерживаетъ влагу и въ небольшемъ количествѣ, тѣмъ не менѣе она всетаки способствуетъ увлажненію окружающей почвы и кругомъ такихъ мѣстъ растительность всегда гораздо лучше. Когда влага изъ плотинокъ исчезаетъ, а дождей нѣтъ, земледѣлецъ прибѣгаетъ къ своимъ водохранилищамъ. Они устраиваются имъ кругомъ полей, въ тѣнистыхъ мѣстахъ между деревьями, или посрединѣ полей. Водохранилище это—небольшой колодецъ; сверху размѣръ его около 1½ арш. ширины и длины, глубина же не болѣе сажени. По словамъ Чи-чан'а, его водохранилища наполняются водой до верху еще съ осени, въ дождливое время. Въ теченіе же зимы онъ обыкновенно возитъ сюда, а также въ канавки,

еще и снѣгъ. Благодаря этому, къ іюню всѣ водохранилища у него бываютъ наполнены водою. Чтобы сохранить ее, Чи-чанъ закрываетъ водохранилища чѣмъ попало и какъ можно толще: досками, соломенными ковриками, кошмой и проч. Когда требуется поливка, открывается одно изъ водохранилищъ, ближайшее къ мѣсту поливки, и вода таскается банками изъ подъ керосина. Полить поле, уже покрытое всходами, не представляетъ особенныхъ трудностей, благодаря канавкамъ; воду льютъ подъ корень злака. Такъ какъ поверхность поля уже выровнена, безъ комьевъ и ямокъ, то вода разливается между грядами равномѣрно, не скопляясь нигдѣ. Отъ поливки поля перейдемъ къ посѣву. Порядокъ посѣва тоже своеобразный: на одномъ и томъ же полѣ онъ засѣваетъ то пшеницу, то бобы, то буду, то гречиху, то овесъ. Когда хлѣбъ убранъ, земледѣлецъ начинаетъ удобрять поле для будущаго посѣва. Для этого всѣ нечистоты, отбросы, всю золу изъ очага онъ собираетъ или въ особыя кучи, чтобы въ началѣ весны свезти на поля, или сразу таскаетъ туда, распредѣляя по полю удобреніе ровнымъ слоемъ. Послѣдній способъ болѣе употребителенъ, такъ какъ все удобреніе на поляхъ заносится сверху снѣгомъ, а послѣ таянія его пріобрѣтаетъ влагу.

Послѣ осмотра полей, мы распрощались съ Чичаномъ и поплыли обратно.

Глава XVIII.

Трепанги, ихъ ловля, приготовленіе и продажа. Выгодна ли ловля этой добычи.

24 марта. Сегодня началась ловля трепанговъ и морской капусты. Рано утромъ всѣ рабочіе собрались во дворѣ подрядчика, гдѣ, помолившись предъ изображеніемъ (на бумагѣ) своего божества и выслушавъ

отъ жирнаго китайца какое то назиданіе, они были раздѣлены на двѣ партіи. Одна предназначена для ловли трепанговъ, другая для ловли капусты. Съ первой партіей отправились и мы съ Чифусаемъ. Прежде, чѣмъ говорить, какъ происходитъ ловля, скажу нѣсколько словъ о самыхъ трепангахъ. По наружности —это червякъ внушительныхъ размѣровъ. Около широкой пасти—щупальцы. Они, какъ ногти у кошки, втягиваются животнымъ во внутрь. На нижней части множество ножекъ. На спинѣ и по бокамъ штукъ пять кожистыхъ отростковъ. Однимъ словомъ видъ у него отвратительный. Тѣмъ не менѣе китайцы находятъ, что кушанье изъ трепанговъ одно изъ лакомыхъ. Оригинальная особенность трепанговъ состоитъ въ томъ, что они выбрасываютъ свой кишечникъ, вмѣсто котораго наростаетъ новый. Обитаютъ они въ водахъ залива Петра Великаго на глубинѣ отъ 3 до 12 саж. Питаются маленькими раковинами и червячками. Живутъ обыкновенно группами и не любятъ теплыхъ водъ. Ловятъ ихъ преимущественно двумя способами. При первомъ способѣ употребляется шестъ длиною до 3½ саженъ. Въ нижнюю часть его вдѣлывается металлическое копье съ острымъ наконечникомъ. На наружныхъ боковыхъ сторонахъ этого шеста четыре желобка съ крючками. Предъ употребленіемъ нижняя часть шеста заматывается веревкою. Второй способъ ловли производится посредствомъ драги. Это желѣзная рама съ сѣткою. На одной сторонѣ ея натянута веревка, на которой металлическій кругъ. Къ двумъ угламъ другой стороны рамы прикрѣплена другая веревка, противоположный конецъ которой держитъ ловецъ.

Какъ производится самая ловля трепанговъ, читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго описанія моего путешествія.

Погода великолѣпная, ни облачка на небѣ и ни малѣйшаго вѣтерка въ воздухѣ. Часа черезъ два мы прибыли на мѣсто ловли. Рабочіе уже приступили къ дѣлу. Одни дѣйствовали шестами, другіе драгой. Вотъ китаецъ лежитъ въ лодкѣ, съ шестомъ въ рукѣ. Приплывъ на неглубокое мѣсто, сажени въ 2—3, онъ внимательно всматривается въ глубину. Его необыкновенно острый и опытный взглядъ сразу замѣчаетъ животныхъ. Быстрымъ движеніемъ онъ бросаетъ шестъ въ воду, не выпуская его изъ рукъ. Чрезъ 2—3 секунды онъ вытаскиваетъ добычу и, выбравъ крупную, кладетъ ее въ корзину. Снова бросаетъ онъ свой шестъ и т. д.

Чтобы видѣть какъ ловятся трепанги драгой, мы должны были отплыть отъ ловящихъ шестомъ версты на четыре далѣе. Каждой драгой ловятъ два китайца. Одинъ управляетъ шестами, двигая лодку въ требуемомъ направленіи, другой держитъ драгу, внимательно всматриваясь въ глубину моря. Разыскавъ подходящее мѣсто, онъ безшумно бросаетъ драгу въ воду, держа въ рукахъ конецъ 10 -12-ти саженной веревки. Лодка продолжаетъ плыть впередъ, увлекая и драгу. Послѣдняя движется впередъ по дну на колескѣ. Почувствовавъ, что драга стала тяжелѣе и тащить ее по дну требуется усиліе, ловецъ поднимаетъ драгу, въ которой уже находится нѣсколько трепанговъ. Отправивъ добычу въ корзину, онъ снова опускаетъ на дно драгу...

Въ такую хорошую погоду, какъ сегодня, удается наловить драгой около 150 шт.; шестомъ же ловкій, сильный и опытный ловецъ добываетъ около 200 крупныхъ, на отборъ, трепанговъ.

Чрезъ полчаса послѣ начала ловли наши корзины были уже полны животными. Лодки отправились къ

берегу, гдѣ опростали корзины и ловцы снова отплыли на ловлю. Нѣсколько китайцевъ на берегу тотчасъ же принялись за чистку добычи, у которой какъ и у рыбы, выбрасываютъ обыкновенно всѣ внутренности. Другіе, уложивъ вычищенныхъ трепанговъ въ чугуны, налили туда воды и поставили на огонь варить. Послѣ кипѣнія трепанговъ вынули, охладили и посолили въ особыхъ кадушкахъ. Вечеромъ эти посудины отвезли подрядчику. Черезъ пять—шесть дней посоленыхъ трепанговъ снова сварятъ, но въ ихъ собственномъ разсолѣ. Когда варево вскипитъ 3—5 разъ, его вынутъ, сложатъ въ деревянныя низкія посудины и, посыпавъ угольнымъ порошкомъ, перемѣшаютъ. Затѣмъ, трепанговъ разложатъ на циновки для сушки и уже совершенно просушенныхъ кладутъ въ ящики, закупориваютъ и одновременно съ морской капустой (смотр. слѣдующую главу), по перевѣскѣ, отправятъ въ одинъ изъ китайскихъ портовыхъ городовъ.

На нашемъ побережьи Японскаго моря добывается трепанговъ около 300,000 шт. ежегодно, что составляетъ на вѣсъ около 15000 фунт., или 375 пудовъ, считая по 20 трепанговъ въ фунтѣ. Продаются они по 35—40 коп. за фунтъ. Чтобы высчитать чистый доходъ предпринимателя отъ ловли трепанговъ, надо принять во вниманіе еще слѣдующія цифры. Каждый рабочій у подрядчика Чифусан нанялся за 8 руб. въ мѣсяцъ, на готовомъ содержаніи. На содержаніе рабочаго китайца идетъ приблизительно по 5 р. въ мѣсяцъ (по два пуда рису, плитка или „кирпичъ" чая, сули и пудъ свинины на каждаго). Затѣмъ подрядчикъ беретъ два дозволительныхъ билета—одинъ на ловлю трепанговъ—стоитъ 200 руб., а другой—на рубку лѣса для дровъ, 20 руб. На засолъ всѣхъ

300000 шт., по вычисленію С. Масленникова*), требуется 300 пуд. соли на 270 руб. Что касается шлюпокъ, шестовъ, драгъ, посуды (деревянной и чугунной), то все это заготовлено вначалѣ промысла и служитъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при ежегодномъ небольшомъ ремонтѣ.

Глава XIX.

Морская капуста, ея ловля, приготовленіе и продажа. Выгодна ли добыча этого растенія.

25 марта. Сегодня, какъ и вчера, мы рано поплыли къ ловцамъ морской капусты. Погода стояла такая же великолѣпная, какъ и вчера.

Къ мѣсту, гдѣ происходила ловля, мы приплыли часовъ черезъ пять - шесть. Нѣсколько шлюпокъ съ рабочими—китайцами и манчжурами (по два рабочихъ на каждой лодкѣ) неподвижно стоятъ кое-гдѣ, въ 50—100 саженяхъ отъ берега. Подплываемъ къ одной лодкѣ. На днѣ ея груда морской капусты, описанію которой я посвящаю нѣсколько строкъ. Представьте себѣ пальму, состоящую изъ темно-зеленыхъ листьевъ; послѣдніе, поднимаясь надъ водою, стелются по поверхности ея. Нитевидные корни, залегая въ каменистомъ грунтѣ (на которомъ исключительно и растетъ морская капуста), не представляютъ для растенія прочнаго основанія. Поэтому китаецъ-ловецъ безъ всякаго труда поднимаетъ все растеніе на поверхность воды. Орудуетъ онъ шестомъ въ 10 фут. длины. Если ему приходится доставать это растеніе съ глубины 2—3 саж., то два шеста скрѣпляются вмѣстѣ. Эти шесты имѣютъ въ нижнемъ своемъ концѣ 4 же-

*) Записки объ изученіи Амурскаго края. Т. IV.

лоба, въ каждомъ изъ коихъ укрѣплено вдоль по круглой дубовой палочкѣ длиною до 1 аршина. Приплывъ на мѣсто, гдѣ со дна высовывается цѣлый лѣсъ этихъ водорослей, рабочій опускаетъ свой шестъ въ воду и, пропустивъ между палками нижній стволъ растенія, вытягиваетъ его. Затѣмъ, обрубивъ корень и нижніе стебли, плотно соединенные другъ съ другомъ, онъ кладетъ нужныя части въ лодку. Нагрузивъ ее, онъ плыветъ къ берегу, сдаетъ свою добычу рабочимъ и снова отправляется на работу. Рабочіе, принявшіе капусту, раскладываютъ ее для просушки небольшими пачками. Дня три—четыре ясныхъ и теплыхъ совершенно достаточно, чтобы она хорошо просохла, причемъ по вечерамъ ее обыкновенно тщательно закрываютъ отъ росы и тумана. Когда капуста просохнетъ, ее переносятъ въ закрытое помѣщеніе (въ балаганъ, въ сарай или въ фанзу), гдѣ тщательно сортируютъ. Лучшей капустой признается та, у которой листья зеленаго цвѣта и одинаково толсты во всѣхъ частяхъ—и въ срединѣ, и по краямъ, и въ нижней части, и въ верхней. За низшій сортъ признается та, у которой цвѣтъ листьевъ красноватый и неравномѣрная толщина въ частяхъ. Послѣ сортировки листья, признанные за лучшіе, разрѣзаются на части въ 1½ аршина длины, остальные же, низшаго сорта, свертываются въ пачки длиною въ 4 четверти. Затѣмъ тѣ и другіе увязываются отдѣльными кипами въ 1 п. 33 ф. каждая. Пока совершается надъ капустою послѣдняя операція, другіе рабочіе приготовляютъ бунтъ. Если подрядчикъ не скупъ и имѣетъ про запасъ бревна, то рабочіе накладутъ ихъ въ нѣсколько рядовъ, одинъ ярусъ на другой, а на верхній кладутся плахи, на которыя и складываются кипы капусты. Въ противномъ случаѣ рабочіе соору-

жаютъ насыпь, верхнюю площадку покрываютъ гালькой, вокругъ же насыпи вырываютъ канаву. На эту насыпь точно также укладываются пирамидой кипы капусты, закрываются сверху брезентомъ и циновками и увязываются веревками. Здѣсь капуста лежитъ весь сезонъ, а въ концѣ его принимается отъ подрядчика купцомъ или его довѣреннымъ, который нагрузивъ капустой пароходъ, отправляетъ ее въ Шанхай или Чифу, гдѣ она и поступаетъ въ продажу. По даннымъ Я. Л. Семенова количество капусты, доставляемой въ китайскіе портовые города и добытой исключительно на нашемъ побережьи, простиралось въ началѣ 80-хъ гг. до 500 п. (?) Нынѣ же, по даннымъ, опубликованнымъ въ газетѣ „Владивостокъ", ее было добыто 600000 п. Продается она въ Шанхаѣ по 1 р. 50 к. за пудъ 1-го сорта и отъ 1 р. 20 к. втораго, слѣдовательно за продажу всѣхъ 600000 пуд. было выручено приблизительно 810000 р. Посмотримъ теперь, что достается изъ этой громадной цифры на долю рабочихъ. Чтобы распредѣлить этотъ доходъ на каждаго рабочаго, слѣдуетъ сначала раздѣлить количество добываемой у насъ капусты въ сезонъ на 450, т. е. на количество, добываемое, приблизительно, каждымъ рабочимъ въ тотъ же періодъ времени. Получимъ 1333. Раздѣливъ на послѣднюю цифру 810,000, получимъ 607 р. на каждаго рабочаго. Но, львиная доля дохода съ каждаго рабочаго попадаетъ въ карманъ предпринимателя. Чтобы высчитать, приблизительно, эту львиную долю, слѣдуетъ продѣлать слѣдующее. Рабочій на добычѣ морской капусты получаетъ съ пуда ея по 40 к. на готовомъ содержаніи; а такъ какъ въ сезонъ количество добычи его простирается до 450 пуд., то его заработокъ за весь этотъ сезонъ 180 р. Исключивъ изъ 607 р. 180 р.,

получимъ, что съ каждаго рабочаго остается въ пользу предпринимателя по 427 руб.

Изъ этой суммы 30 руб. уходятъ на содержаніе китайца-рабочаго за весь сезонъ. Если принять во вниманіе, что онъ питается однимъ рисомъ, который закупается въ Японіи по 75 к. за пудъ, да, изрѣдка, въ торжественные дни, лакомится свининой, то этихъ 30 руб. даже еще много на его содержаніе впродолженіи 5 мѣсяцевъ. Кромѣ содержанія рабочихъ да расходовъ по доставкѣ капусты въ Чифу или Шанхай, никакихъ крупныхъ расходовъ со стороны предпринимателя не требуется: лодки, шесты, посуда и т. д., какъ я уже говорилъ, употребляются одни и тѣ же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. У Чи-фу-са'я въ описываемое мною время занималось добычею капусты около 80 человѣкъ рабочихъ. По этой цифрѣ рабочихъ мы можемъ высчитать, какой дивидентъ получитъ Чи-фу-са'й въ нынѣшній сезонъ отъ морской капусты. Высчитать это не трудно, — стоитъ только количество всѣхъ его рабочихъ помножить на 397 р. Послѣдняя цифра — приблизительный чистый доходъ съ капусты, добываемой для него за весь сезонъ каждымъ рабочимъ.

Глава XX.

Поѣздка въ Шкотову. Ночлегъ у шкотовскаго крестьянина. Исторія Шкотовой. Катайцы-арендаторы крестьянскихъ земель. Зажиточность шкотовцевъ.

26 марта. Сегодня моему спутнику привезли письмо изъ Владивостока отъ его старшаго прикащика. Послѣдній, между прочимъ, сообщилъ своему патрону, что въ Шкотово придетъ пароходъ съ рисомъ для рабочихъ Чи-фу-са'я и другими товарами для шкотовскихъ китайскихъ купцовъ. Сдавши грузъ, пароходъ конечно сейчасъ же двинется обратно. Вотъ

прекрасный случай возвратиться намъ во Владивостокъ. Другой такой оказіи не дождемся. Но, чтобы воспользоваться ею, надо сегодня же плыть въ Шкотову, гдѣ и ожидать пароходъ. Не откладывая въ дальній ящикъ, мы быстро собрались, распростились съ китайцами, сѣли въ шлюпку и отправились. Погода хотя и хорошая, но дуетъ небольшой сѣверо-западный вѣтеръ, а по заливу ходятъ небольшія волны. Подгоняемые вѣтромъ, мы быстро шли къ цѣли. Къ 12 часамъ мы были уже въ виду берега. Подплывая къ нему, мы условились: Чи-фу-са'й остановится у своего пріятеля-земляка, торгующаго китайца; я же остановлюсь въ первой крестьянской избѣ, если, конечно, меня пустятъ. Лодка пристала къ берегу, мы разсчитались съ гребцами, взяли свои вещи и пошли въ село. Чи-фу-са'я уже поджидалъ тамъ его пріятель-китаецъ, съ которымъ онъ и скрылся. Что касается меня, то я подошелъ къ группѣ крестьянъ, сидѣвшихъ на травѣ предъ однимъ изъ небольшихъ домиковъ.

— Здравствуйте, земляки,—привѣтствовалъ я ихъ, усаживаясь къ нимъ въ кружокъ.

— Здравствуй, господинъ. Откуда взялся, куды поднялся? Отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ сидящихъ, пожилой крестьянинъ.

Я удовлетворилъ его любопытство.

— Такъ пароходъ-отъ, говорятъ, завтра къ вечеру прибудетъ сюда. Какихъ новостей не разскажешь-ли намъ?

— Ничего не знаю, всего изъ города—недѣли три тому назадъ, -сказалъ я.—А вотъ что, земляки. Нельзя-ли у кого-нибудь пріютиться мнѣ до парохода? Я заплачу.

— Да гдѣ пріютиться вамъ, господинъ, какъ не у старшины, или у . . . (онъ назвалъ мнѣ двухъ богатыхъ крестьянъ, фамиліи которыхъ не помню).

— Почему же непремѣнно у нихъ?

— Да вишь—ты, господа-то все у нихъ останавливаются, потому—мужики эти богатые, готовятъ для гостей господскія кушанья.

— Мнѣ совсѣмъ не нужно господскихъ кушаній. Я не взыскательный—что Богъ дастъ, да хозяюшка поставитъ,—тому буду радъ и за то благодаренъ, сказалъ я.

— Ну, въ такомъ разѣ, милости просимъ, хоть ко мнѣ, а то вотъ къ сосѣду.

— Если пустишь, то я къ тебѣ, землякъ, сказалъ я своему собесѣднику.

— Если такъ, милости просимъ, проходи, сказалъ онъ, вставая.

Захвативъ свои вещи, я послѣдовалъ за нимъ. Идти пришлось нѣсколько шаговъ. Домикъ, въ который мы пришли, былъ раздѣленъ сѣнями на двѣ половины. Первую, во дворъ, называемую черной, занимало семейство Прокопія Игнатьевича (такъ звали этого крестьянина). Вторая половина, называемая чистой, служила по праздникамъ для гостей. Прекрасно выбѣленные стѣны и потолокъ, чистый крашеный полъ, выкрашенные колоды, подоконники, рамы, заборка и т. д.—все это производило пріятное впечатлѣніе. За перегородкой „въ кути“ была русская, бѣлоснѣжная печь; а въ узкомъ коридорчикѣ между печью и стѣной—американскій умывальникъ *). На столѣ, застланномъ клеенкой, стояли два бронзовыхъ подсвѣчника со стеариновыми свѣчами. По стѣнамъ нѣсколько олеографическихъ портретовъ Государя, Государыни и проч.

---

*) Эмалированный тазикъ и такая-же кружка на небольшомъ крашеномъ столикѣ.

Первымъ долгомъ я занялся очищеніемъ своей кожи отъ накопившейся грязи и пыли. Чрезъ полчаса, когда я вошелъ въ большую, переднюю комнату, на столѣ, застланномъ бѣлоснѣжной скатертью, уже кипѣлъ блестящій самоваръ. Тутъ былъ и чайный приборъ, и яйца, и бѣлые калачи.

— Милости просимъ, кушайте! пригласилъ меня хозяинъ, а чтобъ Вамъ не было скучно, сяду и я, прибавилъ онъ, усаживаясь за столъ.

Не ожидая другого приглашенія, я сѣлъ за столъ и принялся уничтожать поданное, что однако не помѣшало мнѣ вступить въ оживленную бесѣду съ хозяиномъ. Интересуясь Шкотовой и ея населеніемъ, я навелъ бесѣду на эту тему, и словоохотливый хозяинъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

— До нашего прихода сюда, началъ онъ, эта „падь“, на протяженіи 25–30 верстъ, была занята одними манзами. Облюбовалъ я это мѣсто съ братаномъ.

Прежде чѣмъ поселиться, мы заручились дозволеніемъ начальства. Съ этой бумагой мы и поселились здѣсь. Манзы стали было притѣснять насъ, но мы имъ тотчасъ же сунули подъ носъ дозволительную бумажку. Ничего, подѣйствовало—присмирѣли. Поселились мы тутъ въ числѣ двухъ семействъ. Это было въ началѣ 1866 г. Скучновато было намъ здѣсь двумъ то семьямъ. Когда прибыли новоселы въ томъ же году, мы пригласили ихъ сюда. По нашему приглашенію поселились здѣсь 9 семей. Потомъ чрезъ 12 лѣтъ переѣхали сюда еще 30 семействъ (изъ залива св. Ольги), чрезъ 8 лѣтъ поселились еще 6 семей... Манзы, видя, что насъ много, поубрались, а нѣкоторые остались, заарендовавъ у насъ участки земли. Теперь здѣсь по бумагамъ 78 семействъ, а живутъ 65. Остальные откочевали отсюда. Обрабатываемъ мы всего 500 десятинъ.

Половину этого сами, а половину безъ малаго отдаемъ въ аренду манзамъ.

— На какихъ же условіяхъ? спросилъ я.

— Разно. Одни—за половину урожая, другіе—за деньги, по 5—6 руб. за десятину. Если земелька хорошая и около рѣки, то дороже, рублей за 8. Засѣваемъ тоже разно: побѣднѣе по 4—5 десятинъ, со среднимъ достаткомъ по 8—15 десят., а богатые болѣе 25 дес. Скота тоже разно: побѣднѣе имѣютъ по 2—3 лошади и по стольку же коровъ; со среднимъ достаткомъ по 4—6 лошадей и по стольку же коровъ; а про богатыхъ и говорить нечего... У всѣхъ шкотовцевъ не переводится круглый годъ ни молоко, ни яйца, ни говядина, ни масло, ни хлѣбъ. У многихъ большіе излишки въ продуктахъ. Такихъ бѣдняковъ, какъ у насъ въ Россіи, живущихъ на одномъ хлѣбѣ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Если у нѣкоторыхъ мало состоятельныхъ и большихъ семействъ маловато скота, зато хлѣба засѣвается достаточно, да и бабы-хозяйки пособляютъ зарабатывать: овощей много садятъ, птицу и свиней держатъ на продажу. Хорошія деньги наживаютъ. Одно слово, живемъ справно. Дай Богъ, чтобы всегда такъ жилось,—закончилъ свой разсказъ хозяинъ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Мнѣ подали ужинъ, состоящій, по случаю наступленія страстной недѣли, изъ однихъ постныхъ блюдъ. Не безъ удовольствія поужинавъ, я съ великимъ наслажденіемъ разостлалъ кошму и растянулся на полу крестьянской чистой горницы.

Глава XXI.

Моя поѣздка за дровами. Землепользованіе крестьянъ Уссурійскаго края, вообще и шкотовцевъ въ частности. Нехватка земли. Причины ея. Манзы арендаторы. Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?!

27 марта. Просыпаюсь, какъ всегда, рано,—и первое что долетаетъ до моихъ ушей,—это мычанье коровъ и телятъ, хлопанье бича, крики женщинъ и какая-то суматоха во дворѣ. Что это такое и гдѣ я?! Вскакиваю, протираю глаза и всматриваюсь. Ба, скромная обстановка горницы шкотовскаго крестьянина! Припоминаю вчерашній мой пріѣздъ сюда. Чувствуя радостное настроеніе, поспѣшно одѣваюсь, убираю свое ложе и выхожу на крыльцо. На столикѣ въ сѣняхъ два ведра съ парнымъ молокомъ. Изъ двора молодая женщина и двѣ дѣвушки выгоняютъ скотъ къ пастуху. Послѣдній, стоя среди улицы, считаетъ скотъ, изрѣдка похлопывая бичемъ. Во дворѣ самъ Прокопій Игнатьевичъ запрягаетъ лошадь въ простую телѣгу. Ему пособляетъ его сынъ-юноша.

— Митя, иди скажи матери, чтобы подавала въ горницу самоваръ, а потомъ отвори ставни да полей гостю,—приказалъ хозяинъ сыну, увидѣвъ меня на улицѣ. Я подхожу къ телѣгѣ, около которой суетится Прокопій Игнатьевичъ.

— Куда это вы собираетесь?—спрашиваю у него послѣ обычныхъ утреннихъ привѣтствій.

— За дровами ѣду. Пасха чрезъ пять дней, а у меня, какъ у хорошаго хозяина, ни полѣна дровъ.

— Возьмете меня?

Къ моему удовольствію, онъ соглашается и чрезъ полчаса, плотно позавтракавъ, мы садимся въ телѣгу и отправляемся въ путь. Сначала ѣдемъ по селу. Чистенькіе домики, прочныя службы, большіе овины

прошлогодняго урожая, обиліе всякой домашней живности, здоровыя и сильныя фигуры молодыхъ и пожилыхъ женщинъ, прогоняющихъ къ пастуху скотъ, краснощекая и рѣзвая дѣтвора,—все это производитъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Оставивъ за собою деревню, мы часа полтора ѣдетъ по дорогѣ параллельно рѣчкѣ Ци-му-хе. Берега ея поросли богатой растительностью. Чаща, непрерывно тянущаяся по берегу, еще гола. Но на нѣкоторыхъ деревьяхъ уже появились почки, а кое-гдѣ изъ подъ снѣга пробивается зелень. Падь, по которой мы ѣдемъ, ровная, въ версту ширины. Она представляетъ сплошныя поля и поля. Кое-гдѣ около рѣчки попадаются фанзы съ копошащимися подлѣ нихъ манзами. По обѣимъ сторонамъ пади—горы, покрытыя лѣсомъ. Мѣстами бока этихъ горъ—отвѣсныя скалы и утесы; мѣстами —пологіе спуски. Падь —то прямолинейна, то извилиста. Отъѣхавъ отъ деревни верстъ 8 по отлогому склону, въѣзжаемъ въ лѣсъ, накладываемъ дрова и ѣдемъ обратно. Во все время поѣздки впередъ и обратно мы бесѣдуемъ. На мой вопросъ о количествѣ членовъ его семьи и земельнаго надѣла, Прокопій Игнатьевичъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

У него два сына и три дочери. Старшій женатъ, а младшій еще малолѣтокъ. Старшая дочь замужемъ. Земли у него, какъ у другихъ односельчанъ, маловато. Прежде у нихъ въ Шкотовой много было неправды съ пахатной землей. Кто силенъ, тотъ и воленъ: завладѣетъ землею, сколько можетъ спахать,—и баста.

Вотъ, хоть бы наши богачи, говорилъ мой собесѣдникъ,—бывало, брали себѣ десятинъ по 40—50, а другимъ, побѣднѣе, ничего. Чтобы не было этого грѣха, лѣтъ 5—6 тому назадъ и подѣлили мы всю пахотную землю поровну, по числу работниковъ. Каж-

дому досталось по 5½ десятинъ. „Пустякъ! На мою семью пришлось 11 десятинъ по числу 2 работниковъ, т. е. меня и моего большака. А вотъ подростетъ года чрезъ два--три меньшой, тогда и ему надо 5½. Подростутъ ребята и у другихъ нашихъ односельчанъ,—всего считали мы въ прошлый разъ около сотни съ небольшимъ душъ,—и имъ надѣлъ нуженъ! А гдѣ взять? Намъ и теперь земли мало. А тогда придется по 2 десятинки. Совсѣмъ худо!

Между тѣмъ прежде, лѣтъ пять тому назадъ, около Шкотовой было много свободной весьма хорошей земли. На просьбу шкотовскихъ крестьянъ о надѣлѣ ихъ ею до 100 десятинъ на семью, начальство отвѣтило отказомъ, хотя та же земля и почти въ томъ же году была продана весьма дешево частнымъ лицамъ. Послѣдніе перепродали ее другимъ въ 20 разъ дороже, чѣмъ купили. Въ настоящее время земли эти во владѣніи одного владивостокскаго купца, который отдалъ ихъ въ аренду китайцамъ за крупную сумму.

— Если не надѣлятъ васъ землею, то можно арендовать ее у казны,--сказалъ я.

— А гдѣ она?—задалъ мнѣ вопросъ мой собесѣдникъ. —За хребтами-то, да за 50—60 верстъ отъ Шкотовой? Тамъ-то намъ землю и даромъ не нужно... Нѣтъ, надо кое-кому выселиться. Толковали мы объ этомъ на сходкѣ, и не одинъ разъ.

— Ну и что-же?

— А то, что никто не хочетъ. И правда, – убыточно кочевать съ насиженнаго мѣста. Здѣсь все равно, что родина наша: у каждой семьи на кладбищѣ покойнички... Одно горе у насъ—земли нехватка! Прошлое лѣто расчищать стали,—начальство запретило. Коли такъ, такъ какъ же быть? Вѣдь не пошлешь молодякъ на новыя мѣста. Тамъ ни отъ кого имъ ни совѣта, ни

привѣта. А безъ руководителей, въ первое время, какъ станутъ они орудовать хозяйствомъ на новыхъ то мѣстахъ? По нашему, непремѣнно надо оставлять земли про запасъ, для молодяка, при каждомъ нашемъ обществѣ. А тутъ въ обрѣзъ она, матушка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и послѣднюю урѣзываютъ... Нѣтъ, надо кое-кому выселиться.

— Говорятъ, китайцы и корейцы занимаютъ много земли. Напримѣръ, по Сучану. Быть можетъ, они уйдутъ во свояси, вотъ тогда и земля вамъ,—сказалъ я.

— Про китайцевъ да корейцевъ говорить нечего, они не мѣшаютъ намъ, отвѣтилъ мнѣ Прокопій Игнатьевичъ. Народишко искусный въ хлѣбопашествѣ. Намъ за ними не угнаться, вотъ что! Работящій и смирный народишко. У меня арендуетъ земельку манза нѣсколько лѣтъ и ни разу не было между нами ссоры. Платитъ мнѣ исправно; что проситъ—даю, я прошу—онъ даетъ, —и ладимъ, не обижаемъ другъ друга. Другіе же часто ссорятся между собою. Вотъ хоть бы мой сосѣдъ. Въ прошломъ году онъ забралъ у своего арендатора—манзы больше, чѣмъ онъ самъ ему давалъ.

— Почему же?

— А вотъ, вишь, одну десятину на низинѣ затопило и манза собралъ хлѣба меньше, чѣмъ разсчитывали оба. Ну, мой сосѣдъ, одинъ разъ, когда манзы не было дома, пріѣхалъ къ нему и забралъ все, что хотѣлъ. Вотъ и ссорились... Дѣло доходило до стариковъ нашихъ... Поэтому, лучше всего брать съ манзъ деньгами, какъ я. Да и то надо сказать, если-бъ я не отдалъ ему свою землю въ аренду, то выклянчили бы мою земельку кто-нибудь изъ нашихъ богачей—даромъ, потому мнѣ не справиться одному съ 11-ю десятинами. Это первое. А второе надо сказать и то, что эти манзы не истощаютъ землю, потому унавоживаютъ ее

каждое лѣто. А что до ухода за полемъ, такъ, ей Богу, какъ добрая мать ходитъ за своимъ ребенкомъ, такъ и манза за своимъ полемъ.

На этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ прервался на нѣсколько минутъ.

— Однако, гдѣ же вы возьмете земли для молодяка? снова начинаю я разговоръ, желая побудить своего собесѣдника къ откровенной бесѣдѣ.—Придумали, навѣрно, что нибудь?

— А чего-же придумаешь тутъ? Вопросомъ же на мой вопросъ отозвался Прокопій Игнатьевичъ.

— Почему бы вамъ не заняться добычей морской капусты да ловлей трепанговъ для сбыта въ Китай. Воды, гдѣ манзы и японцы ловятъ то и другое, наши...

— Да есть ли барышъ-отъ?

— Еще бы. Большой барышъ, если вы сами станете добывать,—и я подробно разсказалъ ему какъ о пріемахъ ловли, такъ и о приготовленіи этой добычи къ продажѣ

— Наше дѣло будетъ только выловить эту штуку, а ужъ бабы наши на бережку приготовятъ все въ самомъ лучшемъ видѣ,—сказалъ мой собесѣдникъ.

Затѣмъ я исчислилъ ему чистый доходъ отъ добычи того и другого на каждаго самостоятельнаго работника-ловца.

— Прямо скажу, такой заработокъ, и въ одно лѣто, никогда намъ и во снѣ не снился. Ей-Богу!—удивлялся мой собесѣдникъ. Заработокъ хорошъ, однимъ словомъ. Но дѣло-то за небольшимъ: какъ намъ приняться за его? Главное, мы непривычны къ морю. Такую уйму воды отродясь и не видывали тамъ, на родинѣ-то. Пріучаться къ этому намъ поздно. Вотъ молодяку нашему ничего-бы, сподручное дѣло.

— Можетъ быть, начальство откроетъ у васъ школу сельско-хозяйственную и ремесленную... При этой

школѣ станутъ вашихъ малолѣтокъ съ раннихъ лѣтъ пріучать къ плаванію по морю въ шлюпкахъ, къ добычѣ морской капусты и трепанговъ и къ способу приготовленія ихъ для продажи въ Китай,—продолжалъ развивать я передъ собесѣдникомъ свою идею.

— Вотъ это было бы хорошо. Они бы съ малыхъ лѣтъ стали привыкать ко всему этому,—согласился Прокопій Игнатьевичъ.

— Тогда ужъ китайцамъ и японцамъ не дадимъ ловить въ нашихъ мѣстахъ, а сами станемъ,—продолжалъ я.

— Твои-то рѣчи, землякъ, да Богу-бы въ уши...

— Кромѣ того, у васъ могъ-бы быть другой, не менѣе выгодный, промыселъ. Вы тоже не хотите знать его,—говорю я.

— Какой же это промыселъ еще?

— А чѣмъ вы топите печи?

— Орѣхъ, красное дерево, дубъ, бархатное дерево...

— Вѣдь вы золото жжете! Дѣлайте изъ этихъ древесныхъ породъ мебель или хоть коробочки, да вѣдь какія деньги вы можете зарабатывать! Или приготовляйте этотъ лѣсъ на подѣлки въ видѣ брусьевъ, досокъ,—и то вѣдь можете не малыя деньги пріобрѣтать. А то жечь такое добро! Вотъ, если-бъ это добро нашимъ кустарямъ...

— И правду, прибыльное дѣло. Но все-таки надо знать столярное мастерство и тоже пріучаться къ нему съ малыхъ лѣтъ.

— Вотъ начальство откроетъ у васъ эту школу, ремесленную и сельско-хозяйственную и... началъ было я, но не окончилъ. Пронзительный свистокъ паровика прервалъ мои мечты. Навѣрно, это пароходъ! Не уходитъ ли онъ уже?

— Прокопій Игнатьевичъ, погоняйте, ради Христа! взмолился я.

Тотъ стегнулъ лошадь и мы поѣхали скорѣе. Къ счастію, ѣхать пришлось недолго. Чрезъ четверть часа мы уже въѣзжали во дворъ. На крыльцѣ сидѣлъ Чи-фу-сай. Онъ уже нанималъ человѣка, чтобы розыскать меня. На-скоро пообѣдавъ, я разсчитался со своимъ новымъ пріятелемъ, Прокопіемъ Игнатьевичемъ, простился съ нимъ и съ его семействомъ и перебрался на пароходъ вмѣстѣ съ Чи-фу-са'емъ. Чрезъ часъ мы уже плыли по водамъ Уссурійскаго залива.

Глава XXII.

По поводу „нехватки" земли у крестьянъ Уссурійскаго края. Продажа земли частнымъ лицамъ. Примѣры, какъ управляются владѣльцы съ пріобрѣтенною ими землею

28 марта. Отъ Шкотовой пароходъ медленно подвигался впередъ весь вечеръ и ночь. Прежде чѣмъ спуститься въ свою каюту, я долго смотрѣлъ на окружающія пароходъ, какъ бы безбрежныя, воды залива Въ головѣ ни мысли, ни желанія. Какое-то неопредѣленное, но пріятное чувство овладѣло мною. Я знаю, что возбуждаетъ во мнѣ это чувство: сознаніе, что я плыву во Владивостокъ; откуда, захвативъ свои вещи, тотчасъ же по прибытіи отправлюсь въ Хабаровскъ. На пути побываю въ Никольскѣ и въ другихъ селеніяхъ. Эти побывки будутъ непродолжительны Изъ Хабаровска отплыву далѣе по Амуру, предварительно накопивъ небольшую сумму. Постепенно я стану ближе и ближе подвигаться къ своему домику среди фруктоваго сада, на берегу Днѣпра, гдѣ ожидаютъ меня моя старенькая мама и сестренка Катя. И снова заживемъ мы, по прежнему, дружно и весело. Въ длинные зимніе вечера, предъ пылающимъ каминомъ, я стану разсказывать имъ, что видѣлъ и испыталъ въ

теченіи своего странствованія по Дальнему Востоку. И невольно воображенію рисуется картина моей скромной семейной жизни... Размечтавшись, я не замѣтилъ, какъ потухла вечерняя заря и наступилъ ночной полумракъ. Моего спутника Чи-фу-са'я уже не было около меня. Почувствовавъ легкую дрожь, я спустился въ каюту и улегся спать. Проснулся довольно поздно. Пароходъ по прежнему медленно подвигается впередъ. До меня долетаютъ легкій шумъ вѣтра, завывающаго въ снастяхъ, скрипъ послѣднихъ и обычные равномѣрно тяжелые вздохи паровика. Небольшая качка, но пока она не причиняетъ обычнаго недуга, быть можетъ, потому, что я нахожусь въ постели. И мнѣ не охота поэтому покидать свое мягкое и теплое ложе. Выпивъ поданный мнѣ стаканъ кофе, я погружаюсь въ воспоминанія о протекшихъ недавнихъ дняхъ. Китайскій новый годъ, ловля трепанговъ, добыча морской капусты—все это, уже не интересуя меня, проходитъ передо мной мимолетнымъ видѣніемъ. Но вотъ вмѣсто нихъ являются шкотовскія впечатлѣнія и всецѣло овладѣваютъ моей душой. Въ ушахъ раздается голосъ Прокопія Игнатьевича, а предъ глазами встаетъ его мощная фигура. „Земли нехватка! Чаво станемъ дѣлать съ молодякомъ чрезъ года 4—5... Гдѣ возьмемъ землицы имъ... Ась?!"—настойчиво раздается его голосъ. Изъ мѣстныхъ газетъ и изъ другихъ данныхъ, собранныхъ мною во время пребыванія во Владивостокѣ, оказывается что не одни шкотовскіе крестьяне задаютъ другъ-другу подобные вопросы. Невольно припоминаются мнѣ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ.

У крестьянъ села Михайловскаго надѣлъ пахотной и сѣнокосной земли чрезвычайно малъ. „Какой былъ въ Россіи, таковъ и здѣсь... Просили мы о прибавкѣ всѣхъ начальниковъ—никакого толку",—жаловались

они одному чиновнику. Между тѣмъ, просимыя ими земли около самого Михайловскаго проданы администраціею края частному лицу, которое и отдало ихъ михайловцамъ въ аренду за весьма крупную сумму*).

Крестьяне деревни Петропавловской, прибывшіе сюда въ 1885 г, тоже стали нуждаться въ земляхъ, тоже просили о прибавкѣ и тоже не получили ничего. Чтобы выпутаться какъ-нибудь изъ затрудненія, они переселились въ мѣстность, прилегающую къ заливу св. Ольги, гдѣ имъ „и просторно, и спокойно" **).

Крестьяне села Раздольнаго тоже нуждаются въ земельномъ надѣлѣ. „Первоначально, —разсказываютъ они, — намъ было отрѣзано земли достаточно. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда подросли молодые работники, сразу стала нехватка". „До чугунки зарабатывали извозомъ и только въ немъ имѣли хорошее подспорье. Нынѣ же совсѣмъ обѣднѣли", жалуются они. Собираются кочевать. Землю уже нашли ***).

Крестьяне села Дубовскаго, прибывшіе въ 1899 г., за неимѣніемъ пахотной и сѣнокосной земли, не занимаются ни хлѣбопашествомъ, ни сѣнокошеніемъ. Для пропитанія вынуждены выискивать побочные заработки, —и нашли: доставляютъ офицерамъ и ихъ семействамъ цвѣты, ягоды; замужнія женщины и дѣвушки нанимаются въ прислуги и т. д. Поселились здѣсь по волѣ начальства. Собираются кочевать— одни обратно въ Россію, другіе – куда нибудь... †)

У крестьянъ деревни Григорьевки земли тоже мало †*). „Года чрезъ четыре—пять, когда предстоитъ надѣлъ

*) „Владивостокъ" 1893 г. № 51.

**) Тоже 1896 г. № 26.

***) „Владивостокъ" 1896 г. 48.

†) Тоже 1896 г. 2.

†*) „Владивостокъ" 1896 г. —Крюковъ. Землепользованіе.

землею молодыхъ работниковъ, —говорятъ они, —тогда надо будетъ урѣзывать земельные участки у каждаго домохозяина. Тогда хоть кочуй отсюда!.." и т. д. Если-бъ поименовать каждую деревню и село Уссурійскаго края, населеніе которыхъ имѣетъ недостаточный земельный надѣлъ, то потребовалось бы нѣсколько печатныхъ листовъ.

Почему всѣ крестьяне края не надѣлены землею по закону, т. е. по 100 дес. на каждое семейство? Неужели свободныхъ земель здѣсь недостаточно?—задавалъ я себѣ вопросъ въ первое время. Но, какъ я узналъ впослѣдствіи, земель свободныхъ и совервершенно годныхъ для хлѣбопашества въ краѣ большое количество. Часть ихъ, самыхъ лучшихъ, оставлена для продажи частнымъ лицамъ. О происхожденіи проекта продажи этихъ земель разсказывалъ мнѣ, во Владивостокѣ, одинъ почтенный старожилъ. По его словамъ, въ 80-хъ годахъ именитымъ коммерсантамъ-капиталистамъ и др. частнымъ лицамъ изъ иностранцевъ весьма понравились нѣкоторыя, очень живописныя мѣстности побережья Петра Великаго. Въ особенности нравились они своими природными богатствами: лѣсами, плодородіемъ почвы и проч. У капиталистовъ явилось желаніе имѣть эти лакомые куски своей собственностью. Но, какъ ими завладѣть? И придумали: любители земельныхъ лакомыхъ кусковъ ревностно стали проповѣдывать *„въ хабаровскихъ салонахъ"* о необходимости, для благоденствія Россіи и для лучшаго развитія въ краѣ сельско-хозяйственной культуры, допустить въ краѣ частное землепользованіе. Еще усерднѣе обсуждали эту мѣру на первомъ Хабаровскомъ съѣздѣ, гдѣ для болѣе вѣрнаго достиженія завѣтной цѣли, было провозглашено, что „единственная" цѣль этой мѣры — народное благо и, слѣдова-

тельно, благоденствіе Россіи. Народъ, видя на практикѣ высокую сельско-хозяйственную культуру, и самъ станетъ пріобрѣтать практическія познанія въ этомъ дѣлѣ,—такъ говорилось на съѣздѣ. И вотъ—желаемое согласіе правительства было дано и вскорѣ же послѣ хабаровскаго съѣзда земли стали продаваться частнымъ лицамъ, до 400 десятинъ каждому. На 2-мъ съѣздѣ была сдѣлана слѣдующая поправка: „для края необходимы собственники—крупные, а потому, для привлеченія капиталовъ къ пріобрѣтенію земель, продавать земли до 1000 десятинъ въ одни руки". По какимъ цѣнамъ продавались онѣ въ первое время, послѣ 1-го съѣзда, неизвѣстно. Въ оффиціальномъ изданіи: *„Краткій очеркъ Приамурскаго края"*, изданномъ по распоряженію генералъ-губернатора въ 1891 г., сказано весьма неопредѣленно: *„дешево"* *), т. е. гораздо ниже введенныхъ въ „Правила о продажѣ земель", утвержденныя приамурскимъ генералъ-губернаторомъ 23 января 1894 г. Вотъ эти послѣднія земельныя цѣны: участки 1-го разряда по 6 р. за десятину (въ окрестностяхъ городовъ); 2-го разряда—по 3 руб. Кромѣ цѣнъ, правила пріобрѣтенія земли отличаются отъ прежнихъ, практиковавшихся между 1-мъ и 2-мъ хабаровскими съѣздами, еще слѣдующимъ.

До этихъ послѣднихъ правилъ лица, состоящія на государственной службѣ, совсѣмъ не имѣли права пріобрѣтать земельные участки. По правиламъ же 23 января 1894 г. офицерамъ и чиновникамъ, какъ потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, состоящимъ на государственной службѣ, дано право покупать земли отъ 400 до 1000 десятинъ. До 1891 г. было продано

*) Говорятъ, по 50 к. за десятину!

въ Уссурійскомъ краѣ всего 14 участковъ; съ 1891 по 1896 гг. было продано еще 16, итого около 12,000 десятинъ. Между тѣмъ, ходатайствъ о продажѣ земель было 146. Изъ нихъ: отъ крестьянъ 57, мѣщанъ 30, запасныхъ нижнихъ чиновъ 18, чиновниковъ 15, купцовъ 13, дворянъ 4, корейцевъ 7 и китайцевъ 2. Отъ пріобрѣтавшихъ земли требовалось, чтобы они, если не состоятъ на государственной службѣ, жили бы на участкахъ и занимались бы сельскимъ хозяйствомъ. Состоящіе на государственной службѣ избавляются отъ этого обязательства. Отъ нихъ отбирается только подписка, что они останутся на жительствѣ въ Приморской области. Интересныя данныя есть въ мѣстныхъ газетахъ о томъ, какъ хозяйничали новые землевладѣльцы. Вотъ нѣсколько главныхъ типичныхъ случаевъ.

Полковникъ Винниковъ, купивъ 100 десят. земли, энергично взялся за нее: выстроилъ хорошенькую ферму, выписалъ машины и плуги и накупилъ лошадей. Проработавъ полгода, полковникъ разочаровался: покинулъ ферму, машины и плуги заперъ въ сарай, а лошадей продалъ. . Еще чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ продалъ и землю за весьма большую сумму купцу Шпенглеру. Послѣдній же перепродалъ ее купцу Шулынгину. Въ настоящее время на этомъ участкѣ работаютъ китайцы, платя владѣльцу солидную арендную плату.

Купецъ-еврей Дайко купилъ 100 дес. Сначала также энергично хозяйничалъ, но безъ машинъ. Кончилъ тѣмъ, что бросилъ хозяйство. Теперь его участокъ арендуется китайцами и корейцами.

Фикт, изъ остзейскихъ бароновъ, пріобрѣлъ 500 десятинъ за 1500 р. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ продалъ землю купцу Лангелитье за 30,000 р. Вся земля арендуется китайцами.

Ученый агрономъ-остзеецъ купилъ 200 дес. Сначала пробовалъ разводить фрукты. Разочаровавшись, продалъ землю купцу Лангелитье за крупную сумму. Нынѣ она арендуется китайцами.

Купецъ Лангелитье купилъ 100 десятинъ и отдалъ въ долгосрочную аренду китайцамъ...

Капитанъ Гольденштедтъ купилъ 100 дес. Устроилъ на этомъ участкѣ бойню. Живетъ въ городѣ.

Пфейферъ, остзеецъ-врачъ, другъ-пріятель покойнаго барона Корфа, купилъ болѣе 1000 десятинъ прекраснѣйшей земли, отдалъ ее въ аренду китайцамъ и, получая солидную аренду, живетъ по баронски во Владивостокѣ.

Остальные проданные участки (изъ 31) частью арендуются китайцами и корейцами, частью пустуютъ. Хозяйничаютъ же сами только пять—шесть владѣльцевъ. По добытымъ мною свѣдѣніямъ, земель, предназначенныхъ для продажи, еще много. Запасъ этотъ охраняется какъ нельзя быть лучше. Другими словами, администрація края рѣшила ни въ какомъ случаѣ не поселять на этихъ земляхъ крестьянъ. Было много случаевъ, что послѣдніе напрасно просили отвести имъ нѣкоторыя изъ этихъ земель. Объ одномъ случаѣ я уже упомянулъ. Скажу, кстати, и о другомъ изъ числа многихъ подобныхъ. Крестьяне, прибывшіе изъ Саратовской губ., просили о надѣлѣ ихъ землею въ 40 в. отъ Владивостока, вблизи поселка Угловаго. Но, имъ было отказано. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ эта земля была продана офицеру. Нынѣ она пустуетъ.

Глава XXIII.

Русскій островъ. Прибытіе во Владивостокъ и отъѣздъ оттуда. Мои мечты. Угловая и ея возникновеніе.

29 марта. Благодаря морскому путешествію, чрезвычайно располагающему ко сну, сегодня я проснулся въ 10 ч., что, признаюсь, никогда не случалось со мной. Кончивъ свой несложный туалетъ, выхожу на палубу. Безоблачное небо, тишина въ воздухѣ, легкая зыбь на морѣ, залитомъ ослѣпительными лучами солнца,—все это возбуждаетъ во мнѣ чувство невыразимаго удовольствія. Занявъ свободное мѣсто у столика, я приказалъ подать мнѣ завтракъ и кофе. Медленно уничтожая поданное, внимательно всматриваюсь въ безбрежную даль. По словамъ капитана-японца, прекрасно говорящаго по русски, чрезъ часъ мы должны увидѣть „Русскій островъ". Но мнѣ удалось увидѣть его ранѣе на цѣлые полчаса. Благодаря моему морскому биноклю, на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть островъ, я замѣчаю небольшое облачко. По мѣрѣ приближенія, облачко словно плыветъ ко мнѣ на встрѣчу, превращаясь все болѣе и болѣе въ горную, синеватую мѣстность. Непрерывной цѣпью тянется она къ сѣверу, постепенно исчезая за горизонтомъ. Островъ словно сливается съ береговой полосой полуострова. Желая разсмотрѣть проливъ среди этой непрерывной береговой линіи, я снова беру бинокль и направляю его въ даль. Вотъ и проливъ. Мы прямо плывемъ къ нему. Мы уже недалеко отъ острова. Въ бинокль отчетливо вижу его берега. Мѣстами они скалисты, мѣстами низменны и песчаны. На послѣднихъ я вижу, у самой воды, рядъ продолговатыхъ точекъ. Сначала онѣ были неподвижны, и я принялъ ихъ за лодки.

По вотъ изъ глубины острова появились нѣсколько движущихся къ водѣ точекъ. Сначала продолговатыя точки зашевелились и бросились къ водѣ. Но, показался дымокъ, послышались отдаленные выстрѣлы—и продолговатыя точки стали неподвижны.

— Что это такое, обратился я къ сидящему около меня Чи-фу-саю.

— Это нерпы. Вѣроятно, охотники убили ихъ,— сказалъ онъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь конецъ марта, самая главная пора охоты за этими животными. Заливы: Уссурійскій, Амурскій, Петра Великаго – богаты между прочимъ и нерпой. Весной съ конца марта и осенью съ первыхъ чиселъ сентября, они выходятъ на низменные берега этихъ заливовъ и Русскаго острова, чтобы погрѣться на солнцѣ. Здѣсь то и караулятъ ихъ охотники. Нѣсколько ружейныхъ залповъ и всѣ вышедшіе изъ воды звѣри замираютъ на мѣстѣ. Изъ нерпы берется только жиръ и шкура. То и другое продается во Владивостокѣ купцамъ. Топленый жиръ употребляется для смазки сапоговъ, а изъ шкуры изготовляются сумки, ремни и проч.

Между тѣмъ пароходъ входитъ въ проливъ и мы плывемъ между скалистыми берегами полуострова Муравьевъ-Амурскій и „Русскаго острова". Послѣдній довольно обширный. Площадь его равняется 110 кв. верстамъ. Берега извилисты и разнообразны: небольшія бухточки, заливчики и мыски по всему побережью острова. Рельефъ мѣстности горный. Горы эти не высоки и не скалисты. Онѣ покрыты рѣдкимъ лѣсомъ. Когда то, впрочемъ, не очень давно, весь островъ былъ покрытъ прекраснымъ смѣшаннымъ лѣсомъ. Тутъ были всѣ породы деревьевъ, произрастающихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Населеніе этихъ лѣсовъ было тоже

разнообразное и обильное. Въ большомъ количествѣ водились и козы, и кабаны, не говоря уже о мелкихъ животныхъ. Пернатый міръ былъ тоже обильный и разнообразный. Изъ съѣдобной пернатой дичи въ большомъ количествѣ водились фазаны. Теперь отъ этого лѣса остаются только воспоминанія: вмѣсто вѣковыхъ великановъ растетъ тощій кустарникъ, торчащіе между которымъ громадные пни напоминаютъ о когда то бывшей здѣсь богатой древесной растительности. Изъ животнаго міра остаются нѣсколько козъ, но и тѣ попрятались въ неприступныхъ, еще не тронутыхъ рукою человѣка, небольшихъ уголкахъ лѣса. Проточной прѣсной воды здѣсь пока достаточно. Горныя рѣчки, ручьи и ручейки были когда то въ большомъ количествѣ. Нынѣ, съ уничтоженіемъ лѣса, и они пошли на убыль. Благодаря плодородной черноземной почвѣ, здѣсь прекрасно разводятся овощи. Разводятъ ихъ китайцы, проживающіе здѣсь въ большомъ количествѣ. Фанзы ихъ, главнымъ образомъ, по берегамъ. Около нихъ видны большіе огороды. Противъ каждой фанзы на берегу шлюпки. На нихъ китайцы плаваютъ въ городъ, доставляя туда овощи и дичь на продажу. Кромѣ огородничества, китайцы занимаются здѣсь ловлею трепанговъ и краббовъ. Затѣмъ они имѣютъ немалый заработокъ и отъ расположеннаго здѣсь баталіона и батарей. Благодаря толко что построенной на островѣ православной церкви и пребыванію упомянутыхъ войсковыхъ частей, въ послѣднее время здѣсь селятся и наши мужички.

Въ половинѣ 12-го мы входимъ въ Золотой Рогъ. Часа черезъ полтора, захвативъ свои вещи и распрощавшись съ Чи-фу-са'емъ, я уже на вокзалѣ и, къ моему благополучію, какъ разъ къ отходу поѣзда.

Взявъ билетъ III класса до Никольска, я спѣшу занять свое мѣсто. Чрезъ нѣсколько минутъ поѣздъ двинулся и я мысленно прощаюсь съ Владивостокомъ. Снова замелькали—направо лѣсистая горная мѣстность, налѣво Амурскій заливъ. Ни тамъ, ни тутъ не было видно ни одного человѣческаго существа на протяженіи цѣлыхъ 3-хъ,—4-хъ десятковъ верстъ. Да это и неудивительно, такъ какъ Уссурійскій край въ сущности недавно перешелъ въ наше владѣніе—всего 36 лѣтъ тому назадъ. А давно ли онъ былъ дикъ и безлюденъ? Лѣтъ 10—15-ть тому назадъ. Сравнительно съ былымъ, можно сказать, что онъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ. Пройдетъ еще столько же лѣтъ и онъ будетъ неузнаваемъ. Теперь малонаселенный, плохо устроенный и мало культурный, онъ станетъ ареной бойкой и энергичной человѣческой дѣятельности; благоустройство и высшая культура здѣсь водворятся на вѣки; появятся новые города, села и мѣстечки, настоящія же примутъ болѣе привлекательный и благоустроенный видъ; онъ покроется фабриками и заводами, владѣльцы которыхъ будутъ не единичныя лица-капиталисты, а цѣлыя тысячныя артели рабочихъ; всѣ промысла отъ иностранцевъ перейдутъ въ наши руки; благосостояніе разольется равномѣрно по всѣмъ сословіямъ; имъ станетъ пользоваться не малочисленная группа счастливцевъ, а все населеніе, въ особенности крестьянское... Пока я мечталъ, поѣздъ не останавливаясь мчался впередъ, и я не замѣтилъ, какъ мы прибыли въ Угловую. Угловая—небольшая деревенька въ 10—12 домовъ, въ 6 верст. отъ желѣзнодорожнаго полотна. Семь—восемь лѣтъ тому назадъ здѣсь не было ни одного жилья. Въ 1889 г. здѣсь поселились нѣсколько запасныхъ солдатиковъ и матросовъ. Въ слѣдующемъ году къ нимъ присоединились нѣсколько поселенцевъ. Въ 1893 году этотъ поселокъ былъ надѣленъ землею. Нынѣ жители занимаются поставкою дровъ и строевого лѣса, ходятъ въ городъ на заработки. При постройкѣ желѣзной дороги пекли и продавали рабочимъ хлѣбъ, варили квасъ, содержали квартирки съ харчами для мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, возили грузъ и т. д.

Простоявъ на Угловой четверть часа, мы снова пустились въ путь. Между тѣмъ наступила ночь. Завернувшись въ пледъ и прикурнувшись въ уголъ вагона между двумя здоровенными солдатиками, я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Глава XXIV.

Мое прибытіе въ Никольское. Исторія села Никольскаго. Настоящее положеніе его.

30 марта. Сегодня рано утромъ разбудилъ меня кондукторъ. „Мы въ селѣ Никольскомъ. Вамъ надо уходить отсюда, такъ какъ поѣздъ сейчасъ отправляется далѣе“, сказалъ онъ. Я вскакиваю, хватаю свои вещи и бѣгу на платформу. Солнце только что всходитъ. Около буфета толпятся мои спутники по вагону. Поодаль отъ желѣзнодорожной станціи нѣсколько ломовыхъ извощиковъ. Я нанимаю одного изъ нихъ до Никольска. Взобравшись въ телѣгу, мы направляемся въ село.

— Къ кому прикажете завезти васъ?—спрашиваетъ у меня возница. Вчерась я двухъ господъ цѣлый день возилъ по селу, искалъ имъ фатеру. Насилу нашелъ.

— Какъ же быть?.

— Право не знаю. Здѣсь есть какъ бы въ родѣ гостиницы, проѣзжающіе останавливаются. Тоже биткомъ набита.

— А у васъ есть свой домъ?

— Есть, только небольшой, для себя. А вы долго пробудете здѣсь?

— Дня три, не больше.

— Въ такомъ разѣ я завезу васъ къ себѣ. А то проѣздимъ попусту до обѣда.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы въѣзжаемъ во дворъ. Онъ большой, въ немъ много построекъ, изъ которыхъ двѣ жилыя избы. Передняя въ улицу—большая изба; въ заднемъ углу двора флигелекъ въ два окна. Затѣмъ большой амбаръ, сарай, завозня... Чрезъ 5—6 минутъ мы уже сидѣли во флигелькѣ, въ переднемъ углу, за столомъ. Помѣщеніе небольшое, но чистое. Досчатая перегородка раздѣляетъ помѣщеніе на двѣ половины. Первая попросторнѣе, съ дверью въ сѣнцы. Въ переднемъ углу большой столъ, по обѣимъ сторонамъ его стулья, на стѣнѣ нѣсколько лубочныхъ картинъ. Другая половина съ русской пекарной печью—служитъ и кухней, и столовой, и спальной. Пока обозрѣвалъ я помѣщеніе, молодая хозяйка подала самоваръ, пшеничную булку, разрѣзанную на ломтики, и большой молочникъ съ молокомъ. Мы молча принялись удовлетворять свой аппетитъ.

— Сейчасъ поѣду за сѣномъ, а вы, господинъ, гостите, сказалъ мнѣ молодой хозяинъ квартиры, кончивъ чаепитіе. Простившись со мной и пошептавшись со своей молодой супругой, онъ ушелъ. Оставшись одинъ, я погружаюсь въ свои думы. Онѣ невеселыя: денегъ маловато. Слѣдуетъ спѣшить въ Хабаровскъ, иначе застряну гдѣ нибудь въ тайгѣ Поэтому могу пробыть въ Никольскѣ только дня два—три, почему не теряя минуты долженъ посвятить сегодняшній день Никольску. И я спѣшу: захвативъ свою записную книжку, ухожу странствовать по селу.

Возвращаюсь на квартиру поздно вечеромъ. На крыльцѣ сидитъ молодая хозяйка, ожидая моего возвращенія. Извинившись, вхожу въ домикъ, наскоро ужинаю и готовлю себѣ ложе. Хозяева мои уже спятъ, но я не могу послѣдовать ихъ примѣру, не записавъ въ свою книжку всѣхъ добытыхъ мною свѣдѣній о Никольскѣ.

За много лѣтъ до присоединенія южной части Приморской области къ нашимъ владѣніямъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположено село и войсковыя постройки, обитали манчжуры и китайцы, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ. На мѣстѣ, обнесенномъ валомъ, стояли небольшія фанзы, гдѣ квартировалъ небольшой отрядъ китайско-манчжурскихъ войскъ. Когда онъ ушелъ отсюда—неизвѣстно. Что касается до манчжуръ и китайцевъ, то часть ихъ тоже разбрелась; остальные же продолжали жить, не думая покидать насиженное мѣсто даже въ то время, когда здѣсь поселились наши крестьяне. Первые наши переселенцы, прибывшие сюда въ 1866 г., были съ низовьевъ Амура, куда они переселились въ началѣ 60-хъ годовъ изъ Астраханской и Воронежской губерній. Съ этими переселенцами, при переправѣ ихъ чрезъ оз. Ханка, случилось весьма крупное несчастіе: баржу съ ихъ имуществомъ оторвало отъ буксирующаго ея парохода и унесло неизвѣстно куда. Несмотря на самые тщательные поиски, баржу не нашли. Потерявъ свое имущество, эти первые переселенцы добрели до этого поселенія, гдѣ и засѣли, основавъ село Никольское. Съ этого времени ежегодно стали селиться сюда переселенцы, преимущественно изъ Малороссіи. Въ первые годы по поселеніи, каждое семейство было надѣлено землею по 100 дес. и деньгами, заимообразно, на покупку инвентаря, отъ 100 до 120 р. на семью. Кромѣ

этого, почти ежегодно въ теченіе первыхъ лѣтъ, казна отпускала имъ и провіантъ, тоже заимообразно. Въ 1868 г. здѣсь былъ расквартированъ небольшой отрядъ солдатъ. Въ томъ же году Никольскъ посѣтили хунхузы. Они ограбили жителей, перерѣзавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Оставшіеся въ живыхъ разбѣжались. Когда хунхузы были разбиты и пойманы, а часть ихъ скрылась въ Манчжуріи, никольцы снова возвратились на свое попелище. Благодаря помощи казны, они снова оправились.

Прекрасное мѣстоположеніе села побудило администрацію края назначить Никольскъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ расквартированія войскъ. Это обстоятельство не мало способствовало увеличенію населенія этого села. Размѣщеніе войскъ здѣсь началось съ конца 70-хъ годовъ и къ 1880 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ китайскій отрядъ, былъ русскій баталіонъ и батарея. Въ началѣ 80 г. здѣсь поселился исправникъ и открыты: окружное полицейское управленіе, училище, телеграфная и почтовая станціи съ пріемомъ внутренней почтовой и телеграфной корреспонденціи. Обѣ станціи были соединены въ 1888 г. въ одну почтово-телеграфную контору. Въ 1893 г. здѣсь учреждено общественное собраніе. Въ томъ же году открыта при немъ библіотека. Въ день ея открытія она состояла изъ 1500 томовъ.

Благодаря всему этому, нынѣ въ южной части Приморской области этотъ пунктъ безспорно занимаетъ второе мѣсто послѣ Владивостока по численности населенія, по торговлѣ, промышленности и проч. *). Въ длину Никольское растянулось на 3 версты, а въ ширину почти на 2. Большая часть домиковъ—небольшіе, выбѣленные известью и съ завалинками. Среди ихъ есть много и крупныхъ зданій—каменныхъ и деревянныхъ. Три церкви, изъ которыхъ одна еще только строится. Торговыхъ заведеній множество: магазиновъ около 15 и болѣе мелкихъ лавокъ 12. На двухъ базарахъ, на старомъ китайскомъ и новомъ, 79 лавокъ. Кабаковъ во всемъ селѣ 40. Большая половина послѣднихъ принадлежитъ, какъ и во Владивостокѣ, одной крупной торговой фирмѣ. Ремесленныхъ и промышленныхъ заведеній—кузницъ, столярныхъ мастерскихъ, кожевень, колбасныхъ и т. д. тоже довольно. Мастера этихъ заведеній большею частью китайцы. Постоялыхъ дворовъ 17, и почти всѣ они содержатся китайцами. Жилыхъ построекъ: русскихъ 320, нежилыхъ 200; китайскихъ: жилыхъ 52, нежилыхъ (магазины, лавки, товарные склады) 120. Населенія: русскихъ крестьянъ обоего пола 2160 душъ, составляющихъ 330 семействъ. Разночинцевъ 50; китайцевъ около 5900, корейцевъ около 560, японцевъ 250 (изъ послѣднихъ большая часть женскаго пола).

*) Прошло 5—6 мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда изъ Приморской обл.,—и Никольское стало городомъ.

Глава XXV.

Современное экономическое состояніе никольцевъ. Арендаторы.

31 марта. Сегодня всталъ поздно. Окончивъ свой туалетъ, сажусь за столъ.

— Гдѣ же хозяинъ? спрашиваю молодую женщину, которая подаетъ мнѣ самоваръ.

— Тятя опять послалъ его за сѣномъ,—говоритъ она.

Молодая женщина ушла, затворивъ за собою дверь. Оставшись одинъ, я погружаюсь въ свои думы. Вчера, для пріобрѣтенія необходимыхъ данныхъ о николь-

цахъ, я выходилъ Никольскъ вдоль и поперекъ; былъ и въ волостномъ правленіи, и въ окружномъ полицейскомъ, а, главное,—цѣлыхъ три часа просидѣлъ среди никольскихъ старичковъ на сходкѣ. Нѣсколько разработавъ собранныя данныя, я заношу въ этотъ дневникъ главныя и особенно интересныя изъ нихъ.

Въ предыдущей главѣ мною уже было упомянуто, что въ Никольскѣ 330 семействъ крестьянъ, составляющихъ въ общемъ около 2160 душъ. Какъ же живется этому населенію? На этотъ вопросъ могутъ отвѣтить слѣдующія цифры.

Рогатаго скота у никольцевъ 2390 головъ, лошадей 1120, домашней птицы (куръ, гусей, утокъ) много почти въ каждомъ дворѣ: у меньшинства по 10 и по 15, у большинства по 20—40 шт. Свиней около 1699 шт. Ихъ никольцы откармливаютъ и продаютъ китайцамъ по 35, по 40 рублей за каждую. Китайцы отправляютъ ихъ въ Цицикаръ сухопутно до станицы Полтавской, а оттуда до Сан-чаго и далѣе. Въ теплое время года свиней гонятъ манзы большими стадами, для чего по всему пути китайцами содержатся постоялые дворы, гдѣ для этой живности держатъ большіе запасы корма. Въ холодное время года свиней везутъ тушами уже опаленныхъ. Однако, возвращаюсь къ никольцамъ.

Если раздѣлить всю живность по семьямъ, то окажется слѣдуюшее: у 85 семействъ у большинства по 5 лошадей, у меньшинства по 6; у всѣхъ 85-ти по 7 шт. рогатаго скота и по 5—6 свиней. У 69 семействъ по 5 лошадей, у большинства по 6 шт. рогатаго скота, у меньшинства по 7 шт.; у большинства по 3—4 свиньи, у меньшинства по 2. У 16 семействъ по 4 лошади, у большинства по 9 шт. рогатаго скота, у меньшинства по 10 шт., у всѣхъ 16 семействъ по

4 свиньи. У 48 семействъ по 3 лошади, у большинства по 3 шт. рогатаго скота, у меньшинства по 4; у всѣхъ 48-ми по 2—3 свиньи. У 76 семействъ по 2 лошади, у большинства по 3 шт. рогатаго скота, у меньшинства по 4; у всѣхъ 76 сем. по 2 свиньи. У 13 семействъ у большинства по 1 лошади, у меньшинства по 2; у большинства по 2 шт. рогатаго скота; у всѣхъ 13—по 2—3 свиньи. У 23-хъ семействъ нѣтъ ни лошадей, ни рогатой скотины, за то по 3—4 свиньи и по нѣскольку куръ. Эти 23 семьи или бѣдняки, или новоселы, недавно поселившіеся въ Никольскѣ.

Другой, не менѣе важный, показатель благосостоянія крестьянъ—количество десятинъ земли, засѣеваемыхъ ими. 26 семействъ засѣваютъ по 3—4 десятины; 89 семействъ засѣваетъ отъ 5 до 10 десятинъ; 63 семейства засѣваютъ отъ 10 до 20 десятинъ; 87 семействъ засѣваютъ отъ 20 до 30. Наконецъ, 65 семействъ совсѣмъ не занимаются хлѣбопашествомъ.

Прочтя эти строки о количествѣ засѣваемыхъ никольцами десятинъ земли, на первый взглядъ можно сдѣлать заключеніе, что они по прежнему, „*по росейски*“—ярые хлѣбопашцы. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ иначе. Они начинаютъ превращаться въ скромныхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, такъ какъ въ лицѣ китайцевъ и корейцевъ старожилы-крестьяне Уссурійскаго края имѣютъ заправскихъ арендаторовъ-хлѣбопашцевъ. Отдача китайцамъ и корейцамъ крестьянами земель въ аренду все болѣе и болѣе увеличивается. Можно думать, что въ недалекомъ будущемъ, если не всѣ крестьянскія пахотныя земли, то большая часть ихъ перейдутъ въ аренду къ китайцамъ. Арендованіе ими крестьянскихъ земель началось въ Никольскѣ съ самаго прибытія сюда переселенцевъ.

Вчера одинъ изъ старичковъ на сходкѣ разсказывалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее. Когда они, будущіе никольцы, пришли сюда, то здѣсь было нѣсколько фанзъ, обитатели которыхъ, манзы, занимались хлѣбопашествомъ. Надо отдать справедливость нашимъ мужикамъ—они не тронули „чужестранцевъ"-тружениковъ, хотя земли, которыя обработывали манзы и стали впослѣдствіи принадлежать крестьянамъ. Когда послѣднее обстоятельство „доподлинно стало извѣстно", міръ объявилъ „чужестранцамъ", что „вотъ-де земли-то, что вы занимаете, таперича значитъ наши, крестьянски. А потому вы того, должны уйти отселева"... Вмѣсто отвѣта манзы вынули изъ кармана деньги и показали ихъ крестьянамъ.

— „Хозанъ" говорили они. „Ну, это другое дѣло, заговорили мужики.—Надо, братцы, это разобрать"... Стали галдѣть.

— Судачили, судачили мы это, разсказывалъ мнѣ старикъ и порѣшили оставить манзъ, пусть себѣ обработываютъ землю и хозяину платятъ деньги за участокъ, какъ дѣлается это у насъ въ Расеи. Все равно, землицы-то довольно, по 100 десят. на семью. Вѣдь всего-то, по первости, станешь вспахивать не болѣе десятинокъ 2—3, а остальныя станутъ пустовать", резонно порѣшилъ міръ. А сколько брать съ нихъ денегъ-то? Опять загалдѣли. Но галдѣли не долго. Рѣшающій голосъ имѣлъ тогда у насъ одинъ старичекъ. Хорошій былъ человѣкъ и разумный. Ребята, сказалъ онъ, надоть по божески. Хотя этотъ манза и нехристь, всежъ-таки, каковъ бы не былъ людъ, значитъ человѣкъ бо есть... У него тоже дѣтишки, онамедни я видѣлъ". По божески, такъ по божески. И порѣшили взять на первый разъ съ манзъ по пятиткѣ съ десятины. А такъ какъ манзы обработывали по

пяти десятинъ, то и приходилось съ нихъ по 25 руб. съ каждаго.

Въ первые два—три года, внимательно приглядываясь къ китайскому способу обработки земли, крестьяне пришли къ заключенію, что ихъ „лендаторы" въ этомъ дѣлѣ, какъ говорится, заткнули ихъ за поясъ. „*Няньчится, какъ манза съ полемъ*", стало у никольцевъ поговоркою. А благодаря исправной уплатѣ манзами арендныхъ денегъ, китайцы, а впослѣдствіи и корейцы, окончательно заслужили благорасположеніе крестьянъ, и количество косоглазыхъ „лендаторовъ" съ каждымъ годомъ стало увеличиваться все болѣе и болѣе. Въ настоящее время вотъ въ какомъ положеніи въ Никольскѣ это арендаторство: 65 семействъ, совсѣмъ не занимаясь хлѣбопашествомъ, свои надѣлы отдаютъ китайцамъ; 140 семействъ, засѣвая сами по 3—8 десятинъ, отдаютъ остальную землю въ аренду тѣмъ же китайцамъ по 10—15 десятинъ. Всего въ 1896 г. было отдано никольцами въ аренду до 4000 десятинъ. Условія, на которыхъ производится аренда китайцами крестьянскихъ земель, слѣдующія. Одними земля арендуется на годъ, съ платою за каждую десятину по 6—7 р., если земля посредственная; если же она хорошая, черноземная, то по 12 р. за десятину. Другими она арендуется съ тѣмъ условіемъ, что пашня должна быть вспахана быками или лошадьми. Для этого владѣлецъ земли даетъ своему „лендатору" быковъ или пару лошадей на время пахоты и зерно для посѣва. Такимъ образомъ на долю арендатора приходится только уходъ за полемъ, уборка и молотьба. Когда жатва собрана и смолочена, то все зерно перевѣшивается и дѣлится пополамъ; одну половину получаетъ владѣлецъ земли, другую китаецъ-арендаторъ. По словамъ никольцевъ, самый выгодный

для нихъ способъ отдачи земель въ аренду—это послѣдній. При хорошемъ урожаѣ, весьма нерѣдкомъ здѣсь, сборъ хлѣба случается самъ 30—40 и въ такихъ случаяхъ обѣ стороны остаются при раздѣлѣ зерна при большихъ барышахъ. Даже при обыкновенномъ среднемъ урожаѣ для крестьянъ болѣе выгоденъ послѣдній способъ. Если такимъ образомъ второй способъ выгоденъ для крестьянъ, владѣльцевъ земли, то первый, т. е. отдача земли за деньги, выгоденъ для китайцевъ. Отлично понимая свою выгоду, хитрый манза всегда старается заарендовать земли за деньги. Въ этомъ случаѣ, кромѣ большаго дивиденда, онъ пользуется свободою засѣвать на землѣ что ему угодно. Но и крестьянинъ отлично понимаетъ что ему выгодно, а потому среди никольцевъ вѣроятно практиковался бы больше второй способъ, если-бъ не сопряженныя съ нимъ дрязги и ссоры владѣльца земли съ своимъ арендаторомъ: то первому покажется, что манза скрылъ отъ него нѣсколько „суслоновъ", то китайцу покажется, что „хозанъ" земли тайно увезъ къ себѣ въ село возъ—другой „суслоновъ" немолоченныхъ. Чтобы уличить другъ друга въ кражѣ еще общаго не раздѣленнаго добра, они старательно подсматриваютъ другъ за другомъ и не смотря на это говорятъ, что обоюдное утаиваніе суслоновъ другъ отъ друга все-таки случается. Неудивительно послѣ этого, что разсудительные и степенные крестьяне, не гоняясь за большими барышами, предпочитаютъ отдавать землю за деньги.

Хозяинъ квартиры возвратился сегодня съ сѣномъ довольно рано. Во время ужина мы бесѣдовали съ нимъ. Желая ближе познакомиться съ бытомъ никольцевъ, я усердно распрашивалъ его на эту тему. Въ особенности меня интересуетъ, такъ называемое,

„зимовье". Что это за штука, и что тамъ дѣлаетъ цѣлое семейство никольца, нерѣдко проживающее тамъ круглый годъ? Объясненія моего собесѣдника меня не удовлетворили и я высказалъ желаніе съѣздить въ чье-нибудь зимовье...

— „А вотъ хорошая оказія, лучше и желать нельзя! заявилъ мнѣ хозяинъ. Завтра я ѣду тоже за сѣномъ, а вѣдь сѣно-то у насъ около нашего зимовья. Вотъ вмѣстѣ и поѣдемъ.

Я конечно съ удовольствіемъ согласился.

Глава XXVI.

Зимовье никольскаго крестьянина. Что заставляетъ крестьянина жить въ зимовьѣ. Нѣсколько словъ о крестьянскихъ гулянкахъ.

1 апрѣля. Всталъ сегодня одновременно съ хозяиномъ квартиры. Послѣ сытнаго, но простого завтрака, я сажусь въ одну телѣгу, а онъ въ другую, и мы выѣзжаемъ изъ воротъ. У калитки стоитъ высокій, статный старецъ съ большой сѣдой и окладистой бородой. Смотря на нашъ небольшой караванъ (изъ 2 телѣгъ), онъ улыбается. Открытое и доброе лицо его мнѣ весьма понравилось и я невольно поклонился ему. Старикъ отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ и, что-то крикнувъ, засмѣялся добродушнымъ старческимъ смѣхомъ.

— Мой тесть-батюшка! кричитъ мнѣ съ первой телѣги хозяинъ, когда мы проѣхали усадьбу его тестя. Чрезъ нѣсколько минутъ мы выѣзжаемъ изъ Никольска и поднимаемся на небольшой, безлѣсный, пологій холмъ. Отсюда я оглядываю разстилающуюся предо мною равнину, на которой расположено село. Она широкая, версты 4—5. По одну сторону равнины, на юго-востокѣ, тянутся холмы—частью покрытые

лѣсомъ и конусообразные, частью голые и пологіе; далѣе къ востоку—плоскогорье. Отъ востока къ сѣверу опять невысокіе безлѣсные холмы. На сѣверозападѣ обширная, мѣстами болотистая равнина На западѣ опять невысокіе, пологіе и безлѣсные холмы, пересѣкаемые рѣкою Суйфунъ, протекающей съ запада на югъ. По ту сторону Суйфуна, къ югу, тоже холмы. Склоны ихъ частью покрыты лѣсомъ, частью полями. По срединѣ равнины съ сѣверо-запада течетъ небольшая рѣчушка Раковка. Низменные берега ея представляютъ двѣ полосы кочковатаго болота, поросшаго мѣстами кустарникомъ. Протекая по равнинѣ, на которой расположено Никольское, рѣчушка поворачиваетъ къ востоку и впадаетъ въ рѣчку Супутинку. Послѣдняя тянется съ сѣверо-востока. За 4—5 верстъ отъ впаденія въ Суйфунъ, она поворачиваетъ къ юго-западу, протекая по восточной окраинѣ села. Такимъ образомъ Никольское расположено какъ бы на полуостровѣ: съ одной стороны Суйфунъ въ 1½ в. отъ Никольска, съ другой—Супутинка, съ третьей—Раковка.

Спустившись съ холма, мы снова въ долинѣ, уходящей на западъ. Долина эта не широка—версты 1½. Все пространство ея, а отчасти и склоны окружающихъ ее холмовъ, покрыты пашнями. Кое-гдѣ среди послѣднихъ фанзы. Почти на каждой пашнѣ копошатся манзы, и кое-гдѣ и наши землепашцы-крестьяне. Ѣхали мы часа четыре. Долина постепенно съуживается.

Не доѣзжая узкаго пространства ея, мы свернули въ боковую падь, поднялись на пологій холмъ и опять спустились въ долину, по срединѣ которой течетъ ручеекъ. Долина эта не широкая. Кое-гдѣ группы деревьевъ. Какъ и въ первой долинѣ, здѣсь также

повсюду пашни и одиноко стоящія фанзы съ копошащимися около ихъ манзами. Наконецъ, въ 11 часу мы свернули къ одной избѣ. Она большая, съ окнами въ четыре маленькихъ стекла. Около избы съ одной стороны сарай. Тамъ сохи, бороны, телѣги и проч. Съ другой дворы; нѣкоторые изъ нихъ закрыты сверху, а стѣны ихъ обмазаны глиной; наружныя стѣны дворовъ и избы до половины завалены навозомъ. Груды навоза и внутри дворовъ, и около избы на протяженіи нѣсколькихъ сажень въ сторону. Неподалеку отъ дворовъ небольшой зародъ сѣна. Вотъ за нимъ-то мы и пріѣхали. Подъѣзжаемъ къ избѣ и слѣзаемъ съ телѣги. Изъ избы выходитъ молодой красавецъ въ красной кумачевой рубахѣ, высокій, мускулистый, краснощекій дѣтина съ небольшой русой бородкой. Это старшій сынъ старичка, привѣтствовавшаго насъ сегодня у калитки. Дѣтина съ удивленіемъ смотритъ на меня. Послѣ обычныхъ привѣтствій, насъ приглашаютъ войти. Не ожидая другого приглашенія, я вхожу. Шуринъ и зять остаются одни и навѣрно бесѣдуютъ обо мнѣ, такъ какъ красная рубаха не переставала смотрѣть на меня. Прежде чѣмъ войти въ избу, пришлось пройти большія сѣни безъ пола и потолка. Въ сѣняхъ подъ крышей на перекладинахъ висѣли шкуры, по стѣнамъ—сбруя и проч. Окинувъ бѣглымъ взлядомъ сѣни, я вошелъ въ избу. Первое, что поразило меня—это чистота. Стѣны, потолокъ и большая русская печь по срединѣ избы, отлично выбѣленные, блестятъ. Полъ, отлично вымытый, возбуждаетъ сожалѣніе, что приходится топтать его. По стѣнамъ—лавки. Около печи съ одной стороны кровать, съ другой стороны—другая. Около первой—зыбка. На другой кровати копошатся двое малютокъ. Въ кути

у стола сидитъ за пряжей очень молоденькая женщина. Около нея увивается молодой дѣтина, такой же здоровый и мускулистый, какъ и первый, старшій братъ его. Это пара—молодыхъ. Въ зыбкѣ—ихъ первенецъ. У печи хлопочетъ за самоваромъ другая дородная молодая женщина. По росту, по мускулатурѣ, по цвѣту лица она вполнѣ соотвѣтствуетъ своему мужу въ красной рубахѣ. Копошившіяся на кровати малютки—дѣти ихъ. Вскорѣ вошелъ ея мужъ и мой хозяинъ. Отобѣдавъ, мы отправились: мужики накладывать сѣно, я—бродить около зимовья.

Прошло часа полтора. Сѣно на телѣгахъ, и мы отправляемся обратно.

Теперь мы идемъ пѣшкомъ за возами и ведемъ бесѣду.

— Почему эти молодцы не живутъ въ Никольскѣ? между прочимъ спрашиваю я своего спутника.

— Не понутру имъ жить при отцѣ, вотъ что. Старикъ строгій. Не любитъ, когда они лодырничаютъ да нѣжатся съ бабами... Требуетъ, чтобы работали. А имъ, наоборотъ, не понутру работать отъ зари до зари... И бабы не любятъ свекровку, значитъ, мою тещу. Тоже строгая на этотъ счетъ. Страсть что такое было, когда они жили въ Никольскѣ: каждый день ссоры да драки. То свекровка съ невѣстками, то отецъ съ сыновьями. Старики требовательны: то не по ихнему, другое тоже. Дошло до того, что сыновья-то дѣлежки стали просить. Тогда вмѣшались родители молодухъ и посовѣтовали имъ вмѣсто раздѣла проситься въ зимовье. А молодцы-то и раньше просились, да безъ успѣха. Старики не соглашались отпускать ихъ туда. Тогда сыновья подослали старичкамъ квартиранта въ другую половину дома, гдѣ жили молодые. Цѣну квартирантъ давалъ хорошую

—по 6 р. въ мѣсяцъ. Старикъ, жадный на деньги, не захотѣлъ опустить эту оказію—получать ежемѣсячно по 6 р.—и согласился отпустить сыновей въ зимовье, а въ ихъ половину пустилъ квартиранта. Вотъ съ того времени они и живутъ въ зимовьѣ. Въ большіе праздники пріѣзжаютъ домой къ отцу—матери. Проводятъ праздники,—и опять въ зимовье. Здѣсь почти половина сельчанъ живутъ по зимовьямъ, а дома въ Никольскѣ отдаютъ въ кортомъ. Выгодно. Если дома большіе, то получаютъ по нѣсколько сотъ рублей въ годъ.

— Что же они дѣлаютъ въ зимовьѣ?

— Да мало ли дѣла—за скотомъ ходятъ, своихъ „лендаторовъ“ караулятъ, чтобы не перевели за себя лишнее зерно, сверхъ уговора. А лѣтомъ многіе все-таки засѣваютъ, про себя значитъ, чтобы не покупать хлѣба. Ну, пособляютъ бабамъ работать въ огородахъ, много косятъ сѣна и себѣ, и на продажу. Когда строилась чугунка, многіе работали тамъ, а другіе доставляли рабочимъ съѣстные припасы. Большія деньги заробили и тѣмъ, и другимъ.

— А правда-ли, что будто-бы всѣ Никольцы пьянствуютъ? *).

— По праздникамъ гуляютъ,—точно. На то и праздники даны. Всѣ ходятъ по гостямъ другъ къ другу. Пришли къ кому гости, хозяинъ старается угостить на славу своихъ гостей. Наставятъ закусокъ столько, что столъ ломится. А при закускѣ какъ не быть водкѣ,—сами посудите! Гуляютъ, гуляютъ да перепьются. А прошелъ праздникъ—шабашъ, не увидите пьяныхъ. Я живу здѣсь 11 лѣтъ, и хорошо знаю ихъ житье бытье,—такъ закончилъ мой спутникъ.

Возвратились мы домой въ этотъ день поздно вечеромъ.

---

*) По словамъ г. Крюкова всѣ крестьяне села Никольскаго пьянствуютъ въ будни и въ праздникъ („Землепользованіе“).

Глава XXVII.

Жизнеописаніе одного изъ маленькихъ людей. Балаболкинъ, какъ преобладающій типъ запасныхъ. Мнѣніе о послѣднихъ старика-крестьянина. Мой отъѣздъ.

Апрѣля 2 д. По случаю наступающаго праздника, Балаболкинъ (хозяинъ моей квартиры) сегодня въ самомъ веселомъ настроеніи. Онъ оживленъ и разговорчивъ, къ тому же кажется весьма не глупый мужикъ и его юморъ и весьма мѣткія выраженія возбудили во мнѣ интересъ къ нему. И въ самомъ дѣлѣ, кто и что онъ? Живу въ его домѣ третій день и, признаюсь, еще не поинтересовался имъ... Но, съ другой стороны, имѣютъ ли значеніе какія-нибудь данныя изъ жизнеописанія такого, въ сущности, маленькаго человѣка, какъ этотъ бѣднякъ? Задавшись въ этомъ путешествіи обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на людей, ихъ жизнь и дѣятельность, не долженъ ли авторъ пользоваться каждымъ случаемъ, могущимъ освѣтить эту сложную, разнообразную и живую картину человѣческаго существованія? Населеніе этого края состоитъ большею частью изъ подобныхъ маленькихъ людей. Раздѣливъ ихъ на группы и познакомившись по крайней мѣрѣ съ однимъ существомъ каждой группы, не достигаетъ ли авторъ желаемой цѣли—хоть нѣсколько освѣтить темную и, такъ сказать, подводную часть „житейскаго моря"?.. Мнѣ кажется—да! Съ такими мыслями я сталъ сегодня бесѣдовать съ Балаболкинымъ. Результатъ этой бесѣды—нижеслѣдующая исторія его жизни, которую я записываю безъ измѣненія.

„Я изъ Тобольской губерніи,—началъ свое повѣствованіе Балаболкинъ.—Мы не были богаты, не были

и бѣдны: недостатка ни въ чемъ не имѣли. Семья наша была небольшая: отецъ, мать, мой старшій братъ съ женой, я и одна сестра. Вотъ и вся наша семья. Когда вышла солдатчина, то моему брату надо было идти на службу. Ему страсть какъ не хотѣлось. Сталъ меня просить. Отецъ тоже. А матери хотѣлось чтобъ я дома остался, хотѣла женить меня... Невѣсту выбрала мнѣ по своему вкусу. Вотъ отецъ и говоритъ мнѣ: „Иди, послужи Царю-Батюшкѣ, а возвратишься —животныхъ дамъ тебѣ и денегъ побольше, богатый будешь". Я думаю себѣ,- что-жъ въ такомъ разѣ не итти-ть! Пойду молъ,—и пошелъ. Пришли сюда. Служу годъ, служу другой, служу третій. На четвертомъ получилъ нашивки на погоны. На пятомъ сошелся съ нею (киваетъ на свою жену), а потомъ вскорѣ и въ запасъ уволили... Возвращаться домой не хотѣлось, потому отецъ ужъ померъ, мать тоже. Пишу докладную начальству—такъ и такъ, молъ, хочу остаться здѣсь, чтобъ заняться хлѣбопашествомъ. Ладно, говорятъ, на тебѣ сто рублевъ, займись. Получилъ я эту сотню, и думаю себѣ: умные люди милліоны наживали съ однимъ рублемъ, а у меня ихъ цѣлыхъ сто! Попробую, не наживу-ли и я что-нибудь. Куда-бы, молъ, употребить ихъ для большихъ барышей? Придумалъ—открыть кабакъ или ренсковой погребъ. Разлюбезное дѣло! Только не здѣсь, говорятъ, а въ городѣ, потому тамъ матросовъ этихъ въ навигацію — хоть прудъ пруди, а деньжищъ у нихъ тысячи. Да, ежели въ этотъ ренсковый погребъ или кабачекъ двухъ трехъ подносчицъ, такъ деньжищи рѣкой польются въ мой карманъ. Ладно, поѣхалъ въ городъ. Пріѣзжаю, и сразу натолкнулся на своихъ товарищей по баталіону. Они, какъ и я, получили по 100 р., чтобы заняться здѣсь хлѣбопа-

шествомъ. Ну, вспомнили старину, съ радости выпили, и еще выпили... Проспались, надо опохмѣлиться—выпили, и еще выпили... Проспались. Надо опохмѣлиться —выпили, и еще выпили... Пили, пока въ карманѣ гремѣли деньги. Однажды просыпаюсь—подъ заборомъ! Около меня—никого! Щупаю карманы—ни одного гроша! Ѣсть хочется, но не чего и купить не на что. Продалъ пальто и шаровары. На вырученныя деньги, думаю, буду покупать себѣ жратву, а пока послѣдняя будетъ, стану работишку искать. Отлично! Ищу день, ищу другой. Вездѣ манзы да манзенки, „а вашего брата-„пьяницъ", говорятъ, и даромъ не надо". Не надо, такъ и не надо, чортъ съ вами. На четвертый день—ни работы, ни жратвы... Вспомнилъ про Никольскъ. Думаю себѣ, тамъ есть мои хорошіе знакомые мужички-доброжелатели. Пойду-ка, молъ, лучше туда. И пошелъ. Пока шелъ, собиралъ пропитаніе Христовымъ именемъ. Стыдно было, да дѣлать нечего, голодъ не мамка. На третій день прихожу сюда. Здѣсь сразу посчастливилось. Въ тѣ поры сѣнокосъ только что наступилъ и я (благодареніе Господу!) попалъ въ самый разъ. Нанялся. Сѣнокосъ прошелъ, оставили убирать хлѣбъ. Убрали хлѣбъ,—оставили на зиму. Ну, молъ, слава Богу! Не придется нищенствовать да жульничать! Къ рождеству кое-чѣмъ обзавелся и опять сталъ франтить. Сошелся опять со своей старой зазнобушкой... Говоримъ другъ другу: „пожениться, молъ, надо". Да и братья ея сердились на меня, хотѣли бока намять и спровадить обратно во Владивостокъ. Поженились. Съ братьями ея, что видѣли вы вчера, помирился и они схлопотали за меня у своего отца, а у моего, значитъ, тестя, чтобы онъ взялъ меня въ домъ къ себѣ ходить за хозяйствомъ. Не хотѣлось мнѣ этого. Думалъ, займусь лучше какимъ-нибудь выгоднымъ дѣломъ... Для этого послалъ депешу брату—что вотъ, молъ, такъ и такъ, отецъ обѣщалъ наградить, посылай, молъ... Получаю отвѣтъ, пишетъ: „отецъ ничего не оставилъ тебѣ". Ну, Богъ съ вами! Какъ нибудь проживемъ... Перешелъ на житье къ тестю и съ той поры живу здѣсь. Трудновато жить у него, не по мнѣ, да главное ничего не видишь предъ собой. Даровой работникъ и только. Хоть бы деньжонки заработать на обзаведеніе. Просился у тестя на чугунку, не пустилъ. Просилъ общество принять меня да землицы отвести десятинокъ 100, по закону значитъ. Не принимаютъ, говорятъ: „сначало проси своего тестя-батюшку". А тесть все помалкиваетъ. Если-бъ приняли въ общество да дали-бы землю—я-бъ тогда сразу поправился: нашелъ-бы „алендаторовъ" на всѣ сто десятинъ. Мое дѣло—только-бъ денежки получать.. Теперь не знаю, что и будетъ, на что и надѣяться... Перебиваемся изо дня въ день. Тесть отпускаетъ намъ на содержаніе по три пудика въ мѣсяцъ и того да другого—на приварокъ натурой, значитъ, какъ солдату. Сколько, молъ, съѣдите съ бабой, а чтобъ лишнее—ни-ни! А лопотишку, молъ, какъ? спрашиваю у него.—„А на лопоть долженъ зарабатывать", говоритъ.—„Да когда же, молъ, зарабатывать, коли я каждый день съ утра до поздней ночи у васъ, тятя, на работѣ?"—„Выбирай, говоритъ, порувремячко между дѣлами, да не празднуй праздники-то, вотъ и будетъ у тебя копѣйка".—„И за то спасибо".

Послѣ бесѣды, Балаболкинъ и его жена ушли въ церковь. Я остался одинъ.

Признаюсь, въ разсказѣ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, много неяснаго. Дополнить эти недомолвки необходимо, хотя бы для полной и всесторонней ха-

рактеристики этого одного изъ запасныхъ солдатиковъ. Мѣстная администрація давно желаетъ увеличить ими число полезныхъ и трудолюбивыхъ ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ. О томъ, что всѣ эти надежды остаются тщетными, я не разъ слышалъ. О причинѣ этого ходятъ самые разнорѣчивые толки и мнѣнія.

Къ сожалѣнію, большая часть говорившихъ мнѣ объ этомъ предметѣ—лица мало компетентныя и, мнѣ кажется, должную оцѣнку Балаболкина или покрайней мѣрѣ требуемый матеріалъ для оцѣнки какъ его, такъ и вообще запасныхъ, оставшихся на жительствѣ въ этомъ краѣ, дастъ только такое лицо, какъ этотъ старикъ—тесть Балаболкина, нѣсколько лѣтъ имѣющій дѣло съ запасными. Покрайней мѣрѣ, я желалъ бы услышать отъ дѣда о причинѣ, почему его зять не пользуется милостью... Кромѣ этого, потолковать съ такимъ опытнымъ крестьяниномъ, какъ этотъ дѣдъ, вообще интересно. Съ этой мыслью, я выхожу изъ флигелька и, затворивъ дверь, отправляюсь за ворота, гдѣ и нахожу дѣда на скамейкѣ. Мы встрѣтились какъ старые, хорошіе знакомые, очень давно не видѣвшіе другъ друга. Прежде всего старикъ началъ распрашивать обо мнѣ: кто и что я, откуда ѣду и куда, зачѣмъ, почему заѣхалъ къ его зятю Балаболкину и т. д. Долго сыпались на меня эти и подобные вопросы. Когда любопытство старика было удовлетворено, пришла моя очередь задавать ему вопросы. Его разсказъ объ основаніи Никольска, о его переселеніи въ этотъ край и проч. ничѣмъ не отличается отъ разсказа, уже помѣщеннаго мною въ одной изъ предыдущихъ главъ. Когда вопросы о немъ были всѣ исчерпаны, я заговорилъ о его зятѣ, запасномъ солдатикѣ. Тутъ и веселое настроеніе, и хладнокровіе, казалось, совсѣмъ покинули дѣда. Онъ сердито и размахивая руками, заговорилъ о запасныхъ вообще и о Балаболкинѣ въ частности. Передаю резюме его отзыва. Всѣ запасные, въ особенности же Балаболкинъ, лодыри и пройдохи; работать по крестьянски, по ихъ словамъ, они не могутъ, „непривычны“; „непривычны мы,—говорятъ они,—и къ ремесламъ. Первое, не учены, а второе—склонности нѣтъ“... По мнѣнію дѣда, они врутъ. Балаболкинъ сначала тоже говорилъ: „Не могу, да не могу“! А заставилъ дѣдъ его,—все сталъ дѣлать. Стонетъ да дѣлаетъ... А какъ ему не хочется, въ особенности, пахать—страсть! Какія отговорки не выдумывалъ. Ничего не помогло,—дѣдъ неумолимъ. Всѣ запасные стараются найти легкій заработокъ. Самое любимое для нихъ занятіе—это сидѣть въ кабакѣ или въ лавочкѣ и торговать виномъ или мелочью. До винца всѣ они падки, будто пчелы до меда. Если-бъ Балаболкинъ не учинилъ съ его дочерью подлость, то онъ, дѣдъ, ни за что не отдалъ бы ее замужъ за него, жигана и пропойцу. Надсмѣявшись надъ ней, онъ бросилъ ее. Когда $1\frac{1}{2}$ года спустя онъ вторично сошелся съ нею, мои молодцы, разсказывалъ дѣдъ, „постояли“ за свою сестру и она стала женой Балаболкина. Но это не принесло ей счастія: этотъ жиганъ наградилъ ее худой болѣзнью и теперь она неизлечимо больна отъ него... Было у нея три ребеночка и всѣ рождались въ струпьяхъ и жили только по нѣсколько часовъ. И не у одного Балаболкина эта болѣзнь, а почти у всѣхъ запасныхъ, которыхъ я знаю“, говорилъ дѣдъ. Теперь старикъ держитъ Балаболкина въ ежевыхъ рукавицахъ. „Только этимъ и можно исправить этихъ пройдохъ и приучить ихъ къ честному, мужицкому труду“... продолжалъ старикъ. „А дай ему

свободу да немного денегъ, онъ сейчасъ же откроетъ или худой домъ, или кабакъ.. Всѣ они, запасные, одного поля ягода... По настоящему, не слѣдовало бы оставлять ихъ здѣсь, потому портятся: нѣкому поддержать ихъ и припугнуть, когда они лодырничаютъ и гуляютъ. Будь они на родинѣ, въ своихъ, значитъ, обществахъ, то до такого положенія не дошли бы..." закончилъ дѣдъ свою филиппику.

Въ этотъ моментъ къ воротамъ, гдѣ мы сидѣли, подъѣхали два крестьянина на нѣсколькихъ порожнихъ телѣгахъ. Оказывается, это были земляки дѣда изъ сосѣдней деревни Григорьевки. Они привозили въ Никольскій интендантскій магазинъ муку. Узнавъ, при разговорѣ съ дѣдомъ, что я ожидаю поѣзда, который прибудетъ на Никольскій вокзалъ только завтра утромъ, они предложили довезти меня за нѣсколько копеекъ до Григорьевки, а оттуда до ближайшей желѣзно-дорожной станціи, по ихъ мнѣнію, „рукой подать". Я былъ весьма радъ этому случаю выбраться изъ Никольска и согласился на ихъ предложеніе.

Разсчитавшись съ Балаболкинымъ, который былъ уже дома, я простился съ этими, въ сущности, хорошими мужичками и отправился въ путь.

Дорога однообразна: голые, песчаные холмы; равнина, кое-гдѣ покрытая большими лужами стоячей воды.. Нѣкоторыя лужи по своей величинѣ кажутся озерками... Масса дичи...

Убаюкиваемый однообразнымъ движеніемъ телѣги и медленной ѣздой, я заснулъ и проспалъ всю дорогу. Пріѣхали мы въ Григорьевку поздно вечеромъ.

Глава XXVIII.

Бѣдная крестьянская семья въ Григорьевкѣ. Исторія Григорьевки. Два способа переселенія крестьянъ въ Уссурійскій край. Экономическое состояніе григорьевцевъ въ настоящее время.

Апрѣля 3 д. Проснулся я сегодня весьма рано, тѣмъ не менѣе семья, пріютившая меня, была уже на ногахъ. Она была немаленькая. Кромѣ родителей, въ семьѣ было четыре мальчугана и три дѣвочки. Изба, гдѣ помѣщается эта семья и гдѣ я ночевалъ, была единственная во дворѣ. Никакихъ другихъ построекъ, кромѣ дворовъ для домашняго скота, не было. Повидимому, эта семья была изъ числа малосостоятельныхъ. Эта догадка вполнѣ подтверждается дальнѣйшими моими наблюденіями: дѣтвора все утро пристаетъ къ заморенной матери съ настойчивыми требованіями: „Мамка, ись"! „Отстаньте отъ меня, чтобъ васъ.. Ничего у меня нѣтъ", отвѣчаетъ имъ женщина. Но дѣтвора не унимается: „Мамка, ись"! еще настойчивѣе требуютъ дѣти. «О, чтобъ васъ... холеры»! сердится мамка и отрѣзаетъ по ломтику хлѣба каждому просителю. Послѣдніе, получивъ требуемое, стремглавъ убѣгаютъ изъ избы.

„Чаво завтра ись-то станемъ? Ни муки, ни печенаго, окромя этой ковриги... И ту ребята доѣдаютъ. Пошто не купилъ тамъ?", тихо говоритъ женщина мужу, въ телѣгѣ котораго я пріѣхалъ сюда.

„На чаво-жъ купилъ бы я? Спасибо вотъ господину, выручилъ: двѣ рублевки далъ... Сегодня пойду, куплю",—также тихо отвѣчаетъ ей мужъ.

„Хоть бы картошекъ раздобыться, или капусты.. А то ничѣмъ ничего... Ребята всѣ жилы мои повытянули, все нутро повыворотили",—продолжетъ также тихо баба...

„Сходи къ Митрофанычу—попроси... Отработаешь“!...

Я внимательно оглядываю всю избу и припоминаю „Ночлегъ въ деревнѣ“, Никитина.

Душный воздухъ, дымъ лучины
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя полати
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О, нужда, нужда!

Подальше отъ этой грустной картины, выворачивающей „все нутро“!—и я прошу хозяина поскорѣе довезти меня до ближайшей желѣзнодорожной станціи. „Лошадкамъ надоть отдохнуть маненько“, а потому онъ можетъ отвезти меня только вечеромъ, получаю я въ отвѣтъ на свою просьбу. „Сдѣлайте милость, господинъ, погуляйте у насъ до вечера-то, не нанимайте другого“, проситъ меня хозяинъ. Я охотно соглашаюсь. Напившись чаю и забравъ свою записную книжку, отправляюсь по деревнѣ.

Григорьевка, состоящая изъ 102-хъ дворовъ, расположена въ долинѣ при рѣчкѣ Чахезы. Долина эта, имѣющая до 2 верстъ ширины, представляетъ мѣстами сплошное кочковатое болото. Чахеза, какъ горная рѣчка, во время дождей и послѣ таянія снѣга, выходитъ изъ береговъ, затопляя всю долину на громадномъ протяженіи. Поэтому большая часть пашень расположены по отлогимъ склонамъ холмовъ, когда-то лѣсистыхъ, теперь-же покрытыхъ только пнями. Къ сожалѣнію, такихъ удобныхъ для пашенъ горныхъ склоновъ по сосѣдству съ Григорьевкой весьма немного. Преимущественно же горные склоны состоятъ изъ утесовъ съ нагроможденными каменными глыбами. Григорьевка основана 13 лѣтъ тому назадъ. Первые прибывшіе сюда семьи, въ количествѣ 24-хъ, были доставлены сюда морскимъ путемъ на казенный

счетъ. По прибытіи каждая семья получила провіантъ по числу ѣдоковъ на полтора года, сѣмена для посѣва на нѣсколько десятинъ каждой семьѣ, лѣсъ для построекъ жилищъ и деньгами по 50 р. на семью для покупки животныхъ. Все это выдавалось безвозмездно. По словамъ одного изъ григорьевцевъ, первый годъ прошелъ въ постройкѣ жилищъ и дворовъ и въ осмотрѣ мѣстности. Осенью большинство вспахали часть долины, чтобы весною засѣять ее. Но пришла весна, наступила распутица и Чахеза разлилась по долинѣ, потопивъ всѣ пашни. Въ числѣ ихъ были уже и засѣянныя. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ пропало и зерно, отпущенное казною. Опять стали осматривать отведенныя земли, выбирая удобныя для пашень. Вся весна ушла на этотъ осмотръ. Поэтому большинство крестьянъ совсѣмъ ничего не посѣяли и во 2-е лѣто. На третье всѣ посѣяли, но не въ долинѣ, а по склонамъ холмовъ и то въ небольшомъ количествѣ. Большее число десятинъ (отъ 6 до 8) засѣяли тѣ семьи, у которыхъ были свои взрослые работники; одиночки же ограничивались 2-мя, 3-мя десятинами. „Приходилось поднимать новину, очищать ее отъ корней деревьевъ, отъ камней и отъ кустарника. На это ушло много рабочаго времени и труда“, говорилъ мнѣ одинъ григорьевецъ. Къ тому-же у нѣкоторыхъ не хватило и сѣмянъ. Отпущенныя казною многими были израсходованы на другія нужды. Въ 3-мъ году было снято хлѣба только-только на пропитаніе, и то до весны. На другія потребности денежныхъ средствъ совсѣмъ не имѣлось, такъ какъ заработать копейку григорьевцы не имѣли ни малѣйшей возможности. Подали докладную о пособіи. Послѣ уборки и молотьбы хлѣба пріѣхало къ нимъ „начальство“ и, узнавъ, что они дѣйствительно бѣд-

ствуютъ, только руками развело. „Вамъ было отпущено все, что нужно для сельскаго хозяйства, обратилась особа въ толпѣ григорьевцевъ; слѣдовательно нужно было только приложить свои старанія, свои труды и вы, послѣ этихъ трехъ лѣтъ, могли бы быть зажиточными. Но вы не потрудились, какъ слѣдовало, и казенныя суммы, потраченныя на васъ, пропали даромъ. А вы еще просите! Посмотрите, какъ живутъ другіе переселенцы, прибывшіе сюда безъ всякаго пособія. Напримѣръ, никольцы. Они получили отъ казны только одно пособіе, послѣ разгрома ихъ хунгузами. А какъ они зажиточны! Любо смотрѣть на нихъ“.

— „Позвольте сказать Ваше—ство, обратился къ особѣ одинъ нашъ старичекъ,—разсказывалъ мнѣ тотъ же григорьевецъ;—никольцы, кромѣ крупнаго денежнаго пособія, получали въ теченіе 3—4-хъ лѣтъ казенный провіантъ; съ перваго дня прибытія, до сей поры имѣютъ хорошій заработокъ, лежа на печи, отъ своихъ арендаторовъ—манзъ и отъ войскъ; земли у нихъ въ 10 разъ лучше нашихъ, не новины и не расчистки, какъ у насъ, а раньше, до прихода ихъ, были обработываемы манзами; и пахали, и пашутъ ихъ они не сами, а нанимаютъ тѣхъ же манзъ“... Но начальство не пожелало далѣе слушать старика. Грозно крикнувъ «молчать!», особа ускакала въ Хабаровскъ. Результатомъ такого *Изслѣдованія положенія крестьянъ-переселенцевъ* въ Григорьевкѣ и другихъ подобныхъ поселеніяхъ было ходатайство приамурскаго генералъ-губернатора объ отмѣнѣ переселенія на счетъ казны. Ходатайство это было уважено и практиковавшійся ранѣе порядокъ заселенія края былъ отмѣненъ. Вмѣсто него съ 1887 г. былъ введенъ другой—съ выдачею ссуды крестьянамъ, въ размѣрѣ

600 руб., съ уплатою этого долга въ теченіе 30 лѣтъ. Благодаря этому порядку, положеніе позднѣйшихъ переселенцевъ, поселившихся въ Григорьевкѣ съ 1887 по 1890 г.г., было совсѣмъ другое. Получивъ по прибытіи въ край по 600 р., они закупили по 5—6 шт. рогатаго скота, по 2 по 3 лошади, провіантъ и зерно на сѣмена. Обзаведясь инвентаремъ, нѣкоторые изъ нихъ умудрились отложить изъ казенной суммы кое-что и на черный день. Благодаря этому всѣ вновь прибывшіе переселенцы послѣ 1887 г., засѣвая съ перваго же года до 10 и болѣе десятинъ, сразу зажили зажиточно. Въ настоящее время экономическое состояніе григорьевцевъ слѣдующее:

Пять семействъ, имѣющія по 1 лошади и по 2—3 штуки рогатаго скота, засѣваютъ отъ 2-хъ до 4-хъ десятинъ земли.

Тридцать два семейства, имѣющія по одной лошади и по 3—5 штукъ рогатаго скота, засѣваютъ отъ 4 до 6 десятинъ.

Двадцать четыре семейства, имѣющія по 2 лошади и по 4—6 шт. рогатаго скота, засѣваютъ до 8 десятинъ.

Тридцать семь семействъ, имѣющія по 3—4 лошади и по 7—8 шт. рогатаго скота, засѣваютъ отъ 10 до 15 десятинъ.

Четыре семейства, имѣющія по 5—6 лошадей и по 10 шт. рогатаго скота, засѣваютъ отъ 20 до 26 десятинъ.

Наконецъ, два семейства, не имѣющія ни лошадей, ни рогатаго скота, совсѣмъ не занимаются хлѣбопашествомъ.

По сличеніи количества живаго инвентаря и засѣваемыхъ десятинъ у григорьевцевъ и у никольцевъ— не трудно замѣтить, что экономическое состояніе по-

слѣднихъ гораздо лучше, чѣмъ первыхъ: въ Никольскѣ больше зажиточныхъ и меньше бѣдняковъ; въ Григорьевкѣ же—больше бѣдняковъ и меньше зажиточныхъ. По собраннымъ мною даннымъ оказывается, что почти всѣ зажиточные григорьевцы—поздніе переселенцы, послѣ 1887 г., и получившіе ссуду по 600 руб. По словамъ крестьянъ—григорьевцевъ, прибывшихъ сюда въ началѣ 80-хъ годовъ, они тоже бы не бѣдствовали и не закабалили бы себя на вѣчное время кулакамъ, если-бъ тоже получили ссуды по 600 руб. вмѣсто провіанта, сѣмянъ и лѣса на постройки.

Только въ 5 часовъ вечера я могъ уѣхать изъ Григорьевки. Черезъ часъ я уже былъ на вокзалѣ. Такъ какъ поѣздъ ожидался сюда черезъ три часа, то я и расположился на диванѣ отдыхать. Въ 11 часовъ пришелъ поѣздъ изъ Владивостока, и я едва успѣлъ вскочить въ вагонъ 3-го класса.

Глава XXIX.

Озеро Ханка и прилегающая къ нему мѣстность. Неожиданная встрѣча. Закупъ хлѣба для войскъ края.

Апрѣля 4 д. Сегодняшній день одинъ изъ скучнѣйшихъ въ моей жизни. Сижу въ вагонѣ и, не отрывая глазъ, смотрю въ окно. Предъ глазами тянется однообразная картина. На югѣ и юго-западѣ синѣютъ отроги южной части Сихота-Алиньскихъ горъ. Они отодвигаются въ даль, постепенно исчезая. Прямо—голые холмы. Отъ сѣверо-запада словно бѣжитъ къ намъ на встрѣчу печальная равнина, постепенно понижающаяся къ горизонту... Кое-гдѣ блестятъ небольшія озерки или, быть можетъ, лужи. По мѣрѣ того, какъ исчезаютъ горы, а голые холмы отодвигаются къ югу, словно убѣгая за синѣющими горами Сихота-Алиня, равнина все болѣе и болѣе надвигается къ намъ на встрѣчу. Вдали она переходитъ въ кочковатое болото. Прямо предъ нами уже не голые холмы, а она, необозримая болотистая равнина. А вотъ на сѣверо-западѣ блеститъ на солнцѣ водное пространство. Это озеро Ханка. Оно кажется безконечнымъ и, какъ будто, сливается съ горизонтомъ. Быстро надвигаясь къ намъ на встрѣчу, оно не приближается, а идетъ мимо, на югъ, какъ будто тоже гонится за голыми холмами.

Съ сѣверо-востока и юго-востока Ханка окружено болотистой низменной равниной. Ширина этой низменности болѣе 100 в. Съ сѣверо-запада, съ запада и юго-запада озеро окружаютъ лѣсистые холмы. Кое-гдѣ они отходятъ отъ береговой линіи на 50 и на 100 саж., а кое-гдѣ и плотно прилегаютъ къ самой водѣ. Если смотрѣть на озеро съ птичьяго полета, то оно имѣетъ конусообразную форму. Сѣверная часть его шире, около 60—65 верстъ, а южная уже—версты 3—4. Къ его сѣверной сторонѣ примыкаетъ небольшое озеро яйцевидной формы, соединяющееся съ большимъ озеромъ проливомъ. На южной сторонѣ—два три небольшихъ заливчика. Величина озера невелика: длина его около 80 в., ширина, какъ я уже сказалъ, около 65 в. Окружность его около 300 в. Дно Ханка имѣетъ видъ короткой, но широкой воронки: около береговъ чрезвычайно мелко; къ срединѣ постепенно глубина его увеличивается, такъ что въ центрѣ доходитъ до 20—25 фут. глубины. Изъ всѣхъ рѣчекъ, впадающихъ въ него, самая замѣчательная—Сунгача. Судоходная на всемъ своемъ протяженіи, но узка, чрезвычайно извилиста и глубока. Берега ея поросли густымъ и высокимъ кустарникомъ.

Мѣстами кустарникъ замѣняется лѣсомъ, тоже высокимъ и густымъ. Вся широкая долина, по которой течетъ Сунгача, низменно-песчаная, а мѣстами болотистая. Вся эта широчайшая долина была когда то дномъ Ханка, которое простиралось до береговъ Мурени.

По мѣрѣ того, какъ мы больше и больше уходили на сѣверъ, зеркальная поверхность озера отодвигалась на юго-западъ. Наконецъ она и совсѣмъ исчезаетъ. Предъ нами тянется та же равнина, на которой ни одного холмика, ни одного человѣческаго жилья. Однообразная и пустынная, она кажется безконечной. Чтобы не видѣть эту скучную картину, я пересаживаюсь къ противоположному окну вагона. Изъ этого окна видна другая картина. Вдали тянутся безконечной цѣпью синія лѣсистыя горы. Между ними и желѣзнодорожнымъ полотномъ невысокіе холмы, то голые, то покрытые лѣсомъ. Ихъ раздѣляютъ долины, уходящія на востокъ. И тутъ полное отсутствіе жизни.

Надоѣдаетъ и эта картина.

Я обращаю вниманіе на пассажировъ, своихъ спутниковъ по вагону, которые какъ сельди наполняютъ вагонъ. Тутъ манзы и корейцы, солдаты и наши мужички. Воздухъ невыносимо душенъ. Нѣтъ возможности здѣсь сидѣть, и я рѣшаюсь пересѣсть въ другой вагонъ... Въ этотъ моментъ является кондукторъ и громко возглашаетъ: „станція Свіягина. Стоимъ пять минутъ"! Вмѣстѣ съ другими, я тоже кидаюсь, но не къ двери вагона, а къ кондуктору,—и прошу его помѣстить меня въ вагонѣ II класса, обѣщая уплатить разницу. Тотъ соглашается, и мы идемъ туда.

Вотъ я и въ вагонѣ II класса. Смотрю—только одинъ пассажиръ, и тотъ беззаботно спитъ.

Ба! знакомое лицо... Оказывается одинъ изъ моихъ владивостокскихъ знакомыхъ, интенданскій чиновникъ-

коммиссіонеръ. Я безцеремонно бужу его. Мой знакомый потягивается, протираетъ глаза и смотритъ на меня.

— Кого я вижу! Гавріилъ Тимофеевичъ! кричитъ онъ и бросается ко мнѣ съ объятіями.

Послѣ обычныхъ привѣтствій мы вступаемъ въ бесѣду.

— Какими судьбами вы попали сюда? между прочимъ, спрашиваетъ онъ меня.

Я разсказываю ему въ краткихъ словахъ о своемъ путешествіи. Едва я успѣлъ упомянуть о вагонѣ III класса, какъ мой знакомый пришелъ въ негодованіе. „Пожалѣли нѣсколько рублей и сѣли чортъ знаетъ съ кѣмъ! Впрочемъ, быть можетъ вы въ плохихъ денежныхъ обстоятельствахъ?"—задаетъ онъ мнѣ нескромный вопросъ. Нечего дѣлать, признаюсь ему.

— Этому легко помочь. Я ѣду въ Хабаровскъ для представленія отчета начальству. Но требуемый отчетъ не готовъ у меня. Признаюсь, я даже не начиналъ его. Вотъ я и думаю остаться въ Графской на нѣсколько дней, чтобы спеціально заняться имъ. А такъ какъ мнѣ необходимъ помощникъ, котораго я хотѣлъ искать въ станицѣ, то вы и можете...

Но я не даю ему окончить: выражая свою благодарность, я жму и трясу его обѣ руки...

— Ну, ладно, все это прекрасно. Теперь мы закусимъ на радости, говоритъ мой знакомый.

Онъ снимаетъ съ полки большой сакъ, вынимаетъ оттуда всевозможныя закуски, нѣсколько бутылокъ винъ, походный сервизъ и мы усаживаемся за столикъ.

Плотно закусивъ съ приличнымъ и обильнымъ возліяніемъ бахусу, коммиссіонеръ снова укладывается спать. Я же пользуюсь случаемъ набросать на бумагѣ нѣсколько мыслей, навѣянныхъ на меня встрѣчей съ интендантскимъ коммиссіонеромъ. Я хочу сказать нѣ-

сколько словъ о дѣятельности интендантства въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

Въ настоящее время интендантствомъ скупается часть излишка зерна у крестьянъ. Закупъ этотъ обыкновенно происходитъ такъ. Коммиссіонеръ, получивъ распоряженіе о закупкѣ зерна, напримѣръ, въ количествѣ 200,000 пуд., сначала ѣдетъ въ многолюдное село Никольское, гдѣ и ведетъ переговоры съ сельскимъ старостой. Начинаются эти переговоры съ оффиціальнаго запроса: кто именно изъ крестьянъ никольскаго сельскаго общества и сколько именно можетъ продать зерна казнѣ къ такому-то числу. Староста собираетъ сходъ, гдѣ и объявляетъ о подрядѣ на поставку зерна. Здѣсь-же, на сходѣ, выясняется общая цифра зерна, которое могутъ поставить никольскіе крестьяне. Составляется общій списокъ всѣхъ никольскихъ поставщиковъ съ показаніемъ предъ каждымъ количества зерна, продаваемаго казнѣ. Затѣмъ выбирается всѣми поставщиками Никольска довѣренный, который и представляетъ коммиссіонеру этотъ списокъ и свою довѣренность-приговоръ. Коммиссіонеръ заключаетъ съ нимъ контрактъ на поставку зерна подъ круговую поруку, выдаетъ задатки и ѣдетъ въ другое село, гдѣ продѣлывается то же самое. Къ извѣстному числу зерно доставляется поставщиками на одну изъ ближайшихъ къ селу военныхъ мукомоленъ. При пріемѣ зерна на мельницѣ исключается съ каждой сотни по 10 фунт. на утрусъ и упылъ. „Какой тутъ утрусъ и упылъ, коли ни одно зерно не выскочитъ изъ мѣшка. Потому наши бабы всѣ крошечныя дырки заштопываютъ. На этотъ счетъ у насъ безъ сумленія:—никогда не бываетъ ни утруса, ни упыла",—толкуютъ по этому поводу мужики-поставщики. Тѣмъ не менѣе они безропотно принимаютъ эту жертву.

„Надо же и барину дѣтишкамъ на молочишко", говорятъ одни. „Міръ отъ эфтова не обѣднѣетъ, а баринъ придираться не станетъ", говорятъ другіе. „Съ міру по ниткѣ—голому барину штаны", говорятъ третьи. Послѣ перемола мука сдается въ продовольственный магазинъ. Принимая муку отъ поставщиковъ, смотритель магазина также исключаетъ съ каждаго пуда по три фунта на упылъ и утрусъ... *) Что касается до коммиссіонера, то казна сама даетъ ему взятку въ видѣ 3% съ каждаго купленнаго имъ для казны пуда. Три копѣйки съ пуда—сущій пустякъ, но въ общей массѣ всего закупа, напримѣръ 300.000 или 500.000 пуд.—это не пустякъ. Нѣсколько лѣтъ по такому кушу деньжищъ,—и коммиссіонеръ становится капиталистомъ и бросаетъ службу. Интересно прослѣдить цифровыя данныя о количествѣ пріобрѣтаемаго военнымъ вѣдомствомъ хлѣба въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Напримѣръ, въ 1883 г. было закуплено казною 40.000 п., въ 1884 г.—81.000, 1885 г.– 88.000, 1886 г.—187.000, 1887 г. — 166.000, 1888 г. — 227.000, 1889 г.—258.000, 1890 г.—303.000, 1891 г.—586.918, 1892 г.—286.000 и въ 1893 г.—120.000 пуд. и т. д.

Но не всегда зерно для военнаго вѣдомства закупается только у мѣстнаго населенія: во время урожаевъ въ Евр. Россіи оно доставляется сюда морскимъ путемъ изъ Одессы или Петербурга, а въ 1893 г., подъ вліяніемъ пониженія фрахта изъ Одессы во Владивостокъ, здѣсь имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ: въ этомъ году мѣстный военный окружный совѣтъ понизилъ заготовительную цѣну до 74 к. за пудъ зерна. Мѣстное населеніе признало такую цѣну убыточной

*) Кромѣ вѣса на мѣшокъ.

для себя и отъ поставки зерна казнѣ по этой цѣнѣ отказалось. На отказъ повліяло то обстоятельство, что въ этомъ году здѣсь появились новые потребители крестьянскаго хлѣба: желѣзнодорожные рабочіе и винные заводы, которые платили за хлѣбъ дороже казны.

Конечно, всѣ вышеприведенныя мною цифровыя данныя изъ дѣятельности въ краѣ интендантства не могутъ быть показателями земледѣльческой дѣятельности крестьянъ Южно-Уссурійскаго края, такъ какъ у нихъ закупаются интендантствомъ только излишки хлѣба.

Однако, какая-же общая производительность хлѣба въ Южно-Уссурійскомъ краѣ? По даннымъ, добытымъ мною, въ 1896 г. было собрано зерна въ краѣ, приблизительно, немного больше милліона пудовъ. Изъ этого количества для продовольствія самого сельскаго населенія, по числу 32,000 душъ обоего пола, потребовалось въ среднемъ 384,000 пуд. Слѣдовательно, всего излишка оказалось около 600,000 п. съ небольшимъ. Часть подобныхъ излишковъ обыкновенно вывозится на рынокъ и скупается на продовольствіе служащаго люда, мѣщанъ и проч. обывателей края; часть же скупается интендантствомъ и винными заводами.

Перехожу, однако, къ описанію своего дальнѣйшаго путешествія. Прибыли мы въ Графскую только ночью. Высадившись со всѣми своими пожитками, мы ночью-же перебрались на земскую квартиру.

Глава XXX.

Наши мытарства. Рѣка Уссури и ея притоки. Средняя и сѣверная части Уссурійскаго края. Флора и фауна.

Апрѣля 26 д. Станица Венюкова. Послѣдняя глава моего дневника была писана въ Графской 4 апрѣля. Тамъ мы жили дня 4. Съ 10 часовъ до 12 работали надъ отчетомъ; послѣ обѣда, съ 2-хъ часовъ, я или

посѣщалъ жителей станицы, или ѣздилъ по окрестностямъ, или плавалъ на лодкѣ по Уссури. На пятый день въ станицу прибылъ казачій офицеръ и занялъ земскую квартиру, такъ что мы должны были ретироваться. Послѣ тщетныхъ поисковъ подходящей квартиры въ Графской, мы должны были перебраться въ Пѣшкову. Способъ передвиженія—на лодкѣ по теченію, съ 3-мя гребцами-казаками. Впрочемъ, послѣдніе большею частью сидѣли сложа руки, такъ какъ теченіемъ насъ неудержимо несло впередъ. Въ Пѣшковѣ пробыли дней 7, жили тоже на земской квартирѣ и такъ же проводили время. На 8-й день случился такой же казусъ, какъ и въ Графской, и мы снова должны были перебраться въ другую станицу. За ненастьемъ, мы были вынуждены сдѣлать самый маленькій переѣздъ и остановиться въ Покровской. Благодаря отвратительной квартирѣ, пробыли мы здѣсь только дня два, на третій же перебрались въ Куколево, гдѣ живемъ и сейчасъ. Эти мытарства, какъ для моего спутника, принужденнаго по роду своей службы. вести цыганскій образъ жизни, такъ и для меня, не были непріятны. Мало этого, они были для меня и полезны: благодаря этимъ мытарствамъ, я успѣлъ познакомиться съ казачьимъ населеніемъ по Уссури.

Такъ какъ данныхъ объ этомъ предметѣ у меня собрано достаточно, то и берусь съ сегодняшняго дня за обработку этого матеріала.

Уссури—одинъ изъ крупныхъ притоковъ Амура. Она имѣетъ большое сходство съ растущимъ деревомъ Стволъ этого дерева весьма искривленъ. На правой сторонѣ его втрое больше вѣтвей, чѣмъ на лѣвой.

Главная причина такого богатства притоковъ съ правой стороны, конечно, обиліе влаги. Обиліе послѣдней обусловливается близостью океана и многочислен-

ными отрогами Сихота-Алиньскаго хребта, тянущимися на 400—500 верстномъ протяженіи къ западу, вплоть до Уссури. Не малую роль въ обиліи влаги играютъ также дремучіе лѣса, покрывающіе почти непрерывной щетиной и вершины, и склоны какъ главнаго хребта, такъ и его отроговъ. Большая часть послѣднихъ расположена перпендикулярно къ главному кряжу. Одни изъ отроговъ доходятъ вплоть до Уссури, другіе не достигаютъ береговъ ея верстъ 50 и болѣе. Въ первомъ случаѣ береговая мѣстность Уссури холмистая, во второмъ—низменно-болотистая. Тѣ и другіе отроги, выдѣляя въ свою очередь изъ себя мелкіе отроги, образуютъ множество долинъ, то широкихъ въ нѣсколько верстъ ширины, то узкихъ, переходящихъ въ ущелья. Почти всѣ долины, долинки и ущелья покрыты богатой и разнообразной древесной растительностью. Тутъ и дубъ, и липа, достигающая болѣе 120 фут. высоты и до 5 фут. въ діаметрѣ, кленъ, пробковое дерево, грецкій орѣхъ, груша (а въ Южно-Уссурійскомъ краѣ попадаются абрикосовое дерево и аралія), ясень, грабъ, осина, тополь, ильма, ольха, береза бѣлая и черная, кедръ, пихта, сосна и тисъ. Все пространство между деревьями покрыто довольно крупнымъ кустарникомъ, какъ виноградъ и максимовичія китайская, обвивающая стволы деревьевъ, циссусъ и барбарисъ, коломикта и бересклетъ, целастръ и крушина, акація малорослая и таволга, малина и шиповникъ, боярка и дикій жасминъ, дейтція и панаксъ, бузина и калина, сирень и ива. Не менѣе богата и травянистая растительность, которую представляютъ: тросте-полевица, чилима, кувшинка, аиръ, касатикъ, мытникъ, лютикъ, лилія, піоны, ясенецъ, синюха и мног. другіе.

Большая часть этихъ лѣсовъ, состоящихъ изъ поименованныхъ выше крупныхъ деревьевъ и кустарниковъ, непроходимы и служатъ прекраснымъ обиталищемъ звѣрямъ и пернатымъ. Изъ числа первыхъ здѣсь водятся: уссурійскій тигръ, кабанъ, пантера, изюбрь, сохатый, медвѣдь и множество другихъ мелкихъ. Не бѣдны уссурійскіе лѣса и пернатыми....

Изъ притоковъ Уссури слѣдуетъ отмѣтить: Хоръ, Бикинъ, Има (или Имань), Анули, Кей и др. Всѣ эти рѣки доступны въ нижнихъ своихъ частяхъ мелкосидящимъ пароходамъ. Глубина ихъ въ этихъ частяхъ колеблется отъ $1^1/_2$ до 20 футовъ, а ширина отъ 50 до 400 саж. и болѣе. Въ среднихъ теченіяхъ эти рѣки доступны лодкамъ, даже крупнымъ, а верховья нѣкоторыхъ изъ нихъ только небольшимъ лодкамъ, какъ, напримѣръ, маленькимъ орочонскимъ и гольдскимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ чрезъ собственные притоки сближаются съ сосѣдними рѣками на весьма близкое разстояніе. Напримѣръ, рѣка Кія въ одномъ мѣстѣ находится только въ 2-хъ верстахъ отъ рѣки Хоръ. Бикинъ тоже на близкое разстояніе сходится съ рѣкою Хоръ, а Имань съ Анули. Чрезъ отдѣляющій ихъ перешеекъ, въ видѣ невысокой горы съ пологими скатами, проведены торныя дороги. Аборигены края: орочоны, гольды, тазы, а позднѣе манчжуры и китайцы, давно пользуются этими путями сообщенія, переходя изъ одной рѣчной системы въ другую, изъ другой въ третью. При этихъ переходахъ лодки и грузъ или перетаскиваются чрезъ невысокіе хребты, служащіе перешейками между двумя притоками Уссури, или перевозятся поселившимися на этихъ перешейкахъ китайцами и манчжурами на своихъ лошадяхъ или на быкахъ за извѣстную плату.

Однако, главная дѣятельность поселившихся на этихъ перешейкахъ китайцевъ и манчжуръ въ верховьяхъ притоковъ Уссури состоитъ не въ перевозкѣ лодокъ, а въ скупкѣ у орочонъ, гольдовъ и др. инородцевъ дорогихъ мѣховъ, пантовъ и дичи, и въ снабженіи ихъ ханшиномъ, порохомъ и другими товарами. О торговлѣ этой я уже говорилъ въ первыхъ главахъ моего дневника.

Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ край, куда было призвано забайкальское казачество хозяйничать. А о томъ, какъ они хозяйничали здѣсь, я поговорю въ слѣдующей главѣ.

Глава XXXI.

Исторія Уссурійскаго казачества. Разсказъ стараго казака-уссурійца.

Апрѣля 27 д. Уссурійскій край перешелъ къ намъ отъ Китая по Айгунскому договору, подписанному графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ 16 мая 1858 г. Но вопросъ о границахъ этого края по этому договору, по просьбѣ цзянь-цзюня И-Шанъ *), былъ оставленъ въ неопредѣленномъ положеніи до полученія распоряженія изъ Пекина. Тѣмъ не менѣе, не столько для защиты предполагаемой границы края, сколько для фактическаго обладанія Уссурійскимъ краемъ, въ томъ же году было поселено по правому берегу Уссури 150 семействъ забайкальскихъ казаковъ, которые и образовали первыя четыре станицы. Въ слѣдующій 1859 г. прибыли сюда уже не 150, а около 1000 семействъ тѣхъ же казаковъ. Все это въ большинствѣ

*) Главнокомандующій, командированный изъ Пекина для заключенія договора.

были бѣдняки. Въ 1860 г. ноября 12 графомъ Игнатьевымъ былъ заключенъ въ Пекинѣ другой договоръ, по которому, между прочимъ, границею Уссурійскаго края была признана рѣка Уссури, при чемъ правый берегъ ея былъ оставленъ за нами, а лѣвый за Китаемъ. Въ 1861 г. опять прибыли сюда забайкальцы въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ году здѣсь была поселена послѣдняя партія забайкальцевъ, тоже въ числѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Въ концѣ этого года здѣсь было уже 23 станицы съ населеніемъ до 5000 душъ обоего пола. Что представляло изъ себя это населеніе, видно изъ „Краткаго очерка занятія Амурскаго края". По словамъ этого оффиціальнаго изданія, три четверти казаковъ, поселенныхъ по Амуру и по Уссури, были штрафованные, т. е. совершенно порочные люди. Порядочные казаки были поселены только въ началѣ заселенія.

— И мы, добропорядочные-то, не лучше были штрафованныхъ, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, старый уссурійскій казакъ. Когда вышло приказаніе снарядить насъ на Амуръ, гдѣ мы должны были остаться на вѣки-вѣчные, то всѣ думали, что вотъ началось второе-то пришествіе Христа! Ей-Богу такъ думали! Амуръ! Что такое Амуръ? Ни о такой рѣкѣ, ни о такой странѣ намъ и во снѣ не снилось. Что тамъ и кто тамъ—тоже не знали. Всѣ мы думали, что тамъ то и начнется страшный судъ, тамъ-то молъ и адъ кромѣшный. Потому, говорили наши грамотеи, и въ писаніи сказано, что адъ на востокѣ, да и Антихристъ долженъ родиться тамъ-же, на востокѣ. Туда то и погонятъ всѣхъ людей... А вѣдь Амуръ-отъ и въ самомъ дѣлѣ на востокѣ! говорили наши грамотеи. Ужъ если они вѣрили этому, то мы и подавно. И что

тогда было! Боже мой! Боже мой! Даже теперь страшно и стыдно вспомянуть о томъ времени.

— Что же было тогда? спрашиваю я.

— Повальное пьянство и распутство—вотъ что было! Все равно ужъ, молъ, не долго остается жить, погуляемъ въ послѣдній разокъ, говорили мы,—и гуляли! Прямо скажу, тогда ничего святого не было для насъ... Потомъ начальство наше пріѣзжаетъ къ намъ. Мы, казаки, въ строю, а бабы наши съ малыми ребятами да старики съ подростками за нами, за строемъ, значитъ. Ну, ребята, говоритъ начальство, нашему Батюшкѣ-Царю угодно, чтобы мы постояли своей грудью за Царя, вѣру и отечество. Нѣкоторые изъ васъ, ребята, говоритъ начальство, пойдутъ по жребію въ походъ на Амуръ со своими семействами и пожитками. Если походъ будетъ безъ пороховаго дыма и крови, то всѣ будутъ поселены тамъ на жительство. Въ противномъ случаѣ мы всѣ, говоритъ, ляжемъ тамъ костьми. Тѣ же, которые останутся дома, будутъ стоять на-готовѣ. Чуть что и ихъ туда-же Когда начальство ускакало дальше, у насъ снова началась гулянка и распутство. Наипаче свирѣпствовали мы, молодякъ. Да и пожилые отъ насъ не отставали. Потому, все равно, если не къ Антихристу гонятъ, такъ въ походъ, на войну, значитъ. Но гулять пришлось недолго. Новый приказъ: явиться туда-то брать жребій. Брать его отправились семейные главари. Достался жребій идти на Амуръ и нѣкоторымъ изъ порядочныхъ и зажиточныхъ казаковъ. Но имъ страсть какъ не хотѣлось идти... Попробуемъ нанять за себя, толковали они межъ собой. Можетъ быть начальство и дозволитъ. Вотъ, мы-то и нанялись сюда. За нами была только одна кличка „добропорядочныхъ“, на самомъже дѣлѣ мы были тогда отъявленные.... Только не

успѣли занести насъ въ штрафной журналъ... Ну, отправились наши наниматели къ начальству съ нами, наемными шкурами. Такъ и такъ, говорятъ, по домашности много заведено, пахоты довольно изготовлено для посѣва, сѣна накошено много, живности разной полные дворы, семьи большія, всѣ малъ-мала меньше, для насъ разореніе. А вотъ товарищи за насъ нанимаются,—имъ сподручно идти, потому заведенія по домашности у нихъ самая малость, однѣ лядащія лачуги да молодыя бабы.... Явите ваше п-во божескую милость, дозвольте... Начальство, конечно, согласилось, потому никто не врагъ себѣ. „Хоть очистятся, молъ, станицы отъ всякой дряни“. Сначала мы, амурцы, собрались въ Сивакову (деревенька около Читы, на р. Ингодѣ). Посадили насъ на плоты... Плывемъ мѣсяцъ, плывемъ другой. Не приведи Богъ, сколько горя да напасти перенесли мы. И топули-то мы, по нѣсколько разъ въ день *), и голодовали-то. А про болѣзни и говорить нечего: никогда онѣ не оставляли насъ, не оставляютъ и по сейчасъ. За то наше начальство даже ножки свои не замочило, а о жратвѣ, такъ и говорить нечего,—они какъ сыръ въ маслѣ катались. Только малость охрипло, кричамши на насъ, да ладошки у ихъ ручекъ поопухли малость, послѣ угощенія насъ плюхами да подзатыльниками... Такъ вотъ каковъ былъ этотъ походъ сюда! Мы только испортили жизнь свою. Нѣтъ, нѣтъ—да и прихворнешь. Слабость какая-то. Просто работа не идетъ на умъ, все валится изъ рукъ. Да къ тому же плохая жратва, и намерзлись здѣсь въ первые-то года. Потому, домишки строили сами, изъ

*) На дню разъ десять плоты или садились на мель, или путались въ кустарникахъ по протокамъ. Начальство, бывало, кричитъ: Ребята! въ воду! сунешься въ воду—выше головы .. Вылѣзешь изъ воды—не обсохнешь и не согрѣешься—опять команда: Ребята! въ воду!...

сырого лѣса, печи сбиты кое-какъ изъ глины. Бывало, каждый день угорали, потому въ избушкахъ и холодно, и сыро. У кого были ребятки, всѣ перемерли. А здѣсь понародились какіе-то, Богъ съ ними, лядащіе да хворые. И чего бы кажется... Сами не ѣли хорошо, за то ихъ старались кормить—и все напрасно. И всѣ эти напасти пошли на насъ съ перваго же года поселенія здѣсь. Кое-какъ посѣяли хлѣба по десятинкѣ, а кто и по двѣ; пришло лѣто, пошли дожди, потопило все— и поля, и огороды. Начальство бранитъ—такіе, сякіе лѣнтяи, расчистите лѣсъ повыше и тамъ посѣйте... Мы имъ, бывало, докладываемъ: далеко отъ станицъ, нельзя будетъ понаблюсти за полями-то. Знать ничего не знаемъ, дѣлайте какъ вамъ велятъ. Ну, кое-какъ и кое-гдѣ порасчистили, мало-мало посѣяли—уродилось все: и трава, и молодой лѣсокъ, и между ними по нѣскольку колосковъ. Кое-гдѣ былъ и сплошной хлѣбъ, да истоптанъ. Такъ и маялись мы изъ года въ годъ. Все бы это ничего, да, вишь, пропойцевъ да распутниковъ и распутницъ между нами было видимо-невидимо. Помощи да дѣла отъ нихъ ни-ни, а зла— сколько хочешь. Отъ нихъ и всѣ испортились. Бывало, какъ не берегутъ мать да отецъ своихъ дочерей, а придетъ пора—разнымъ обманомъ вырвутъ дѣваху изъ подъ родительскаго носа для какого-нибудь проѣзжаго барина или богатѣя. Ей какой нибудь платочекъ, или сережки, а себѣ четвертную, а то и сотенную. А родителямъ и невдомекъ. Спросишь бывало: откуда у те обновка-то, дитя? Сватья подарила, или кума... И успокоишься. Тожъ и съ казачатами: спаивали пареньковъ да къ распутству пріучали злые люди съ измальства. А шило въ мѣшкѣ не утаишь: нѣтъ, нѣтъ да и удостовѣришься, что сплетни-то про твоихъ дѣтей не пустыя слова, а сущая правда. Сначала съ досады и съ горя свирѣпствуешь, а потомъ и рукой махнешь!... Такъ закончилъ свой разсказъ старый казакъ,—и грустно поникъ сѣдой головой.

Глава XXXII.

Современное состояніе уссурійскихъ казаковъ въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Переселеніе въ Уссурійскій край донцовъ и оренбургцевъ. Льготы имъ. Мнѣніе уссурійцевъ по этому поводу.

Апрѣля 28 д. Вчерашній разсказъ стараго казака-уссурійца произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какую тяжелую и продолжительную борьбу пришлось вести этимъ воинамъ! Врагъ, съ которымъ воевали казаки, неумолимъ. Онъ чуждъ милосердія и состраданія; онъ безсловесный и неодушевленный. Побѣдить его можно только знаніемъ или, по крайней мѣрѣ, опытностію. А этого какъ разъ и не было, нѣтъ и теперь, и не предвидится, чтобы когда-нибудь въ недалекомъ будущемъ и было у нихъ это вѣрное орудіе въ борьбѣ съ такимъ врагомъ какъ природа... И шла эта борьба нѣсколько десятилѣтій, шла непрерывно изъ года въ годъ, изо дня въ день, продолжается она и понынѣ, и не видно конца ей. Однако, кто же изъ борющихся одерживаетъ побѣду? На первый взглядъ, кажется, какъ будто поле битвы остается за уссурійцами. Въ дѣйствительности же они побѣждены неумолимымъ врагомъ—природою. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, имѣющихъ постоянное сношеніе съ казаками, они вырождаются съ каждымъ поколѣніемъ. Вотъ почему дѣти этихъ мучениковъ такъ слабы и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніяхъ. Напримѣръ, они чужды предпріимчивости, мужества, энергіи. И дѣйствительно, несмотря на 40-лѣтнее пребываніе амурцевъ въ этомъ краѣ (какъ я

убѣдился самъ), имъ извѣстны только самыя ближайшія къ станицамъ мѣстности. Что же касается того пространства, которое тянется отъ казачьихъ земельныхъ угодій до береговъ Японскаго моря, то оно и начальству-то не было извѣстно, не говоря уже про уссурійскаго казака. Только въ послѣднее время, съ 1894 г., приамурскій генералъ-губернаторъ Духовской для изслѣдованія этого пространства сталъ командировать охотничьи команды отъ линейныхъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Затѣмъ, не смотря на богатство края дичью, уссурійскіе казаки почти не занимаются охотничьимъ промысломъ. Только изрѣдка нѣкоторые изъ нихъ охотятся и то въ ближайшихъ окрестностяхъ станицъ. Предметъ охоты — безобидная смиренница-козуля.... Между тѣмъ, уссурійскіе лѣса чрезвычайно богаты, какъ уже сказалъ я, звѣрями.. По словамъ знатоковъ, здѣшніе поселяне не боятся только бурундука... Это, конечно, шутка, но, къ сожалѣнію, въ ней есть доля правды. Не менѣе дикихъ звѣрей они боятся хунхузовъ. А хунхуза они видятъ въ лицѣ каждаго китайца. Какъ могла развиться у нихъ подобная черта, чуждая нашему народу? Нельзя и думать, что этотъ недостатокъ есть прирожденное свойство сибиряка. По словамъ тѣхъ же компетентныхъ лицъ, само начальство со своей стороны способствовало развитію въ здѣшнихъ поселянахъ этого „болѣзненнаго“ недостатка и апатіи *). Дѣло въ томъ, что въ началѣ

*) Это физiологическое явленіе, свойственное и отдѣльному больному индивиду, и цѣлому вырождающемуся обществу; оно первое симптоматическое свойство вырождающагося поколѣнія, въ данномъ случаѣ такого поколѣнія, ближайшіе предки котораго всю свою жизнь прожили въ неблагопріятныхъ для здоровья условіяхъ: непрерывно подвергаясь голоду, холоду и болѣзнямъ, чѣмъ и вызвали атрофію своего потомства.

60-хъ г.г., хунхузы и тигры до такой степени встревожили начальство, что оно приказало „разъ на всегда“, чтобы селяне, въ особенности малолѣтки, безъ разрѣшенія станичнаго начальства не отлучались по одиночкѣ за извѣстную черту отъ станицы безъ настоятельныхъ хозяйственныхъ надобностей. Препятствуя одиночнымъ отлучкамъ, начальство имѣло въ виду, что казаки будутъ ходить за черту артелью. Но этой артельности, товарищества и дружества у казаковъ нѣтъ... Было бы лучше, если-бъ они были предоставлены сами себѣ, своимъ попеченіямъ и заботамъ, или по крайней мѣрѣ были въ менѣе зависимомъ положеніи отъ начальства. А то вѣдь у семи нянекъ дитя непремѣнно будетъ криво. Такъ и случилось! Высшее начальство края сознало эту истину и, озабочиваясь улучшеніемъ уссурійскаго населенія въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ, переселяетъ сюда донцовъ и оренбуржцевъ. Переселеніе послѣднихъ стоитъ казнѣ не дешево. Напримѣръ, въ 1895 г. были поселены здѣсь донцы, въ числѣ 187 семействъ или 1422 душъ обоего пола. На содержаніе ихъ въ пути, отъ Владивостока до мѣста водворенія въ верховьяхъ рѣки Уссури, въ теченіе двухъ недѣль израсходовано 4892 р. По прибытіи на мѣсто поселенія отведены имъ, на выборъ, самыя лучшія мѣста въ краѣ. По водвореніи на мѣстѣ поселенія каждая семья получила готовый строевой матеріалъ на постройки; на продовольствіе они получили безвозмездно (какъ и лѣсъ на постройки) провіантъ на годъ, на сумму 30,845 руб.; на пріобрѣтеніе строеваго коня каждому казаку изъ донцовъ, было выдано по 50 руб., всего 9250 руб. Заимообразно каждой семьѣ было выдано по 550 р. съ уплатою въ теченіе 33 лѣтъ, а всего 102,850 р. Затѣмъ, на командировки войсковой администраціи по водворенію ново-

прибывшихъ и на непредвидѣнные расходы 2,126 р. Что касается расходовъ по перевозкѣ казаковъ изъ Области войска Донскаго до Одессы, а оттуда до Владивостока съ содержаніемъ въ пути, то авторъ замѣтки *), къ сожалѣнію, не сообщаетъ этихъ расходовъ. Для выясненія общей стоимости этого переселенія приходится высчитывать расходы по перевозкѣ казаковъ приблизительно. Если отъ Владивостока до верховьевъ Уссури (на протяженіи 350—400 верстъ) было израсходовано, въ теченіе 3 недѣль 4892 р., то отъ Дона, изъ мѣста ихъ первоначальнаго мѣстожительства, до Одессы, а оттуда до Владивостока на содержаніе и на уплату за плаваніе на пароходѣ Добровольнаго флота было израсходовано, приблизительно, въ теченіе 2-хъ—3-хъ мѣсяцевъ около 50,000 рублей. Затѣмъ, кромѣ донцовъ, были переселены сюда и оренбуржцы въ количествѣ 50 семействъ, всего 345 душъ обоего пола. На передвиженіе ихъ изъ Владивостока до мѣста поселенія на Уссури и прочіе расходы по водворенію ихъ на мѣстѣ новаго жительства было израсходовано 11,634 р. Что касается расходовъ на перевозку и содержаніе этихъ 50 семействъ отъ Оренбурга до Одессы и оттуда до Владивостока, то авторомъ замѣтки они тоже не показаны. Кладу на эти издержки приблизительно 10,000 р.

Подводя общій итогъ всѣмъ расходамъ по переселенію и по водворенію въ теченіе только одного года донцовъ и оренбуржцевъ, въ количествѣ 237 семействъ, имѣвшихъ 1767 душъ обоего пола, авторъ замѣтки говоритъ: „итого безвозвратныхъ расходовъ 62,747 р., заимообразно выдано тѣмъ и другимъ 130,350 р., всего же израсходовано 193,497 р. Если къ этой солидной

*) Приам. Вѣд. за 1895 г.

цифрѣ причислить расходъ по перевозкѣ и содержанію въ пути казаковъ отъ мѣста ихъ первоначальнаго жительства до Владивостока, показанный мною приблизительно въ количествѣ 50,000 р., то получится еще болѣе солидная цифра—около 250,000 р. Бесѣдуя со мною объ этомъ переселеніи, уссурійскіе старожилы говорили: ѣхали сюда эти самые донцы или хоть оренбуржцы, какъ гг. офицеры. А пріѣхали, не пожелали строить себѣ ни избы, ни дворовъ, такъ что начальство вынуждено было нагнать къ нимъ китайцевъ для этихъ построекъ.... Какъ же, будутъ они марать ручки! Не таковскіе люди!.... Даже на пищу отпустили имъ муки два сорта: одну къ обѣду, ржаную, другую бѣлую къ чаю, пшеничную. А на кашу крупы для трехъ перемѣнъ: рисъ, гречневую и буду. А деньжищъ-то сколько отвалили имъ—страсть! По 600 р.! А главное съ большимъ облегченіемъ—на 33 года. Плати ежемѣсячно по 1 р. 50 к. и баста. Легче этого и придумать нельзя.... А намъ и гроша не дали. Впрочемъ, отпускали муку, но и та была гнилая, такъ что и ѣсть нельзя было ее... А мы ѣли... Какъ свиньи какія... Въ самомъ дѣлѣ, насъ и за людей то не считали.. Ногайками хлестали по чемъ попало, потому—штрафованные, такъ что ужъ тутъ церемониться. Только, вѣдь, не убійцы же мы. Каторжныхъ-убійцъ и то милуютъ, а намъ и милости-то не было.

— Никогда не забуду первые годы здѣсь! Наипаче когда мы обстраивались, заявилъ мнѣ одинъ изъ говорившихъ.

— Какъ же вы обстраивались? спросилъ я его.

— Бревна таскали на себѣ изъ лѣса за нѣсколько верстъ—вотъ какъ. А упадешь отъ усталости или отъ хворобы какой,—урядникъ сзади хлещетъ ногайкой....

— Какъ же такъ? удивился я.

— А такъ, по приказанію... А взглянулъ на него косо, или сказалъ какъ-нибудь грубо—порка, по 200—300 ударовъ, да не прутьями, а плетью... Такъ что, бывало, нельзя было пошевелиться отъ боли.

— Что же, ребята,—говорилъ другой,—казна не солнце, всѣхъ не обогрѣетъ; и то надо сказать—кому счастіе, а кому и нѣтъ его во всю жизнь... Справедливости то дождемся только на томъ свѣтѣ, отъ Господа Бога, заявилъ третій.

Такими рѣчами встрѣчали уссурійцы переселеніе въ ихъ край донцовъ и оренбуржцевъ.

Глава XXXIII.

Современное экономическое состояніе уссурійскихъ казаковъ и степень ихъ умственнаго развитія. У семи нянекъ—дитя криво.

Апрѣля 29 д. Сегодня ожидается приходъ сюда (с. Куколево) парохода. Остановится онъ здѣсь на полчаса, чтобы захватить почту и дрова. Въ ожиданіи его, въ послѣдній разъ сажусь здѣсь за свой дневникъ. Въ этой заключительной главѣ объ уссурійскихъ казакахъ я постараюсь выяснить экономическое состояніе уссурійцевъ въ настоящее время и степень ихъ умственнаго развитія. Сначала о первомъ.

Статистическія свѣдѣнія объ уссурійскомъ казачествѣ весьма неудовлетворительны. Напримѣръ, изъ опубликованныхъ въ П. В. за 1896 г. данныхъ, видно, что къ 1 января 1894 г. казачьяго населенія было 7040 душъ обоего пола. Изъ нихъ полныхъ работниковъ, отъ 18 до 55 лѣтъ—1675 д.; полуработниковъ, отъ 14 до 18 и отъ 55 до 60 лѣтъ—373; престарѣлыхъ и малыхъ 1653. О количествѣ домашнихъ жи-

вотныхъ на каждую семью, о пахатной и сѣнокосной землѣ свѣдѣній совсѣмъ нѣтъ. Нѣтъ ихъ и въ опубликованныхъ официальныхъ данныхъ за 1894 г. По этимъ послѣднимъ, въ 1894 году было собрано уссурійцами хлѣба 30,915 четв.; изъ этого количества предназначено на посѣвъ и на продовольствіе въ теченіе года 21,450 четв., избытокъ 8,900 четв.; затѣмъ, лошадей было 6860 шт., рогатаго скота 7697 шт., овецъ и козъ 352. О количествѣ семействъ и дворовъ съ числомъ лошадей и скота нѣтъ ни полслова. А не располагая этими данными, нельзя и распредѣлить домашнихъ животныхъ на семейства или дворы; слѣдовательно, нельзя судить о степени благосостоянія казаковъ. Чтобы добыть эти данныя, я собиралъ ихъ по нѣкоторымъ станицамъ лично. Не стану излагать подробно всѣ добытыя мною свѣдѣнія. Ограничусь только выводомъ, сдѣланнымъ изъ этого матеріала. Большая часть семействъ имѣютъ отъ 1 до 3-хъ лошадей и отъ 2 до 3 ш. рогатаго скота; меньшинство отъ 4 до 6 тѣхъ и другихъ; богатые же казаки, считая ихъ по два, по три на каждую станицу, имѣютъ отъ 6 до 10 лошадей и отъ 6 до 12 ш. рогатаго скота. Хлѣба засѣваютъ: меньшинство (самые бѣдные) по $1\frac{1}{2}$—2 десятины, большинство по 3—4, богатые до 15 десятинъ и болѣе. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что экономическое состояніе уссурійцевъ не особенно завидно. До открытія Владивостокско-Хабаровской желѣзной дороги не малымъ подспорьемъ для казаковъ служила почтовая гоньба и заготовка дровъ для существовавшаго пароходства по Уссури. Къ сожалѣнію, тѣмъ и другимъ пользовались немногіе. Напримѣръ, содержали почтовую гоньбу только богачи, имѣвшіе для этого достаточное количество лошадей и денежныя средства содержать эки-

пажи и проч. Впрочемъ, по нѣкоторымъ станицамъ держали почтовыя пары и небогатые, имѣющіе отъ 2-хъ—4-хъ лошадей. Въ такихъ случаяхъ, для содержанія, напримѣръ, одной почтовой пары, соединялись два и даже три домохозяина. При запряжкѣ, каждый изъ нихъ давалъ по лошади. На козлы садились попеременно то одинъ изъ компаніоновъ, то другой... Что касается до заготовки дровъ, то и эти подряды брались большею частью людьми состоятельными. Слѣдовательно, большинство станичниковъ, болѣе или менѣе бѣдняки, не имѣли этихъ заработковъ, живя исключительно весьма скромнымъ земледеліемъ, огородничествомъ и скотоводствомъ. Не малымъ подспорьемъ для бѣдняковъ служитъ рыболовство. Этотъ промыселъ давалъ и даетъ возможность для бѣдняка-уссурійца, благодаря обилію рыбы въ Уссури, круглый годъ ѣсть рыбу соленую, вяленую и свѣжую. Но въ общемъ питаніе большинства уссурійцевъ неудовлетворительно, такъ какъ въ ихъ пищевыхъ продуктахъ отсутствуютъ главные питательные элементы: говядина, масло, жиръ, молочные продукты. Послѣдніе появляются на столѣ у нихъ только въ торжественные дни: въ годовые праздники, въ именины и проч. Въ обыкновенное же время меню завтрака, обѣда и ужина состоитъ изъ рыбы, картофеля и чая. Въ особенности уссурійцы любятъ чай. Садится ли уссуріецъ за обѣдъ, или за ужинъ, на столѣ обязательно появляется байдара съ этой живительной влагой. Казачки готовятъ чай обыкновенно по забайкальски: когда вскипитъ вода въ чугунѣ, или въ самоварѣ, ее переливаютъ въ байдару (небольшая глиняная посудина), въ которую предъ этимъ кладутъ измельченный кирпичный чай. Затѣмъ хозяйка беретъ поварешку (небольшой ковшикъ, преимущественно, деревянный) и взбалтываетъ воду въ байдарѣ. Эта процедура тянется минутъ 10—15. Когда вода въ байдарѣ изъ чистой и прозрачной превращается въ темно-коричневую густую жидкость, хозяйка кладетъ туда соли, сметаны, льетъ вскипяченое съ пѣнками молоко и масло, снова беретъ поварешку и взбалтываетъ эту смѣсь. Этимъ завершается приготовленіе „карымскаго чая“. Если молока нѣтъ для чая, то хозяйка жаритъ „затуранъ“. Онъ приготовляется такъ: кладется на сковороду масло. Когда масло растаетъ, въ него сыплется мука—горсти двѣ-три—смотря по количеству масла. Затѣмъ эту мѣшанину ставятъ ближе къ огню и, непрерывно мѣшая, поджариваютъ. Чрезъ двѣ—три минуты „затуранъ“ готовъ и кладется въ байдару.

И такъ, повторяю, экономическое состояніе уссурійца незавидно. Онъ бѣденъ. По своей винѣ бѣденъ, или по винѣ другихъ—разбирать не стану. Скажу только слѣдующее: если-бы казачья администрація пожелала, то уссурійскіе казаки давнымъ-давно пользовались бы завиднымъ благосостояніемъ. Въ этомъ отношеніи весьма справедливый отвѣтъ далъ мнѣ одинъ пожилой казакъ-домохозяинъ на предложенный мною вопросъ „Почему они не увеличиваютъ запашку и скотоводство, не смотря на чрезвычайное обиліе у нихъ земли“?

— И на запашку, и на покупку скота надо, вѣдь, деньги. Что могу сдѣлать я съ малолѣткомъ и съ однимъ конемъ или съ двумя? Вспахать десятинки полторы—двѣ и только. Вотъ если-бъ намъ дали столько-же денегъ, какъ этимъ донцамъ, или переселенцамъ-крестьянамъ, тогда дѣло другое... Всѣ господа офицеры и чиновники лезутъ къ намъ съ такими вопросами: почему, да отчего? А скажешь почему,—головой качаютъ, врешь молъ.... Позапрошлый годъ былъ у насъ нашъ главный начальникъ. Когда ему доложилъ

нашъ командиръ, почему мы не увеличиваемъ запашку, онъ изволилъ сказать: надо удобрять и орошать поля, тогда и двѣ десятины дадутъ не меньше, чѣмъ если-бъ они засѣвали десятинъ 7—6. Да какъ это дѣлать?—пусть научатъ. Наши казачата, не хвастая скажу, давно хотятъ учиться, потому грамотному казаку—куда какъ лучше, чѣмъ неграмотному. Да, вишь, у насъ въ станицѣ ни школы, ни учителя.

Въ самомъ дѣлѣ, на всей 800-верстной полосѣ, населенной уссурійскими казаками, четыре—пять школъ и въ печатаемыхъ въ „Приам. Вѣд." статистическихъ свѣдѣніяхъ о нихъ не говорится ни слова. Это оттого, что онѣ не въ блестящемъ положеніи, впрочемъ, кромѣ одной Венюковской. Эта школа содержится на %% съ 10,000 р., оставленныхъ сподвижникомъ Муравьева-Амурскаго Венюковымъ станицѣ его имени. Кромѣ этихъ 4—5 школъ, во всемъ казачествѣ нѣтъ никакихъ образовательныхъ учрежденій: ни читаленъ, ни библіотечекъ; точно также нѣтъ ни бесѣдъ, ни лекцій, какъ въ стрѣлковыхъ и линейныхъ баталіонахъ, расположенныхъ во Владивостокѣ и въ другихъ пунктахъ Южно-Уссурійскаго края. Поэтому нисколько неудивительно, что степень умственнаго развитія уссурійскаго казака самая низкая. Въ этомъ отношеніи онъ недалеко ушолъ отъ дикаря-бурята или гольда. Дѣйствительно, предразсудки у него до такой степени сильны, что и понынѣ онъ вѣритъ, напримѣръ, въ лѣснаго чорта. Однажды, во время прогулки по окрестностямъ одной изъ станицъ, съ однимъ казакомъ я зашелъ въ чащу лѣса. Тамъ было мрачно и темно, даже въ полдень солнечнаго дня. Казакъ, вооруженный саблей и револьверомъ, сталъ креститься, шепча: „Да воскреснетъ Богъ"... На мой вопросъ, что заставляетъ его молиться, онъ сказалъ: „лѣсной чортъ въ полонъ возьметъ насъ и поведетъ туда, гдѣ Макаръ телятъ не пасъ, такъ что мы станемъ блуждать цѣлые дни и ночи, пока не пропадемъ, какъ собаки... Такія оказіи случаются здѣсь, на Амурѣ, сплошь-и-рядомъ", закончилъ казакъ. (Вотъ одна изъ причинъ, почему уссурійцы не любятъ выходить за черту станціонной осѣдлости).

Изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ какъ съ этимъ казакомъ, такъ и съ другими, я убѣдился, что они вѣрятъ въ порчу и въ колдовство, страшатся водяного и баннаго, домового и запечнаго и другихъ разныхъ наименованій чертей и чортовыхъ старичковъ и старушекъ (кикиморъ); вѣрятъ, что земля плоска, какъ столъ, что она на 12-ти китахъ и т. д., и т. д. Впрочемъ, крестьяне-переселенцы въ этомъ отношеніи за поясъ заткнутъ уссурійцевъ-казаковъ. Есть также среди уссурійцевъ и интеллигентные люди, вѣрящіе во всю эту чертовщину. Въ бытность мою во Владивостокѣ, я былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ, какъ чиновникъ среднихъ лѣтъ, предъ обѣдомъ, лилъ въ подполье по рюмкѣ водки и бросалъ туда же по кусочку говядины. На мой вопросъ, для чего онъ ежедневно льетъ туда водку, Его Высокоблагородіе таинственно отвѣтилъ мнѣ: „домовой у насъ что-то пошаливаетъ"... За обѣдомъ супруга этого барина призналась, что они дѣлаютъ это по совѣту одного гольдскаго шамана....

На этомъ мнѣ приходится кончить свой разсказъ объ уссурійцахъ: въ 2 часа дня пришелъ пароходъ, а въ 3 я былъ уже на немъ и плылъ внизъ по теченію.

Потянулись берега то низменные, то высокіе. Тѣ и другіе покрыты то кустарникомъ, то невысокимъ рѣдколѣсьемъ. Изрѣдка попадались и станицы. Здѣсь я вижу только жалкія, полуразвалившіяся и почер-

нѣвшія отъ времени и непогоды лачуги, съ покосившимся и рѣдкимъ заплотникомъ. Иныя лачуги, въ особенности по окраинамъ станицъ, совсѣмъ не были огорожены. А между тѣмъ кругомъ станицъ—лѣсъ, и лѣсъ... Затѣмъ, сколько я не напрягалъ зрѣніе, а не могъ замѣтить ни одного цѣлаго стекла въ небольшихъ оконныхъ рамахъ этихъ лачугъ. Всѣ окна были изъ небольшихъ осколковъ стекла, вшитыхъ между берестами. Всѣ станицы окружены, какъ крѣпостными стѣнами, высокими холмами изъ засохшихъ нечистотъ домашнихъ животныхъ. Тоже добро было и по улицамъ, и по дворамъ, и по стайкамъ.

„Странно, скотоводство у казаковъ небольшое, а нечистотъ много" невольно вслухъ проговорилъ я.

— Никогда не убирали и не убираютъ,—отозвался кто-то между пассажирами.

На высокомъ берегу рѣки, на яру, сидѣла группа казаковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Видъ этихъ людей тоже невзрачный: испитые и оборванные, они имѣли много общаго со своими лачугами.

— Почему же они ничего не дѣлаютъ? Вѣдь, кажется, сегодня не праздникъ,—сказалъ кто-то изъ пассажировъ.

— Не считаютъ нужнымъ. Десятинки по полторы или по двѣ посѣяли, и достаточно. Не хватитъ,— не бѣда: начальство позаботится о нихъ. Они отлично знаютъ это,—сказалъ другой.

— Въ этомъ отношеніи, продолжалъ тотъ-же пассажиръ, русскій народъ одинъ изъ счастливѣйшихъ: нянекъ у него множество... Съ одной стороны это хорошо, а съ другой—худо... Не случилось бы съ этимъ большимъ „ребенкомъ" то же самое, что случилось, по пословицѣ, съ другимъ ребенкомъ, имѣвшимъ семь нянекъ.....

Но вотъ не стало видно и станицъ, и передъ глазами замелькала уссурійская тайга.

— Когда будемъ въ Хабаровскѣ? спросилъ я капитана, чтобы хоть чѣмъ-нибудь разсѣять свое гнетущее настроеніе, навѣянное грустнымъ ландшафтомъ.

— Навѣрно, завтра утромъ, на зарѣ. Ночь лунная, пойдемъ не останавливаясь,—сказалъ онъ.

Я спустился внизъ въ свою каюту и улегся спать, чтобы проснуться въ Хабаровскѣ.

I. 13588